

ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2019, №1

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**



Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru



Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г. выдано Роскомнадзором.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., чл-корр. РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симотомай Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (гл. редактор)

Редакция: Белилина Е.В.; Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Нелидов В.В.; Суркова Т.И. (зав. редакцией); Шпорт Ю.А.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.



**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru



**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical *Japanese Studies in Russia* has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in Russian Federation):

ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Branch of science (in Russian Federation): 07.00.00 History and Archaeology 08.00.00 Economics 23.00.00 Political Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Corresponding member of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Luzianin Sergei G., DSc (History); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Belilina Elena V.; Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V.; Shport Yulia A.; Surkova Tatiana I. (*Head of Editors Office*)

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2019, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Пасивкина С.А. Интерпретация понятия <i>укиё</i> в «Повести о зыбком мире» («Укиё моногатари», 1665 г.) писателя Асаи Рёи	6
Толстогузов С.А. Посольство в Америку 1860 г. и проблема обменных курсов.....	20
Мещеряков А.Н. Этнолог Янагита Кунио об окинавском происхождении японцев	39
Паксютов Г.Д. Экономическое значение японской «индустрии контента»	51
Гуревич Т.М., Изотова Н.Н. Энтомологический код японской культуры	73
Афонасьева А.В. Экономические и интеллектуальные ресурсы китайской диаспоры в Японии	94

Научная жизнь

Ермакова Л.М. Г.Г. Ксимилов и его «Очерк истории современной японской литературы 1868–1906» (Из истории отечественного японоведения).....	111
Киреева А.А. О XI ежегодной конференции Ассоциации японоведов «Япония и Россия в эпоху великих трансформаций».....	135

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2019, No. 1

CONTENTS

Pasivkina S.A. The interpretation of the notion of ukiyo in “Ukiyo-monogatari” (1665) by Asai Ryoï	6
Tolstoguzov S.A. The 1860 Japanese diplomatic mission to America and the matter of exchange rates.....	20
Meshcheryakov A.N. Ethnologist Yanagita Kunio on the Okinawan origin of the Japanese	39
Paksiutov G.D. Economic contribution of Japan’s content industry.....	51
Gurevich T.M., Izotova N.N. The entomological code of Japanese culture.....	73
Afonaseva A.V. Economic and intellectual resources of overseas Chinese in Japan.....	94

Academic Events

Ermakova L.M. G.G. Ksimidov and his “Outline of the contemporary Japanese literature (1868–1906)” (From the history of Japanese studies in Russia)	111
Kireeva A.A. Eleventh annual conference of the Russian Association of Japanologists “Japan and Russia in the Era of Great Transformations”	135

Японские исследования. 2019. №1. С. 6–19.

Japanese Studies in Russia, 2019, 1, pp. 6–19.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10001

Интерпретация понятия *укиё* в «Повести о зыбком мире» («Укиё моногатари», 1665 г.) писателя Асаи Рёи

С.А. Пасивкина

Аннотация. Статья посвящена вопросу изменений в интерпретации понятия *укиё* («зыбкий мир») на примере памятника «Укиё моногатари» («Повесть о зыбком мире», 1665 г.). *Укиё* – важная эстетическая категория культуры эпохи Токугава. Она находит отражение в литературе, театральном и изобразительном искусстве этого времени. «Зыбкий мир» удовольствий, который, прежде всего, был связан с театральными и весёлыми кварталами, стал отражением новой городской культуры. Такая интерпретация получила распространение вместе с началом эпохи Токугава, когда после продолжительных военных конфликтов наступила политическая и экономическая стабильность. Прежде понятие *укиё* несло другой смысл. Оно воспринималось как скорбный мир, полный непостоянства. На точную трактовку слова *укиё* оказывает влияние способ иероглифической записи.

В статье анализируется понятие *укиё* с точки зрения структуры слова, его характера и развития. Также рассматриваются два основных толкования: «бранный мир» и «зыбкий мир». Для этого было специально рассмотрено сочинение «Укиё моногатари». В первой главе памятника, ключевого для понимания мировоззрения середины XVII века, автор Асаи Рёи (ок. 1612–1691) указывает на сосуществование двух разных по характеру трактовок. Писатель одним из первых поднял вопрос о новой интерпретации понятия *укиё*. В «Повести о зыбком мире», вслед за рассуждением о характере слова, Асаи Рёи изобразил жизнь героя Хётаро (в монашестве Укиё-бо). Из этого описания складывается впечатление, что книга представляет собой рассказ о беззаботных скитаниях гуляки, который теряет состояние за азартными играми и проводит всё своё время с куртизанками, – яркая картина мира наслаждений *укиё*. Однако характер «Повести» меняется по ходу развития сюжета: в соответствии с основной мыслью эпохи герой начинает давать конфуцианские наставления.

В статье основное внимание уделяется ранним весёлым похождениям героя, понятие *укиё* рассматривается на примере глав из первого и второго свитков. Для иллюстрации приводится перевод отдельных отрывков «Повести о зыбком мире» на русский язык.

Ключевые слова: *укиё*, «зыбкий мир», «Укиё моногатари», «Повесть о зыбком мире», Асаи Рёи, эпоха Токугава (1603–1867).

Автор: Пасивкина София Антоновна, приглашённый преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, магистрант Института восточных культур и античности РГГУ.

E-mail: sapasivkina@gmail.com

The interpretation of the notion of *ukiyo* in “*Ukiyo-monogatari*” (1665) by Asai Ryōi

S.A. Pasivkina

Abstract. The article is dedicated to the problem of changes in the interpretation of the concept of *ukiyo* (a ‘floating world’), as exemplified by “*Ukiyo-monogatari*” (1665). *Ukiyo* is an important aesthetic category of the culture of Edo Japan. It was expressed in literature, theater, and visual arts. The idea of a ‘floating world’ full of joy and delight marked the life of theater and pleasure districts in Tokyo, Kyoto, Osaka. It became the reflection of a new urban culture. This interpretation became widespread with the beginning of the Edo period, when political and economic stability came after a prolonged period of internal conflicts. Before Edo, *ukiyo* was mostly known as a changing “world full of sorrow”. The exact understanding of *ukiyo* depends on the way the word is written.

This article examines the notion of *ukiyo* from the perspective of its structure, nature, and development. The two main interpretations, a ‘sorrowful world’ and a ‘floating world’, are discussed. “*Ukiyo monogatari*” by Asai Ryōi (1612–1691) is used as an example. In the first chapter, Asai Ryōi states the two different ways of perceiving *ukiyo*: as a ‘sorrowful world’ and as a ‘floating world’. This part of the text is followed by the story of the book’s main character’s life. Hyotaro (*Ukiyo-bo* as a monk) seems to be a careless idler who enjoys gambling and spending time and money in pleasure districts – a very common picture of *ukiyo* life. However, suddenly the nature of the text changes and Hyotaro starts to sermonize as a Confucian scholar.

This article mostly examines the early joyful adventures of Hyotaro through the opening chapters of “*Ukiyo monogatari*”. It concludes with the selected parts of “*Ukiyo-monogatari*” translated into Russian.

Keywords: *ukiyo*, ‘floating world’, “*Ukiyo-monogatari*”, Asai Ryōi, Edo Japan.

Author: Pasivkina Sofia A., visiting scholar at the School of Asian Studies of the Higher School of Economics, graduate student (master degree) of the Institute for Oriental and Classical Studies of the Russian State University for the Humanities. E-mail: sapasivkina@gmail.com

Укиё 浮世 («зыбкий мир») – широко известное эстетическое понятие. С XVII века оно используется как компонент названия японских гравюр укиё-э 浮世絵 («картины плывущего мира», «картины зыбкого мира»). Позже стало обозначать группу текстов укиё-дзо:си 浮世草子 («записи зыбкого мира»). Благодаря гравюре и литературе в массовом сознании укиё ассоциируется с миром наслаждений, который можно найти в двух акусё 悪所 («пагубных местах»): театральном и «весёлом» кварталах. Литература, театр, изобразительное искусство – понятие укиё встречается во многих сферах японской культуры эпохи Токугава, следовательно, его можно считать одной из основных эстетических категорий японского мировоззрения того времени.

Понятие укиё состоит из двух смысловых компонентов: слова ё 世 («мир») и определения к нему – уки. Эта вторая часть записывается тремя разными способами: знаками азбуки кана うき, иероглифом 憂 со значением «печальный» и иероглифом 浮 – «плывущий, зыбкий». На выбор варианта записи тем или иным способом и понимание этого слова оказывали влияние главенствующие идеи соответствующей исторической эпохи.

Слово ế 世 («мир») обладает давней историей. На протяжении долгого времени оно было тесно связано с буддизмом и использовалось для обозначения мира не как физического пространства, а как тесного слияния пространства и времени [Горегляд В.Н., 1975, с. 161].

Постепенно это слово стало всё больше ассоциироваться с настоящим временем, а именно с миром, полным «страданий, желаний, непостоянства» [Горегляд В.Н., 1975, с. 161]. Такой мир казался людям временным, ненадежным пристанищем перед достижением просветления. На этом фоне появились такие определения, как «непостоянный мир» つねなき世 (яп. цунэнаки-ё), «неустойчивый мир» 定めなき世 (яп. садамэнаки-ё), «бранный мир» うきよ (яп. уки-ё).

Нет точных сведений о том, когда слово *укиё* вошло в активное употребление, однако к началу X века оно уже было известно. Одно из первых упоминаний встречается в дане № 81¹ «Исэ-моноготари». В первой императорской поэтической антологии «Кокинвакасю:» 古今和歌集 («Собрание старых и новых песен Японии», X век) сочетание *укиё* используется пять раз (№№ 164, 842, 953, 960, 964). Более того, поскольку считается, что стихи этой антологии выбирались из массы текстов, созданных после самой первой японской антологии «Манъёсю:» 万葉集 («Собрание мириад листьев», VII в.), то некоторые из них могут относиться ко времени до составления «Исэ-моноготари» и понятие *укиё* могло возникнуть еще раньше [Хасимото, 1975, с. 43].

После слово *укиё* встречается во многих памятниках эпохи Хэйан (794–1185): дневниках «Кагэро: никки» 蜻蛉日記 («Дневник эфемерной жизни», XI век), «Сарасина никки» 更級日記 («Одинокая Луна в Сарасина», XI век), *дзуйхицу* «Макура-но со:си» 枕草子 («Записки у изголовья», XI век), романе «Гэндзи моноготари» 源氏物語 («Повесть о Гэндзи», XI век) [Найто, 2017, с. 43–50]. *Укиё* в значении «бранный мир» появляется в поэзии Сайгё (1118–1190) и военном эпосе *гунки* «Хэйкэ-моноготари» 平家物語 («Повесть о доме Тайра», XIII век).

В период Муромати (1392–1568) характер понятия *укиё* изменяется [Найто, 2017, с. 59]. Оно чаще записывается как 浮世: комбинация существительного ế «мир» и глагола 浮く «проплывать». Две формы записи постепенно смешиваются, а интерпретация со значением «зыбкий мир» выходит на первый план.

В начале периода Токугава, когда уже установился мир, но ещё живо чувствовалось наследие предыдущей беспокойной эпохи, категория *укиё* приобрела новые черты. *Укиё* стало восприниматься более юмористически, как зыбкий, уплывающий из рук мир, который невозможно подчинить своей воле, но которому можно поддаться и нестись по его течению, подобно тыкве-горлянке. Городская культура периода Токугава в целом была смеховой, пародийной, гротескной. Смех, в том числе над этим эфемерным, непостоянным миром, оказался важной составляющей повседневной жизни горожанина.

В 1665 г. Асаи Рёи 浅井了意 опубликовал сочинение «Укиё моноготари» 浮世物語 («Повесть о зыбком мире»). Кроме того, что понятие *укиё* вынесено в заглавие сочинения, рассуждение о его сущности открывает и основную часть текста. «Повесть» начинается с широко известного диалога о том, что такое *укиё*. Автор указывает, что категория несёт

¹ В японской и европейской традиции № 82.

в себе два значения: бренный мир 憂世, неподвластный воле человека, и мир зыбкий, изменчивый 浮世, в котором следует жить, наслаждаясь моментом.

Асаи Рёи родился в местечке Мисимаэ уезда Симаками провинции Сэцу (совр. г. Катацуки, преф. Осака). Его отец был монахом течения Отани Истинной Школы Чистой земли 浄土真宗大谷派 (яп. Дзё:до синсю: О:тани-ха). Он служил в храме Хонсё:дзи 本照寺 (г. Осака), который находился под покровительством храма Хигаси Хонгандзи 東本願寺 (г. Киото). Однако отец Асаи Рёи был вынужден оставить служение. Мацуда Осаму указывает на конфликт его младшего брата с монахом Кё:нё 教如 (1558–1614), двенадцатым настоятелем храма Хигаси Хонгандзи, как на возможную причину гонений². Отец Асаи Рёи был сослан из Хонсё:дзи, у него отобрали земли [Мацуда], расстригли из монахов, после чего он вёл мирскую жизнь в Киото. Сам Асаи тоже стал ронином, а с конца 1650-х годов взялся за писательство [Эдо дзидай дзиммэй ко 1000, 2007, с. 12].

В период с 1658 по 1673 г. Асаи Рёи написал много текстов. Первым опубликованным сочинением стали «Каннинки» 堪忍記 («Записи и снисходительности», 1659 г.). Всего же в полном собрании сочинений Асаи Рёи 52 произведения³. Исходя из такого большого количества, можно сделать вывод о том, что Асаи был профессиональным писателем. «Укиё моногатари» – одно из наиболее известных его сочинений.

Считается, что «Повесть о зыбком мире» стала первым произведением массовой литературы, в котором чётко обозначается изменение в интерпретации понятия *укиё* и критикуется более раннее понимание («бренный мир»). Основываясь на первых главах «Повести о зыбком мире», японские исследователи литературы эпохи Токугава Мацуда Осаму и Маэда Кингоро делают вывод, что Асаи Рёи утверждает переход в понимании понятия *укиё* от бренного и превратного мира к зыбкому и изменчивому [Мацумото, 2012, с. 111–112]. Действительно, «зыбкий мир» в произведении Асаи Рёи уходит от бренности и эфемерности, каким его воспринимали во времена Древности и Средневековья. Однако важно отметить, что это еще не *укиё* как выражение мира наслаждений. Это мир уплывающий, ускользающий от точного определения и интерпретации.

В первых двух свитках подробно описывается жизнь героя в среде городских наслаждений. С рождения до принятия пострига под именем Укиё-бо – Монах зыбкого мира, он предстаёт перед читателем повесой и невеждой, растратившим состояние отца на азартные игры и развлечение с куртизанками в весёлом квартале. Разорившись, герой вынужден стать монахом, ведь так он может ходить паломником по разным местам, читать проповеди и собирать милостыню.

Однако по ходу повествования наставления Укиё-бо становятся всё более критическими по отношению к современным нравам. В проповедях он высмеивает неумелых самураев, обманщиков и воров, щёголей и голубятников (в контексте «Повести о зыбком мире» шарлатанов разных профессий). Монах обращается к китайским текстам, показывает себя

² К началу XVII века Школа Чистой земли обрела большое политическое влияние, контролировала много земель и собрала собственные отряды для защиты территорий и храмов. Военные кланы, в частности, дом Токугава, хотели ограничить власть монахов. Отношения между воинами и духовниками накалились и переросли в открытые боевые столкновения. В это время дядя Асаи Рёи выступил против монаха Кё:нё и перешел на сторону Токугава, за что и поплатился отец писателя вместе с семьёй.

³ Полное собрание сочинений Асаи Рёи (浅井了意全集. 全 19 冊) начали публиковать с 2007 г. в издательстве Иватани Сёин 岩田書院. Подробнее о проекте см. [Асаи Рё:и дзэнсю: канко:кай хэн].

образованным и сведущим в самых разных вопросах: устройство мира, учение о Пути, отношения господина и вассала, семья, хозяйство, праведное служение и верность, сдержанность и скромность. Критика и дидактика выходят на первый план по сравнению с описанием весёлой жизни горожан.

Тем не менее «Повесть о зыбком мире» открыто ставит вопрос о сути понятия *укиё*. Асаи Рёи приводит две точки зрения на интерпретацию этой категории и показывает, что с начала эпохи Токугава право на определение эстетического восприятия пространства и времени постепенно переходит к горожанам, ищущим наслаждения в самых простых, обыденных вещах. Если рассматривать понятие *укиё* в перспективе, становится ясно, что оно прошло долгий путь интерпретации от брэнного мира страданий до зыбкого мира наслаждений, а затем и вовсе стало обозначать простую обыденность.

Перевод и комментарий «Повести о зыбком мире» осуществлен по изданию «Собрание кана-дзо:си» [Канадзо:сисю:, 2009, с. 85–224] серии «Новое издание полного собрания сочинений японской классической литературы». Первые главы отражают «зыбкий мир», в котором главный герой «Укиё моногатари» оказался в юности. Последний из приведенных отрывков (свиток 2, глава 9) считается переломным для характера повествования.

ПОВЕСТЬ О ЗЫБКОВОМ МИРЕ

(отрывки)

Свиток 1

1. О том, что такое *укиё*⁴

«С давних пор все люди: знатные и простые, мужчины и женщины, старые и молодые, – вторят этой песне о нравах государства:

Как странно:
Сердце мне принадлежит,
А всё же не моё...⁵

Повторяют и такое:

Чаемое мной
Никак не воплотится.
Вот он, брэнный мир...

Что бы ни замыслил, никак оно не осуществится, не идёт, как хочется, поэтому мир называют брэнным. Вот говорят, „чесать ногу через сапог“⁶, а это подобно тому как рука не

⁴ *Укиё* うき世 – понятие, обозначающее брэнность или зыбкость мира. В период Токугава (1603–1867) велась дискуссия о том, как трактовать *укиё*. Понятие записывали по-разному – азбукой うき世 и иероглифами: 憂世 («брэнный мир») и 浮世 («зыбкий мир»).

⁵ Асаи Рёи цитирует популярное стихотворение эпохи Мэйрэки 明暦 (1655–1658).

⁶ Китайская поговорка 隔靴搔痒.

достаёт до места, где зудит: кажется, вот-вот дотянешься, да не получается, это, и правда, раздражает; собственное тело и сердце не поддаются воле, а это странно. Да и ни одно из мирских дел не подходит тебе по духу. Вот почему мы называем наш бренный мир *укиё*», – когда так говорят, иные отвечают: «Нет, не в этом суть. Раз уж живёшь в этом мире, что бы тебя ни занимало, видишь и слышишь в нём и доброе, и злое – и всё это интересно; впереди нас мрак, и на один *сун*⁷ не видно, да и беспокоиться о будущем стоит не больше, чем о тыквенной корке, от всяких переживаний может и живот разболеться. Всему своё место. Обратившись лицом к луне, снегу, цветущей сакуре и красным кленовым листьям, слагать о них песни, пить сакэ, плыть по течению жизни и веселиться, не мучиться, если растратил всё золото и серебро, с лёгким сердцем, будто тыква-горлянка, пуститься по воде – вот что называют *укиё* – зыбкий мир». Услышал это понимающий человек и почувствовал: «И правда так».

2. О том, как Укиё-бо выросл

В давние времена жил Укиё-бо, беззаботный монах, подхваченный течением жизни. Говорили так: «Что до его происхождения, то он потомок Фудзивара⁸, поскольку с детских лет распускал сопли, словно цветы глицинии». Иные говаривали: «С малых лет он играл в догонялки и прятки, дневал и ночевал под коньками чужих крыш, ну разве не Татибана⁹?» Или: «Так ведь он жил у самых ворот, может быть, он из рода Тайра¹⁰?» «Ну нет, раз он так любит сладкие бобовые пирожки *мандзю*, то, должно быть, Минамото¹¹», – люди разное болтали. Между тем его отец служил тут и там, был самураем низкого звания, но поскольку хитрил и заискивал на сотню ладов, то, подольстившись к хозяину, он возвысился, и, видно, брал себе по положению горы даров. Из жадности он всё больше громоздил их, и ни в золоте, ни в серебре, ни в чём ином нужды не имел. Как-то раз, отправляясь на поле битвы, он, как и все, снаряжился, сел на коня и выехал, да только был он величайшим трусом в своей стране, поэтому вскоре и поясницу у него заломило, и на задницу он сесть не мог; разлёгся в седле и, вцепившись в него, ехал; незнающий человек мог бы подумать, что это предосторожность, чтобы шлем не пробило, да только, попав под огонь, тот так испугался, что быстрее всех сбежал, и больше уже не общался с бывшими товарищами, а стал горожанином; поскольку в прежние дни он накопил много золота и серебра, то прослыл богачом и затворился в своём доме. В это время у него родился сын. Ребёнок с седьмой ночи после рождения не переставал плакать по ночам. Люди рассказывали: «В древности госпожа Гион родила Великого

⁷ Сун 寸 – мера длины, приблизительно равная 3,03 см.

⁸ Род Фудзивара 藤原氏 – влиятельный знатный род в древней Японии. Автор высмеивает героя, сравнивая его болезненность и сопливость со свисающими цветами глицинии, которые по-японски называют *фудзи* 藤.

⁹ Род Татибана 橘氏 – аристократический род в древней Японии. Иероглиф 橘 обозначает дерево мандарина. Мандарин часто сажали близко к дому, поэтому, когда он вырастал, его верхушка достигала карниза. Мандарин считался символом вечности благодаря многочисленным косточкам, из которых со временем вырастали новые деревья.

¹⁰ Род Тайра 平氏 – знатный род, оказывавший влияние на политику в IX–XII веках. Тайра-но Норимори (1128–1185), младший брат Тайра-но Киёмори (1118–1181), жил в Киото у главных ворот поместья старшего брата Рокухара, за что его прозвали «средний советник у ворот» 門脇中納言.

¹¹ Род Минамото 源氏 – влиятельный аристократический род, захвативший власть на период с конца XII по XIV век. Отсылка к военному Тада-но Мандзю (913–997), происходил из рода Гэндзи 源氏, иначе Минамото.

полководца Тайра-но Киёмори, и он был сыном главы Судебного ведомства Тайра-но Тадамори. Но поговаривали, что на самом деле он был ребёнком государя-инока Тоба¹². Между тем Киёмори с рождения плакал по ночам, и Тадамори попросил совета у императора. В ответ его величество написал своей рукой:

Станет плакать по ночам,
Позаботься о нём,
И в век конца Закона
Он сохранит чистоту
И процветание...¹³

Тадамори стал нянчить ребёнка, и ночной плач прекратился. По песне про „чистоту и процветание“ и нарекли Киёмори¹⁴. Кто-то говаривал, что если записать этот стих и положить под циновку ребёнку, который плачет по ночам, то плач прекратится, будто от заклинания», – и так, когда отец Укиё-бо записал и положил под циновку, плач тут же прекратился. Однако Укиё-бо был болен ещё в утробе матери, оттого у него на голове появились нарывы, как горшок на голове у Хатикадзуки¹⁵, да так много их выскочило, что даже глаза загноились, но когда лекари Амаго и Сатакэ дали ему слабительное, он вскоре излечился. Правда, были у него и припадки и несварение, поэтому мальчик рос хилым, но стали давать ему красных лягушек, осьминогов и много всяких других средств, он и окреп, поэтому оспу и корь перенёс неожиданно легко. А поскольку ему прижигали моксой спину и шею, он стал здоров, как чёрт. Отец решил, что в будущем сын станет бродячим самураем, поэтому с малых лет заставлял его изучать искусство фехтования мечом, борьбы, стратегию и другие воинские дисциплины, хотел немного обучить и чтению, поэтому отправил в школу при монастыре упражняться в каллиграфии, но мальчик совсем не преуспел в этих делах. Так проходили годы, отец его умер. С тех пор стал малый себе на уме, беспокойно носился туда-сюда, ловил птиц, удил рыбу, разгуливал повсюду, словно его по волнам носило – изменчивый человек.

4. Разные мысли об азартных играх

В давние времена Хётаро был одурманен азартом, ни кусочка в рот не брал, клевал носом то ли во сне, то ли наяву, думал только о себе, и ни с того ни с сего на всех раздражался, возвращаясь домой, он так громко кричал о своих небывалых победах, что однажды пришёл к нему квартальный и стал предостерегать и наставлять: «Нынче по всей Поднебесной, и в столице, и в деревнях, – запрещают играть в азартные игры¹⁶. Если бы ты изо дня в день не тратил все силы, беспокоясь об игре, а сосредоточенно практиковал *дзэн*,

¹² Асаи Рёи допустил ошибку. В тексте «Хэйкэ-моноготари» («Сказание о доме Тайра», XIII века) возможным отцом Киёмори назван император Сиракава (свиток 6, дан 9).

¹³ Стихотворение встречается в «Хэйкэ-моноготари» (свиток 6, дан 9): Плачет младенец, // Спать не даёт по ночам – // Будь же усерден, // Ибо чаду мы предвещаем // Беспремерное процветанье! (в пер. И.Л. Львовой).

¹⁴ Имя Киёмори состоит из двух иероглифов 清 «чистый» и 盛 «процветание». Тайра-но Киёмори стал влиятельным военным чиновником.

¹⁵ Хатикадзуки – героиня средневекового сказа *отоги-дзоси*, у которой с детства был горшок на голове.

¹⁶ Первый указ о запрете азартных игр вышел в 1648 г. и с тех пор регулярно обновлялся.

то вскоре обрёл бы просветление и сравнялся бы с шестым патриархом Хуэйцзэном¹⁷. А если бы думал не о правилах игры, а о стратегии, то превзошёл бы У Цзы¹⁸ и Сунь Цзы¹⁹, а там бы сошёл и за нового Кусуноки Масасигэ²⁰. В общем, если то усердие, что ночью и днём ты впустую тратишь на игру, ты б пустил на учение, то сравнялся бы мудростью с Чжу Си²¹ и Чэн Хао²² и в свете оставил бы по себе имя добродетельного человека. Если бы ты занялся врачеванием или изготовлением лекарств, то и Дунъюаня²³ и Даньси²⁴ в этом превзошел. Вот если бы мольбы о числе очков в *момидзай* и удачной карте в «восьмерке» и «девятке» ты заменил на *нэмбуцу*²⁵, тогда, должно быть, уже при жизни ты излучал бы яркий свет и вымолил пришествие Будды Амида. А ты тратишь силы на бесполезные дела, и так бесцельно пролетают дни и месяцы. Это и есть суть воровство. Ведь даже если ты достигнешь совершенства во множестве искусств, займёшь высокое положение, но будешь играть, вскоре люди начнут тебя презирать и поносить. Игра – дело безнравственное и легкомысленное, и даже самые смелые мастера военных искусств во время игры раздражаются и теряют решимость. И распоряжение властей есть. И тебя это касается, брось ты наконец играть-то. Если не оставишь это дело, придётся мне доложить», – пока он так говорил, Хётаро слушал, а после ответил: «Коли вам не нравится, что вздымаются пузыри по кипящей воде, так не стоит подкладывать дрова. Чем запружать воду по течению, следует самый исток загородить. Чем запрещать азартные игры, лучше уж прекратить изготовление костей и игральных карт. А чем говорить: „Не играйте!“ – лучше уж скажите: „Сколько хотите играйте, а проигравших – под суд, с победителей – деньги“, – когда так будет: и выиграешь, а ничего не поделаешь. Всю душу вложишь, а ничего не получишь, и тогда все один за другим побросают игру. Когда играешь и побеждаешь, то получаешь доход, так разве игра – это не работа?» – когда он такое сказал, староста взбесился: «Чем беспричинно критиковать указы правителя, за собой бы лучше смотрел. Чем последние деньги на эту безделицу – на игру – пускать, лучше б обучился делу какому, занялся торговлей. Если до тебя никак не доходит, так и иди свой зуд унимать», – пошумел-пошумел, да и отправился восвояси.

6. Разные мысли об увлечении куртизанками

В давние времена Хётаро предался с головой страсти, зачастил в Симабара, забросил свой дом, покидал его без раздумий; на улице ловил паланкин, запрыгивал в него, спускался по Омия²⁶ и ехал по дороге Тамба до входа в Симабара, там он слезал, надвигал на глаза соломенную шляпу, проходил через Эмон-хаба, Уваса-мати и попадал в Агэя-мати, наконец

¹⁷ Хуэйцзэн 慧能 (638–713) – шестой патриарх буддийской школы Чань (*яп.* Дзэн 禪宗), автор «Сутры помоста шестого патриарха», сторонник идеи внезапного просветления.

¹⁸ У Цзы 吳子 (ок. 440–381 гг. до н.э.) – китайский полководец, автор трактата «У-цзы».

¹⁹ Сунь Цзы 孫子 (VI–V века до н.э.) – китайский военный стратег, автор трактата «Искусство войны».

²⁰ Кусуноки Масасигэ 楠木正成 (1294–1336) – средневековый воин, образец верного слуги императорского рода.

²¹ Чжу Си 朱子 (1130–1200) – философ династии Сун, известен как интерпретатор наследия Конфуция.

²² Чэн Хао 程顥 (1032–1085) – философ, стоявший у истоков неоконфуцианства.

²³ Дунъюань 東垣 (1180–1251) – прозвище искусного врача Ли Гао 李杲.

²⁴ Даньси 丹溪 (1281–1358) – прозвище медика Чжу Чжэньхэна 朱震亨.

²⁵ Нэмбуцу – мантра, священный текст, возглашаемый буддистами во спасение души.

²⁶ Омия дори 大宮通り – центральная улица Киото, которая идёт с севера на юг. «Спускаться» – ехать на юг.

он поднимался на второй этаж одного из домиков и там весь день проводил с давно знакомой куртизанкой; порой они начинали браниться, она часто отказывала, а он придумывал, как бы объездить эту кобылу; иногда она говорила ему: «И в будущем рождении», – и тогда под бой барабанов он задирает нос и грохотал своим смехом; поскольку он продолжал приходить каждый день, золото и серебро текли из его карманов, словно вода, – всё, что накопил его отец, он без сожаления растратил и вынес из дома; вот и предался он с головой развлечениям и перестал обращать внимание на людскую молву, стал подворачивать рукава, высоко подтыкал подол, подвязывался широким поясом сзади; из его лакированных ножен для короткого кинжала блестела золотая гарда, а в его носки-*таби* со шнуровкой были вплетены пуговицы, и когда он выходил из дома, сандалии скрипели; голова выбрита полумесяцем в стиле *сакаяки* до основания ушей, тонкие баки, подкрученные усики – в глубоко надвинутой соломенной шляпе – невозможно сказать, хорош он собой или плох, ясно только, что первый парень на деревне. Родне и близким было горько на него смотреть, и они украдкой делились с ним своими мыслями: «Мы прослышали, куда ты в последнее время зачастил – в Симабара?! Нехорошо соваться в такое непристойное место. Издавна куртизанки следили за собой, наряжались, открыто показывали свою страсть, и естественно сердце к ним располагалось и глубоко проникалось чувством. Их ивовые волосы мягки, черты лица прелестны, как лепестки, цвет бровей, словно у верхушек зелёных деревьев в дальних горах. Алые улыбающиеся губки словно только-только раскрывшаяся мальва, зубки белые, точно снег. Руки и ноги тонки, будто китайская гвоздика, оплетающая изгородь. Фигура изящна, будто соткана из нитей; наполняя всё вокруг себя небесным ароматом, они с достоинством выходят, и диву даёшься, не явился ли тебе живой Будда Амида Нёрай; если такую поставить рядом с женой, то своя покажется передержанной в соли августовской скумбрией. Своей-то наелся досыта, а ту никак забыть не может; уходит из дома и встречается с ней, она ему говорит глухим голосом, словно первый весенний соловей поет: „Снова изволили прийти? Вы бы чаще заглядывали!“ – эти слова так добры, что ни одно монашеское наставление их не превзойдёт; подойдёт к ней ближе и заговорит – она хоть и приветлива, а всё ж отстраняется, вроде, смущена, а весело подзовёт его, притянет к себе *сямисэн*, и раздастся – *тэцурунтэн* – треньканье струн от плектра; и слов не надо – опасный это звук, клиент от него скоро босяком станет. Если она возвысит голос и затянет песню, сердце возрадуется и от её пения придёт в иступление; скажет: „Завтра станем пылью мирской. Что бы там ни было, а наш *укиё*, зыбкий мир, – всего лишь сон. Кости побелеют и не познают роскоши. Именно это и есть жизнь. Наполните эту чашу вином“, – и руками, похожими на коленца бамбука, протянет чашу: „Ещё глоток“, – а он не может больше терпеть, пускается по течению чувств и распутывает её одежды. Жил, значит, какой-то там по счёту Дзюро²⁷ из рода Камэя, и был он так богат, что мог себе позволить увлечься куртизанкой, но его жена ревновала: „Так, может, и мне куртизанку выкупим?“ – и супруги каждую ночь призывали двух куртизанок высшего ранга, а для развлечения собирали вместе *ханъя*, *какои*, *годзэ*, *дзато*²⁸, и песни гремели, а деньги текли без меры; поговаривают, что теперь тот господин, как его там, Дзюро в столице уже не живёт, отправился в Нагасаки и работает поденщиком.

²⁷ «Дзюро» значит десятый сын.

²⁸ *Ханъя* 半夜 – куртизанка, работающая только днём или только ночью. *Какои* 囲 – куртизанка третьего ранга. *Годзэ* 御前 – слепые женщины, играющие на бива или сямисэн. *Дзато* 座頭 – слепые монахи, которые сопровождали куртизанок, играли на инструментах и пели.

Что в древности бывали, так и сейчас встречаются такие заблудшие: они либо убивают куртизанку и себя, либо сбегают с ней, а после их находят и казнят. У некоего Ёсино-я отобрали всё, даже дом. Кроме всего прочего, кто истратится на развлечения с куртизанками, на того надевают бочку; кто сворует – тот лишится головы, – и таких примеров не счесть. Хорошо это не кончается. Когда иссякают золото и серебро, они продают дорогую утварь, а в конце концов и дом проматывают; из одежды у них летнее кимоно цвета хурмы и однослойная бумажная накидка, на иных и смотреть никто не хочет, так и с тобой будет. Одумайся!» – говорили ему. Хётаро слушал и отвечал: «Благодарю вас за беспокойство. Впредь ни за что не пойду туда», – наобещает с три короба, отправит по домам старших, и на своих двоих снова направится в Симабара; так он в конце концов истратил всё своё наследство, и как напевал *сямисэн – тэцурунтэн* – остался без гроша.

7. О том, как Хётаро стал самураем на побегушках

В давние времена, хоть и осталось на Хётаро лишь однослойное кимоно, а он всё не успокаивался: придет в Симабара, заявится в домик для свиданий, позовёт свою куртизанку, – да только теперь ему не отвечают, встреч не допускают, а прислужницы и хозяйки делают вид, что вовсе его не знают. Поскольку в домиках его не признавали и были неприветливы, он злился, да ничего не мог поделать. Никакого занятия у него не было, дом он продал, вот и пришла ему мысль: «А хоть бы и самураем стать, хотел бы я послужить при хозяине», – и ходил по местам собраний *даймё*, подыскивая работу; тут кто-то из них захотел предложить ему место и спросил об умениях. Тогда Хётаро вывернул свое имя и изменил его на Хэйтаро²⁹, показал бумажку о заслугах отца и получил ответ: «Нет-нет, в наш век ни смелость воина, ни число снесённых голов, ни имя, ни родословная не важны. Умеешь ли ты считать; знаешь ли, как измерить площадь рисового поля; как продать рис; как обращаться с золотом и серебром – если понимаешь, о чём речь, я тебя найму», – и он, словно отец, заявил: «Я труслив, но в расчётах умел», – сказал, и тут же услышал: «Из этого парня выйдет толк. Принимаю тебя», – так он и стал самураем на побегушках. Хоть и был он новеньким, но выбрали его в советники, с утра до ночи он находился при *даймё* и советовал: высчитывал оброк на рис, какой должна выплачивать семья хозяина; измышлял, как вернуть хотя бы половину; придумывал, как собрать налог с хозяйства, где крестьянин продал жену и детей, бросил дом и сбежал в другое княжество, чтобы ежегодный сбор был полностью оплачен и не оказалось недостачи; ещё он думал о способах, как лучше использовать имущество крестьян и иметь выгоду со всего на свете; внимая лишь желанию правителя, без сострадания, не осознавая справедливого Пути, он советовал, как всех обирать – и вассалов, и крестьян. Весь клан остался без гроша, в нищете по самые уши, многие семьи голодали. «Это всё дело рук Хэйтаро», – все жаловалось, но, словно как с мышами в святилище³⁰, ничего не менялось, он был под защитой *даймё*, и мог себя выгородить, все жаловались, да результата не видели. «Если тысяча человек против одного встанет – тот и без болезни сгинет. Подождём, авось всё обойдётся», – затаив дыхание, они кляли Хэйтаро.

²⁹ Герой заменил в своём имени иероглиф 瓢 (*хё* тыква) на 兵 (*хэй* воин), чтобы имя звучало более мужественно. Хэйтаро – «Воинственный муж».

³⁰ Мыши в святилище 社の鼠 – пример того, от чего трудно избавиться.

9. О том, как Хётаро нарвался на ссору и стал ронином

В давние времена, чтобы сдружиться с товарищем по службе, нужно было хорошенько присмотреться к нему, взглянуть в выражение глаз. Бывают люди, у которых на дне сердца – трусость, а на людях они проявляют решимость. Хотя и показывают себя мягкими, а внутри – грубые. Есть люди, что с рождения несуетливы. Почитают честность, задуманное дело не бросают, не меняют своё решение до конца. Словно как у людских лиц нет одинаковых выражений, так и среди сердец нет похожих. Каков человек – таков у него характер с рождения. Вот и шутка может перейти грань и обернуться спором. Если бранные слова покажутся обидными, то породят ссору. В общении с самураем остерегайтесь грубости, проявите вежливость, никогда не лгите, будьте честными и открытыми; чтобы сблизиться, будьте учтивы, искренни и участливы; осмотрительно, но до конца делитесь мыслями, не ссорьтесь. Вот только Хётаро в сердце много мнил из себя и как-то раз грубо пошутил над одним честным самураем. Не зная меры, он так увлёкся, что тот человек разозлился, обнажил свой короткий меч, и тупой стороной несколько раз ударил Хётаро, а тот по натуре, как и отец, был величайшим трусом, поэтому подумал: «Эдак он меня и зарубить может», – как подумал, так ноги его чуть не подкосились, а сам он бросился бежать и больше уже на службе не состоял, вскоре после этого он перебрался за горы, и с тех пор не показывался, бежал в столицу. «Теперь я и не мужчина³¹ вовсе...» – такие мысли его одолевали, он потерял интерес к жизни и решил стать монахом, настоятель остриг ему волосы и нарёк Сэкисюн – Весенняя ночь. А про себя Хётаро подумал: «Это имя отдаёт мирской грязию», – отправился к настоятелю и попросил: «Измените мне имя». Настоятель рек: «Твоё имя берёт свою суть из стихотворения: „Один миг весенней ночи стоит тысячи золотых“³². Сэкисюн значит „Весенняя ночь“. Потому это имя изящно», – когда он так сказал, Хётаро ответил: «Нет-нет, если его прочесть по-китайски, уж очень оно низко звучит, странное прочтение получается». «И как же его следует понимать?» – когда настоятель так спросил, Хётаро ответил: «Сэкисюн читается как Батакасу». «Это ещё почему?» – спросил настоятель, Хётаро так ответил: «Первый знак *бата* „ночь“ читается как в слове Танабата, второй знак *касу* „весна“ – как в слове Касуга. Во всяком случае мне это имя точно не подходит», – и сам нарёк себя Укиё-бо – Монахом зыбкого мира.

Свиток 2

1. О голубятниках

В давние времена Укиё-бо беспокоился: «Раз уж так вышло, что же мне делать...» – но вскоре придумал себе новое занятие. В ту пору и в столице, и в деревнях бывали люди, которых звали голубятниками: примеряя на себя множество личин, они ни в одном деле не достигали совершенства, но нельзя сказать, чтобы они вовсе ни в чём не разбирались. Подлаживаясь то так, то сяк, они обманывали людей да тем и жили. Их называли голубятниками оттого, что голуби живут рядом с человеческим жильём и заранее знают, будет дождь или ясно: когда голубь преследует голубку, будет дождь, а когда голубка голубя –

³¹ «Не мужчина» значит не воин.

³² 春宵一刻價千金. Строки китайского поэта Су Ши 蘇軾 (1037–1101).

ясно. По голубиному разумению, камышёвка весьма красиво вьёт гнёзда: листочки низкорослого бамбука обвивает человеческим волосом, делает заготовку, похожую на кормушку, округлой формы с глубоким дном. Задумав обучиться этому, одна голубка подлетела к камышёвке и стала смотреть, как та вьёт гнездо: продевает снизу узкий срез бамбука или обломок хворостины, сверху помещает заготовку. Да только голубка всего не досмотрела, заметила лишь продетый бамбук и хворостину и подумала, что всё поняла, а когда стала сама делать, в ветку дерева продела четыре-пять обрезов бамбука и хвороста, сверху постелила листы и снесла яйца. А они тут же провалились в зазоры меж ветками и разбились, как их теперь высидеть? Без устного наставления, без учительского слова полагаться лишь на зрение и слух, познавать умения, не проникая к корням, не понимая сути, притворяться всезнающим, – это и есть пример голубиного самомнения. А ещё, когда наступает осень, голубь будто становится соколом, начинает во всём ему подражать – а того, кто вот так временами, от случая к случаю, подстраивается да тем и живёт, жестоко обманывает людей, называют голубятником. «Пожалуй, для начала попробую стать целителем», – так подумал Укиё-бо, снял рясу монаха, надел дорожное *хаори*³³, разложил по карманам пилюли и порошки и отправился в обход по деревьям.

9. О раскаянии

Давным-давно китайский чиновник Сыма Вэнь-гун³⁴ оставил «Записи о шести раскаяниях». Вот о чём там говорится: «Во-первых, если советники, наместники, вассалы впадут в корыстолюбие, будут эгоистичны, своевольны в приказах, пойдут поперёк пути, станут обижать крестьян, то народ начнёт на них жаловаться, и в конце концов они навлекут кару Небес, придёт небывалое несчастье и погубит их, тогда-то они и раскаются. Во-вторых, когда богатые и знатные пускаются в чрезмерные траты, упускают имущество, не понимают, что расходы их чрезмерно велики, тогда они идут против воли Небес и растрачивают впустую земные дары, лишь когда в конец истратятся и разорятся, раскаются. В-третьих, если хвалиться знатностью и богатством, входить в доверие к местным *даймё*, мельтешить перед советниками, наместниками, приказчиками, молить о покровительстве, но не считаться с указами, снисходительно относиться к правителю, то, когда придёт наказание, раскаешься. В-четвертых, если в молодости не будешь посвящать время учёбе, не освоишь самое необходимое, то, заняв важное положение, опозоришься, а, постарев, станешь раскаиваться. В-пятых, если будешь пить много вина, загрязнять сердце, нести чушь, буянить, то, протрезвев, раскаешься. В-шестых, если захворашь, но не станешь лечиться сразу, только сильнее разболеешься и раскаешься». На основе этого некий Иноуэ Кодзаэмондзё составил «Записи о сожалении», собрал то, что и в древности, и теперь вызывает сожаление, получилось очень трогательно. Там говорится: «Птица, застрявшая в сетке, жалеет, что не может высоко взлететь; рыба, проглотившая удильный крючок, жалеет, что не смогла устоять». Среди всех вещей этого мира есть много таких, в которых обязательно станешь раскаиваться. Вот и Укиё-бо хоть и пожалел о том, что с ним произошло, да только прошлого не вернешь,

³³ Хаори – верхняя накидка наподобие жакета.

³⁴ Сыма Вэнь-гун, 司馬溫公 (1019–1086) – китайский учёный, историк, чиновник.

поэтому он тосковал и вздыхал, но ничего поделать не мог. Как в стихотворении асона Фудзивара-но Киёсукэ³⁵:

Долго будешь жить,
И этот самый миг,
Что вытерпеть нет сил,
Станешь вспоминать
С любовною тоской³⁶.

Укиё-бо вспомнил эти слова и своё прошлое: как мучился, когда заставляли обучаться каллиграфии, как досадовал, когда тратился на азартные игры и куртизанок, – и подумал: «По сравнению с тем, что сейчас, лучше уж бы в те времена...» – и, не находя себе места, сложил:

Из всего, что
Было в жизни,
Жалею лишь о том,
Как беспечно
Утекли дни и месяцы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асаи Рё:и дзэнсю: канко:кай хэн : [Сообщение издателя полного собрания сочинений Асаи Рёи]. URL: <http://www.iwata-shoin.co.jp/bookdata/ISBN978-4-87294-475-4.htm> (дата обращения: 18.02.2018).

Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. 380 с.

Канадзо:си-сю : [Собрание кана-дзо:си] / пер., ред. и коммент. Таниваки Масатика, Иноуэ Кадзухито, Ока Масахико // Серия Симпэн Нихон котэн бунгаку дзэнсю: : [Новое издание полного собрания сочинений японской классической литературы]. Т. 64. Токио: Сё:гакукан, 2009. С. 85–224.

Мацуда Осаму. Асаи Рё:и // Сэкай дайхякка дзитэн : [Асаи Рёи // Мировая энциклопедия]. URL: <http://japanknowledge.com/psnl/display/?lid=102000093500> (дата обращения: 18.02.2018).

Мацумото Кэн. Канадзо:си-но «моноготари» – «Тикусай» • «Укиё моноготари» рон : [Моноготари среди кана-дзо:си на примере «Тикусай» и «Укиё моноготари»]. Сагамихара: Сэйдзанся, 2012. 228 с.

Найто: Масато. Укиё то укиё-э : [Понятие укиё и гравюра укиё-э]. Токио: Токё:дайгаку сюппанся, 2017. 210 с.

³⁵ Фудзивара-но Киёсукэ асон (1104–1177) – поэт, автор трактатов о поэзии эпохи Хэйан (794–1185). Асон – аристократический титул эпохи Хэйан для чиновников выше пятого ранга.

³⁶ Из антологии «Сто стихотворений ста поэтов» («Хякунин иссю») № 84: Если век мой продлится, // Я, быть может, и эту пору // Припомню с любовью. // О, дни моих прежних несчастий, // Как по ним я теперь тоскую! (пер. В. С. Сановича) [Сто стихотворений ста поэтов, 1998, с. 244].

Сто стихотворений ста поэтов: Старинный изборник японской поэзии VII–XIII вв. / предисл., пер. со старояп., коммент. В.С. Сановича; под. ред. В.Н. Марковой. – 3-е изд., доп., перераб. М.; СПб.: «Летний сад»; журнал «Нева», 1998. 288 с.

Хасимото Минэо. «Укиё»-но сисо: : [Размышления об «укиё»]. Токио: Коданся, 1975. 196 с.

Эдо дзидай дзиммэй ко 1000 / кансю: Ямамото Хирофуми : [Эпоха Эдо: 1000 биографий / под ред. Ямамото Хирофуми]. Токио: Сёгакукан. 2007. 366 с.

REFERENCES

Asai Ryo:i zenshu: kanko:kai hen [The Publisher's Report on The Complete Works by Asai Ryo:i]. URL: <http://www.iwata-shoin.co.jp/bookdata/ISBN978-4-87294-475-4.htm> (accessed: 18 February 2018). (In Japanese).

Edo jidai jimmei ko 1000. (2007). [1000 famous people of Edo Japan], Yamamoto, Hirofumi (ed.), Tokyo: Shogakukan. (In Japanese).

Goreglyad, V. N. (1975). Dnevnik i esse v yaponskoy literature X-XIII vv. [Diaries and Essays in Japan: 10th – 13th cent.], Moscow: Nauka. (In Russian).

Hashimoto, Mineo. (1975). Ukiyo-no shiso: [The Notion of Ukiyo], Tokyo: Kodansha. (In Japanese).

Kanazo:shi-shu: [The collection of kanazo:shi]. (2009). Taniwaki Masachika, Inoue Kazuhito, Oka Masahiko (ed., trans.), in *Shinpen Nihon Koten Bungaku Zenshu*: [A new edition of the full collection of Japanese classical literature], Vol. 64, Tokyo: Shogakukan. (In Japanese).

Matsuda, Osamu. Asai Ryo:i. *Sekai daihyakka jiten* [Asai Ryo:i. The World Encyclopedia], URL: <http://japanknowledge.com/psnl/display/?lid=102000093500> (accessed: 18 February 2018). (In Japanese).

Matsumoto, Ken. (2012). Kanazo:shi-no monogatari: “Chikusai”, “Ukiyo monogatari” ron [Monogatari amongst kanazo:shi: the discussion of “Chikusai” and “Ukiyo monogatari”], Sagamiyama: Seizansha. (In Japanese).

Naito, Masato. (2017). Ukiyo to ukiyo-e [The ukiyo notion and ukiyo-e], Tokyo: Tokyo daigaku shuppansha. (In Japanese).

Sto stikhotvorenii sta poetov. (1998). [Hyakunin isshu], V.S. Sanovich (trans.), V.N. Markova (ed.), Moscow; St. Petersburg: Letniy sad: Neva. (In Russian).

Поступила в редакцию 31.05.2018

Received 31 May 2018

Для цитирования: Пасивкина С.А. Интерпретация понятия *укиё* в «Повести о зыбком мире» («Укиё моногатари», 1665 г.) писателя Асаи Рёи // Японские исследования. 2019. №1. С. 6–19. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10001

For citation: Pasivkina S.A. (2019). Interpretatsiya ponyatiya ukiyo v “Povesti o zybkom mire” (“Ukiyo monogatari”, 1665 g.) pisatelya Asai Ryoi [The interpretation of the notion of ukiyo in “Ukiyo-monogatari” (1665) by Asai Ryoi], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 1: 6–19. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10001

Японские исследования. 2019. №1. С. 20–38.

Japanese Studies in Russia, 2019, 1, pp. 20–38.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10002

Посольство в Америку 1860 г. и проблема обменных курсов

С.А. Толстогузов

Аннотация. В 1860 г. Америку посетило первое японское посольство. Его основной целью было вручение американскому правительству ратификационных грамот Договора о дружбе и торговле, заключённого в 1858 г. Помимо этого члены посольства проявили активный интерес к различным сторонам жизни в Америке и посетили несколько важных предприятий, включая судостроительную верфь и монетный двор. Интерес к работе монетного двора был вызван серьёзными проблемами с адаптацией обменных курсов японской монеты и мексиканского доллара, который в то время выполнял функцию международного платёжного средства. В период после «открытия» страны и начала внешней торговли возникли острые проблемы, такие, как инфляция и спекуляция. Изучение вопросов, связанных с денежным обращением, входило в обязанности Огури Кодзукэносукэ, который являлся одним из трёх руководителей посольства. Поэтому дополнительной целью посольства было получение информации об американской денежной системе и проведение экспертизы японских денег. Эти результаты представляют собой важную объективную информацию, которая ещё долго не потеряет своего научного значения и требует тщательного анализа. Целью данной работы является создание базы для изучения этого вопроса. В предлагаемой статье анализируются основные данные, полученные в Америке. Для экономики сёгуната они во многом потеряли свою актуальность в результате выпуска монеты годов Манъэн, который был проведён ещё до возвращения посольства в Японию. Поэтому делается вывод о том, что реформы денежной системы в Японии проводились без должного учёта полученной посольством информации. Важной причиной этого была нехватка денежных средств в распоряжении правительства, вынужденного пополнять казну за счёт массивной перечековки денег, что вело к уменьшению содержания драгоценных металлов в японских монетах. В целом результаты изучения процесса адаптации обменных курсов после «открытия» Японии имеют важное значение для понимания процесса адаптации к мировой торговле денежных систем, основанных на металлическом денежном обращении и использовании монет с различным содержанием драгоценных металлов.

Ключевые слова: Бакумацу, золотой кобан, обменные курсы в эпоху металлических денег, посольство в Америку 1860 г., «открытие» страны, Огури Кодзукэносукэ.

Автор: Толстогузов Сергей Анатольевич, Ph.D, кандидат исторических наук, визитный профессор Хиросимского университета. E-mail: sergeytol@w6.dion.ne.jp

The 1860 Japanese diplomatic mission to America and the matter of exchange rates

S.A. Tolstoguzov

Abstract. 1860 saw the first Japanese ambassadorial visit to America. The main purpose was to deliver The Treaty of Amity and Commerce ratifications to the US government. In addition, members of the Japanese delegation showed an active interest in various aspects of life in America and visited several important enterprises, including a shipyard and the U.S. Mint. A study related to the manner of monetary circulation was the responsibility of Oguri Kozukenosuke, who was one of the three leaders of the delegation. Thus, this interest in the work of the Mint was not merely a personal curiosity but was rather related to the serious problems with the adaptation of the exchange rates of the Japanese coins and the Mexican dollar, which at that time served as an international means of payment. In the period after the “opening” of Japan and the beginning of foreign trade, acute difficulties arose in carrying out exchange operations, which caused significant problems such as inflation and risky speculation. Therefore, an additional purpose of the Japanese group was to obtain information about the American monetary system and to assess the character of Japanese coins. The results obtained by this delegation provide a great deal of important objective data that will have great value for future historians and require careful analysis. The purpose of this paper is to create a basis for the study of this rich source of historical material. The article analyzes the basic data from this first Japanese diplomatic delegation to America, the importance of which has largely been ignored, primarily as a result of the issuing of the Man'en coin, which occurred before the embassy returned to Japan. Therefore, it is clear that the reforms of the monetary system in Japan were carried out without due regard for the information received by the ambassadorial group. An important reason for this was the increase in expenditures of the government, which was forced to replenish the treasury by means of massive minting of money, which in turn led to a decrease in the content of precious metals in Japanese coins. In general, the results of the broader study of the problem of adapting exchange rates after the “opening” of Japan are important for understanding the process of adaptation of monetary systems based on metallic money circulation and use of coins with different contents of precious metals to world trade.

Keywords: Bakumatsu, gold koban, exchange rate in an era of metal currency, the Japanese Embassy to the United States in 1860, the “opening” of Japan, Oguri Kozukenosuke.

Author: Tolstoguzov Sergey A., Ph.D, Visiting Professor, Department of Integrated Arts and Sciences, Hiroshima University. E-mail: sergeytol@w6.dion.ne.jp

«Открытие» страны в 1854 г. имело огромное значение для ускорения развития Японии. Через полвека она по своему уровню вошла в круг великих держав, от которых страна долгое время стремилась сохранять изоляцию. Открытие страны для внешней торговли дало возможность значительно расширить приток новых технологий и передовых знаний, что позволило резко увеличить темпы развития и количество населения. Однако при всей очевидности позитивных сторон прекращения изоляции это событие не воспринимается однозначно позитивным, потому что сопровождалось серьёзными негативными процессами. Обычно они связываются с насильственной стороной прекращения изоляции, проведённой под внешним давлением с участием иностранных военных судов, что несколько оставляет в тени многочисленные экономические проблемы, которые сопровождали вхождение Японии в систему мировой торговли.

Одной из таких проблем были трудности в процессе определения принципов обмена валюты. В экономических системах, которые строятся на обращении преимущественно металлических денег, обменный курс обычно устанавливается на основе весовых характеристик одной из монет, имевшихся в обращении внутри страны, и международной валюты. В момент «открытия» страны таковой был мексиканский доллар, по отношению к которому проводилась привязка обменных курсов. Адаптация японских денег встретила существенные трудности.

Американский исследователь Петер Фрост писал: «Вопрос об обмене денег был столь важен для будущего развития внешней торговли, а взгляды японцев и американцев столь различными, что переговоры продолжались четыре года, пока не достигли временного компромисса, от которого отказались уже в течение первых нескольких месяцев торговли. В итоге среди дипломатов появилось сильное раздражение, спекулянты стали обогащаться, а *бакуфу* Токугава было вынуждено согласиться с денежной политикой, которая внесла значительный вклад в Реставрацию Мэйдзи 1868 г.» [Frost, 1970, p. 2]

Сложность проблемы заключалась в том, что в стране в обращении находились сразу несколько денежных единиц, которые не были связаны между собой чёткими весовыми отношениями. Поэтому проблема обменных курсов не имела быстрого и безболезненного решения.

Дополнительные проблемы создавало различие мирового и внутрияпонского обменного курса золота и серебра, вызвавшая спекулятивный вывоз золота. *Бакуфу* было вынуждено соотнести внутренний курс золота и серебра с мировым, чем решило проблему спекуляции, но не смогло решить проблему инфляции. Примерно с 1863 г. инфляция полностью выходит из-под контроля и в стране начинается хаос с ценами и оплатой труда. Привести в нормальное состояние ситуацию с денежным обращением и ценами на внутреннем рынке удалось уже только Мэйдзийскому правительству.

Сложные процессы, сопровождавшие «открытие» страны, происходили в условиях отсутствия надёжной статистики и на фоне разворачивающегося внутреннего конфликта, что существенно затрудняет расчёт экономических показателей, поэтому зачастую приходится пользоваться косвенными данными. Таковые дают материалы посольства в Америку, отправленного для вручения ратификационных грамот японо-американского договора о мире и дружбе.

В состав посольства входил известный политик *бакумацу* Огури Кодзукэносукэ (Тадамаса), который оставил заметный след в истории финансов последних годов сёгуната Токугава и длительное время исполнял роль фактического министра финансов, занимая должность *кандзё бугё*. В делегации в Америку Огури была отведена роль одного из руководителей, которой помимо представительских функций имел важное поручение – получить точные данные о стоимости японских и американских монет, которые должны были прояснить ситуацию с обменными курсами.

Краткая биография Огури Кодзукэносукэ

Огури Кодзукэносукэ¹ родился в 1827 г. в семейной усадьбе в Эдо. Обладание усадьбой в столице в то время свидетельствовало о высоком статусе её хозяина, который являлся *хатамото* высокого ранга с доходом в 2500 *коку*, имевшим также право аудиенции у сёгуна. Такое положение в иерархии вассалов сёгуна позволяло занимать стабильно высокие должности в структуре *бакуфу* – категории *бугё*², которые являлись следующими по старшинству после должностей *даймё*. Поэтому Кодзукэносукэ должен был завершать свою карьеру на посту *бугё* из категории градоначальников, как его отец, последней должностью которого была Ниигата *бугё*³. Однако ему пришлось заниматься внешней политикой и финансами.

Начало карьеры не предвещало крутых поворотов в судьбе Огури. В 1847 г. в возрасте 20 лет он поступает на службу в *сёинбан куми* – одно из элитных воинских формирований сёгуната, где проходили службу сыновья самураев высокого ранга. Здесь он проводит 10 лет, после чего в 1857 г. его переводят в разряд *цукаи бан* – чиновников для выполнения различных поручений. Какого рода поручения он выполнял – точно не известно, но судя по тому, что через два года он получает повышение и отправляется в составе посольства в Америку, его деятельность в эти два года была связана с переговорами с иностранными державами. Напомним, что как раз в июле 1858 г. был подписан торговый договор с Америкой и период 1857–1858 гг. был, пожалуй, самым напряжённым с точки зрения ведения переговоров об условиях соглашения.

Назначение в посольство в Америку, целью которого являлась передача ратификационных грамот, Огури получает в сентябре 1859 г., когда он занимал должность *мэцукэ*, или цензора⁴, как название этой должности переводили американцы. В 1860 г. по возвращении из Америки он получает в качестве награды увеличение семейных владений на 200 *коку* и в ноябре следующего года назначается на должность *гайкоку бугё* [Такахаси, 2013, Хронологические таблицы, с. 1], то есть *бугё*, занимавшихся внешнеполитическими вопросами. На этом посту ему пришлось вести переговоры с Россией по вопросу о Цусима. Эти переговоры проходили трудно и вызвали острые споры между чиновниками сёгуната относительно путей разрешения этого конфликта. В итоге Огури был вынужден оставить этот пост и ждать новых распоряжений.

Следующее появление в рядах *бугё* происходит в 1862 г., когда его назначают на должность *кандзё бугё*⁵, в обязанности которого находились преимущественно финансовые

¹ Полностью его имя звучит Огури Бунго-но kami Тадамаса, в котором Бунго-но kami было почетным титулом. В 1862 г. в рамках реформ годов Бункю вместо титулов было сделано обязательным использование в документах фамилии и имени чиновников, после чего Огури стал использовать имя Кодзукэносукэ, которое чаще всего и встречается в современной литературе.

² Буквальный перевод термина – чиновник на службе, поэтому он мог использоваться в названиях разных должностей.

³ Градоначальник г. Ниигата, в ведение которого находился не только сам город, но и наблюдение за всем побережьем Японского моря, где приходилось решать широкий круг проблем, начиная с каботажных перевозок и заканчивая борьбой с нелегальной торговлей с Кореей и Китаем.

⁴ Можно предложить также вариант «инспектор» для перевода этого термина. В обязанности инспекторов могло входить наблюдение не только за поведением самураев, но и определённые практические вопросы, например выдача денег и других видов довольствия. В посольстве Огури выполнял также роль казначея.

⁵ *Бугё*, занимавшийся доходами и расходами казны.

вопросы. Это было первое из четырёх назначений на этот пост, которое было самым кратковременным. Он пробыл на этом посту всего два месяца, после чего был назначен градоначальником в столицу. Затем он опять возвращается на пост *кандзё бугё*. В этот раз пребывание в должности также было недолгим и продлилось около четырёх месяцев. Огури пришлось совмещать контроль за финансами с участием в создании армии нового образца. Последний раз он назначается на пост *кандзё бугё* в мае 1865 г., пробыв на нём официально до своей смерти в апреле 1868 г. Он проработал на этой должности более двух лет, что дало в общей сложности более трёх лет на этом посту [Кокуси дайджитэн, 1980, т. 2, с. 807].

Как должностное лицо, несшее ответственность за финансовые вопросы, Огури получил известность в связи с проектом строительства верфи в Иокосука, ставшей гордостью и символом индустриализации Японии первых лет Мэйдзи.

После «открытия» страны сразу в нескольких регионах было начато строительство ремонтных и других мастерских, предназначенных для обслуживания морских судов. *Бакуфу* также дало распоряжение о строительстве мастерских в Нагасаки. Быстро выяснилось, что для строительства и ремонта паровых судов нужны технические знания и оборудование, которые отсутствовали в Японии. Через французского посланника Леона Роша было достигнуто согласие французского инженера Франсуа Верни, который перед этим работал над сходным проектом в Шанхае. Кроме того, удалось получить из Сага закупленное прежде в Голландии оборудование, пригодное для строительства верфи [Wert, 2013, p. 20]. Участие в реализации этого проекта Огури Кодзукэносукэ было связано не только с его знаниями финансов, но и с его опытом, полученным во время поездки в Америку в 1860 г.

Посольство в Америку в 1860 г.

В сентябре 1858 г. в соответствии со ст. 14 Договора о дружбе и торговле начинается подготовка к отправке посольства в Америку и формирование внушительной делегации, во главе которой стоял посол Симми *Будзен-но kami* Масаоки. Огури *Бунго-но kami* Тадамаса становится одним из заместителей Симми и третьим лицом в посольстве из 77 человек. Несколько месяцев ушло на подготовку, и только в январе 1860 г. посольство отбыло в Америку [Манъэн ганнэн кэнбэй сисэцу].

Путь посольства лежал через Тихий океан с заходом на Гавайи до Сан-Франциско, где оно пересело с японского парусника на американский военный корабль. Затем оно проследовало по морю до Панамы, где по железной дороге (канал ещё не был построен) переправилось на атлантическое побережье, откуда опять морем – до Нью-Йорка. Из Нью-Йорка посольство направилось в Вашингтон, где состоялась церемония передачи ратификационных грамот и встреча с тогдашним президентом Бьюкененом⁶. Затем посольство посетило Филадельфию и Нью-Йорк, где состоялось грандиозное шествие с его участием. За шествием наблюдало около полумиллиона человек. После чего делегация вернулась в Японию на паровом фрегате американских ВМФ «Ниагара» через Батавию и Тайвань, обогнув Африку. Посольство вернулось на родину в сентябре 1860 г., совершив многомесячное кругосветное путешествие, занявшее в общей сложности 270 дней.

⁶ Джеймс Бьюкенен – пятнадцатый президент США.



Посольство Японии в Америке. Второй справа в нижнем ряду – Огури Кодзукэносукэ [Манъэн ганнэн кэнбэй сисэцу]. Фото сделано во время посещения членами делегации судостроительной верфи.

Американское правительство сочетало меры давления с демонстрацией возможностей экономического сотрудничества, поэтому путешествие на фрегате «Ниагара» должно было показать технические достижения американской промышленности и одновременно продемонстрировать работу угольных станций, предназначенных для пополнения запасов угля пароходов.

В Америке посольству был оказан горячий приём. На пристани в Вашингтоне собралось около 5 тыс. человек. Ещё более 20 тыс. приветствовали делегацию по пути в гостиницу в столице [Joel D. Treese, *The Japanese mission of 1860*]. Пребывание посольства очень подробно освещалось американской прессой. Двадцать три газеты из различных регионов страны помещали сообщения и репортажи, а газета «Дэйли Ивнинг Бюллетин» из Сан-Франциско обращалась к этой теме около 60 раз. Достаточно часто в сообщениях упоминается и титул Огури *Бунго-но Kami* (в американском переводе принц⁷ Бунго), который в Японии во времена сёгуна Токугава было принято использовать вместо имени и фамилии при упоминании важных персон.

«Нью-Йорк Геральд» поместила описание внешности Огури во время приёма после прибытия в Нью-Йорк. «Принц Бунго – член свиты тайкуна⁸, цензор, или старший советник посла, – невысокий человек плотного телосложения, хорошо выглядящий джентльмен с гордым взглядом и очень любезными манерами. На приёме он стоял прямо, положив одну руку на рукоять меча. Его должность очень высока и ответственна, так как любое нарушение этикета любым членом посольства в одинаковой мере будет рассматриваться как его

⁷ Огури не был принцем и не имел родственных связей с домом сёгуна.

⁸ Так во многих странах именовали японского сёгуна.

собственное нарушение. Он нёс ответственность за проведение всего мероприятия и выглядел вполне соответствующим своим обязанностям» [Кэнпэй сисэцу, т. 6, с. 221].

Помимо контроля за соблюдением этикета деятельность Огури привлекла внимание прессы его активным участием в консультациях с американской стороной во время анализа золотой и серебряной монеты при посещении монетных дворов в Сан-Франциско и Филадельфии. Корреспондент «Филадельфия инквэрэр» после посещения посольством монетного двора писал: «В целом члены посольства оставили благоприятное впечатление как своим интеллектуальным уровнем, так и проницательностью в таком деликатном и трудном процессе анализа. Больше всего заслуживает внимания «цензор» или «генеральный прокурор», как его называл капитан Дюпон.... Этот третий «но-ками»⁹ с его странными очками наблюдал за каждой деталью» [Кэнпэй сисэцу, с. 190–191]. Корреспондент обратил внимание, что Огури имел при себе счёты и специальные весы, привезённые из Японии, которыми он перепроверил американские меры веса перед началом анализа монет американскими специалистами.

Уже в первом пункте своего посещения – в городе Сан-Франциско, пользуясь наличием там отделения монетного двора, члены делегации попросили предоставить возможность посетить его и дать время внимательно изучить денежную систему Америки. Американские власти пошли им навстречу, и 14 марта (по японскому летоисчислению) такой визит состоялся. Японцы увидели работу предприятия и механических паровых машин, которые произвели большое впечатление, в особенности своей производительностью, составлявшей 72 монеты в минуту [Сакамото Фудзиёси, 1987, с. 181].

В дальнейшем члены делегации не раз проявляли интерес к американским деньгам, поэтому у представителей прессы сложилось впечатление, что «согласование курсов является одной из основных целей посольства» [Кэнпэй сисэцу, т. 6, с. 191]. Послы также много внимания уделили этому вопросу в Вашингтоне во время переговоров с представителями американского правительства. Американцы проявили абсолютное понимание интереса японской стороны и на монетном дворе в Филадельфии был проведён сравнительный анализ японской и американской монеты, необходимый для правильного понимания соотношения американских и японских металлических денег.

Проблемы денежной системы Японии

Посольство в Америку состоялось в 1860 г., то есть через 7 лет после того, как в 1853 г. в Японию прибыла экспедиция командора Перри, которая доставила письмо президента Фильмора, содержавшее совет открыть Японию. В своём письме президент давал заверения в своих самых искренних чувствах и намерениях. Он писал, что «дал указание командору Перри заверить Императорское Величество, что он (президент. – С.Т.) испытывает самые лучшие чувства к императору лично и его правительству, и не имеет иных целей, кроме как предложить жить в дружбе и иметь коммерческие связи» [President Fillmore's letter].

Более того, президент писал о том, что он в особенности предостерёг Перри от принятия действий, которые могут нарушить спокойствие в императорских владениях. Командор строго следовал этим инструкциям и не нарушил спокойствия на японской земле. Более того, он терпеливо, почти год, дожидался ответа, реализуя напутствие президента,

⁹ Имеется в виду титул Огури Бунго-но ками.

который выразил желание строить дружеские отношения и развивать торговлю к взаимной выгоде.

Главной целью экспедиции Перри было добиться принципиального согласия, открывающего доступ американским судам в порты страны. Американским посланцам удалось добиться открытия нескольких портов для организации станций снабжения углем своих пароходов и заходов торговых судов. Согласия начать регулярную торговлю удалось добиться значительно позднее, преодолев сопротивление японцев, которые пытались организовать систему открытых портов по образцу Нагасаки под полным контролем представителей сёгуна. На переговорах американцы достигли более свободных условий торговли, но *бакуфу* ещё долго стремилось полностью контролировать внешние контакты. На согласование всех вопросов, которые вытекали из решения «открыть» страну и начать торговлю с внешним миром, потребовалось несколько лет. Одним из самых сложных был вопрос об определении обменного курса валют, на основе которых ведутся торговые операции.

В то время в странах Европы в целом циркулировали близкие по своему составу золотые, серебряные и медные монеты. В странах Азии ситуация была значительно более сложной и запутанной. В этом регионе были в обращении золотые, серебряные и медные монеты разных весовых характеристик с разным составом драгоценных металлов. По этой причине для торговли с местными странами использовался мексиканский доллар, который играл роль мировой валюты. Эта монета чеканилась в Мексике, на территории которой имелись многочисленные серебряные рудники, но находилась в обращении не только в своей стране, но также в Азии и Латинской Америке.

В Японии находились в обращении золотые, серебряные и медные монеты, которые не имели единого состава и единых пропорций содержания металлов. Золотые монеты могли иметь как более половины содержания золота, так и только одну четверть.

Таблица. Основные золотые монеты на момент открытия страны

	Ансэй кобан	Ансэй 1 бу	Ансэй 2 бу	Тэмпо 2 сю
вес монеты	8,97 г	2,24 г	5,62 г	1,62 г
содержание золота	570 частей	570 частей	209 частей	298 частей

Источник: [Нихон кахэй катарогу, 1998, с. 78–79].

Помимо разного состава монет, фундаментальная проблема заключалась в том, что в результате многочисленных перчеканок монеты в период изоляции страны от внешнего рынка соотношение стоимости золота и серебра в Японии стало существенно отличаться от мирового. Если во всем мире тогда золото было в пятнадцать раз дороже серебра, то в Японии это соотношение было только один к пяти. Поэтому при любом варианте обменного курса монета одной из сторон оказывалась существенно недооцененной.

Японская сторона, начиная переговоры об обменных курсах с Америкой, настаивала, что они должны устанавливаться на основе лучших золотых монет. Командор Перри, который не имел точных сведений о японской денежной системе, согласился на этот вариант. Исходя из того, что один мексиканский доллар в Шанхае стоил 1200 медных монет, а японский один *рё* в Японии имел курс в несколько тысяч монет, один золотой *рё* был

приравнен к 4 мексиканским долларам. Недостатки этого выбора выяснились быстро. Получилось, что один серебряный мексиканский доллар, имевший вес в 26,8 грамма и содержащий 90% драгоценного металла, стал обмениваться на равных на японские серебряные монеты хорошего и плохого качества. Более того, он оказался приравненным к одному серебряному *бу*¹⁰, лучшей по качеству монетой Японии того времени, имевшей 90% серебра, но в три раза меньшей мексиканского доллара по своему весу. Учитывая, что реальная торговля должна была вестись с использованием серебра, а количество золота в обращении было слишком мало, чтобы обслуживать торговые обороты, имевшие большие объёмы, американцы стали настаивать, чтобы базовыми для определения курса стали серебряные монеты, которые имели близкое процентное содержание серебра и поэтому могли обмениваться по весу.

К началу торговли между Японией и иностранными государствами стороны договорились об обмене на основе серебряной монеты и её весовых характеристик. В результате за 1 серебряный доллар иностранцы могли получать 3 японских серебряных монеты *итибугин* (точнее 100 долларов равнялись 311 *итибугин*) [Исии Такаси, 1987, с. 154].



Мексиканский доллар, на который нанесена надпись,
что его стоимость равняется 3 *бу*¹¹

¹⁰ Серебряная монета достоинством 1 *бу*. В Японии была принята четверичная система – 1 *рё* = 4 *бу* = 12 *сю*.

¹¹ Фото автора.

Японская сторона имела некоторое время перед началом торговли и в период подготовки к «открытию» страны выпустила две новые золотые монеты и одну серебряную¹² в годы Ансэй. Новый *кобан*, который был на 1,3 грамма меньше весом старого, имел прежние пропорции золота и серебра, то есть был, как раньше, существенно дороже мексиканского доллара.

Новая золотая монета достоинством 2 *бу* была примером продолжения политики ухудшения качества денег и сокращения содержания золота. Она содержала только одну пятую золота, однако две таких монеты по своему номиналу были равны полноценному золотому кобану, хотя содержали значительно меньше золота.

Серебряный 1 *бу* остался такого же веса, только содержание в нем серебра было уменьшено так, чтобы он стоил ровно 33 цента. Его изменили так, чтобы 3 монеты *итибу* могли без сдачи обмениваться на мексиканский доллар, чтобы 100 долларов равнялись 300 *бу* серебром.

Можно сказать, что планируя выпуск монет годов Ансэй, японские власти существенно недооценили проблемы, которые могли возникнуть с началом торговли. По всей видимости, по той причине, что переоценивали возможности административного воздействия на тех, кто будет заниматься внешней торговлей. В указах требовалось обменивать золотые монеты на золотые, а серебряные – на серебряные, руководители *бакуфу* имели надежду, что административных мер будет достаточно, чтобы предотвратить взаимный обмен золотых и серебряных монет и решить возникшие трудности. Однако на деле ситуация оказалась значительно более тяжелой и быстро вышла из-под контроля.

Золотая монета *кобан*, имевшая номинал 1 *рё* и в Японии обменивавшаяся на серебро по своему номиналу, оказывалась по своей стоимости равной 1,3 мексиканского доллара, хотя реально содержащееся в монете золото имело стоимость более трёх долларов, что создало предпосылки для спекулятивного вывоза золотой монеты.

После начала торговли с европейскими странами в июне 1859 г. сразу стали очевидны несколько острых проблем – рост цен на отдельные виды товаров и спекуляция и вывоз из страны золотой монеты. Эти проблемы очень обеспокоили руководителей *сёгуната*, поэтому японская и американская сторона начинают активные консультации по вопросам обменного курса золотой и серебряной монеты. Это обстоятельство повлияло на программу посольства, в которое входил Огури Кодзукэносукэ.

Во время встречи японской делегации, в которую входил Огури, с госсекретарем Л. Кассом позиция японской стороны была изложена следующим образом. Во время переговоров с командором Перри, прибывшем для заключения Договора о мире и дружбе (*Васин дзёяку*), стоимость одного серебряного доллара была установлена в размере 1 *бу* серебром. Это положение было записано в Симодском договоре¹³. Однако затем этот пункт был отменён, установлены принципы обмена на основании содержания благородного металла в монетах одного типа, поэтому после открытия портов курс серебряной монеты начал быстро расти. Цена иностранных товаров при ввозе их в Японию выросла в три раза. Цена отечественных товаров при вывозе уменьшилась на две трети. Это всё внушает

¹² Вероятно, руководители финансов *бакуфу* имели представление о разнице курсов золота и серебра на мировом и японском рынке и пытались решить эту проблему, но предпринятые меры не достигли цели.

¹³ Дополнительный протокол к Договору о мире и дружбе с Америкой, подписанный в 1857 г. (Не путать с договором с Россией).

беспокойство за торговлю. Определение курса серебряной монеты хотелось бы временно отложить до тех пор, пока вопрос не будет решён путём взаимных консультаций, а во время этого визита хотелось бы провести сравнение золотой монеты. В связи с этим Харриса¹⁴ много раз просили предоставить образцы золотой монеты. Более того, *родзю*¹⁵ направили письмо в его адрес по этому вопросу. Однако до настоящего времени он так и не выполнил просьбу. Если не поднять курс золотой монеты, то это вызовет её отток¹⁶. Поэтому «необходимо провести анализ монеты *итибубан*¹⁷, по получении результатов провести сравнение (с американской монетой. – С.Т.) и по возвращении домой провести обсуждение проблемы перечеканки монеты» [Кэнпэй сисэцу, т. 1, с. 285–286].

Огури ссылается на договор, подписанный Перри, то есть на Канагавский договор. Однако в действительности в нём обменные курсы не были детально прописаны. Например, в договоре с Америкой ст. 7 гласила: «Условлено, что судам С. Штатов, прибегающим к открытым для них портам, будет разрешено обменивать золотые или серебряные монеты на иные товары на основании правил, которые будут временно установлены японским правительством на этот предмет» [Гримм, 1927, с. 51].

В ст. 5 Симодского договора с Россией говорилось, что «русским предоставляется право выменивать желаемые товары и имущество на привезённые товары, имущество и деньги» [Гримм, 1927, с. 53]. Эта формулировка предполагала использование бартерных операций наравне с деньгами. Поэтому чёткая фиксация обменных курсов при наличии такого рода формулировок была невозможна. Конкретные договорённости должны были быть достигнуты в ходе прямых переговоров с представителями *бакуфу*.

Обменные курсы были установлены Симодским договором с Америкой (который по своему содержанию является скорее протоколом к предыдущему трактату, чем отдельным документом) 1857 г. Его ст. 3 гласила: «Для исчисления стоимости денег, привозимых американцами с собой, с использованием правильных весов¹⁸ измерять вес японских золотых 1 бу и серебряных 1 бу, измерять отдельно золото с золотом, серебро с серебром, определить весовые характеристики американских монет, однако при этом передавать японской стороне излишнюю часть для оплаты расходов по переплавке (перечеканке. – С.Т.)» [Нихонкоку мэйрикэн гассюкоку дзёяку].

Японская сторона рассчитывала, что путём проведения экспертизы в Америке удастся убедить американцев согласиться на изменение принципа обмена, вернуться к обменным курсам на основании золотой монеты и временно отложить определение курса серебряной монеты. Однако эта цель не была достигнута.

Примечательно, что в соответствующей статье Симодского договора упоминаются только золотой и серебряный 1 бу и не упоминаются монеты *кобан*. Вероятно, японская сторона имела представление о том, что золотой 1 бу близок по своей стоимости к доллару. Также следует обратить внимание на формулировку «золото с золотом, серебро с серебром», которая требовала отдельно измерять и обменивать деньги из разных драгоценных металлов. То есть писавшие эту статью дипломаты, скорее всего, понимали, что в сложившейся

¹⁴ Американский консул в Японии, которому было поручено вести переговоры с Японией.

¹⁵ Старший административный чиновник *бакуфу*.

¹⁶ В японском тексте – *рансюцу*.

¹⁷ Золотая монета достоинством в 1 бу.

¹⁸ То есть получавших сертификацию со стороны представителей сёгуна.

ситуации при свободном обмене серебряных монет на золотые по номиналу открывалась возможность прямого обмена серебра на дорогие золотые монеты, что в свою очередь делало неизбежным рост спекулятивного спроса на определённые типы монет.

Обязательство передавать излишек японской стороне показывало, что американцы и японцы на переговорах также имели в виду, что для унификации денежного обращения необходима была перечеканка денег в Японии. Однако эта мелкая уступка не удовлетворила японцев, так как она мало помогала достижению основной цели – определению обменного курса на основе золотых монет.

По просьбе японской делегации в Филадельфии была проведена подробная экспертиза японских и американских монет. Её результаты содержали данные не только по монетам, которые привезло с собой посольство, но также по всем японским монетам, которые находились в распоряжении американского монетного двора. Оценка стоимости японских монет делалась в американских денежных единицах [Кэнпэй сисэцу, т. 6, с. 179–180].

По результатам экспертизы посольству было выдано официальное заключение Монетного Двора Филадельфии за подписью директора Джэймса Сноудэна о содержании благородных металлов в двух самых новых японских монетах и американском долларе. В этом заключении основное внимание уделялось лучшим японским золотым монетам *кобан* достоинством в один *рё*, которых было в распоряжении Монетного Двора три вида.

В документе американской стороны содержится такое описание японской золотой монеты. *Кобан* – это монета овальной формы, мягкая и легко гнущаяся. Она в значительной степени разбавлена серебром, но серебро убрано с поверхности растворителем, поэтому монеты выглядят как золотые, пока не побывают в употреблении значительное время. Этим объясняется очень бледный вид первого образца, а также того образца, у которого была соскоблена часть поверхности, чтобы продемонстрировать настоящий цвет [Кэнпэй сисэцу, т. 6, с. 179–180].

Кроме того, в официальном заключении было записано, что средний вес одной монеты *кобан* последнего выпуска из привезённых японской делегацией (т.е. *кобана* годов Ансэй – С.Т.), равняется 138.375 грейна, которые включают 79.375 грейна золота, 59 грейнов серебра и 0.375 грейна меди, а вес золотого доллара США составляет 25.8125 грейна, из которых 23.21875 грейна – золото, а остальное – медь. Содержание золота в монете *кобан* определялось как 571 часть. Золото стоило 3,41 доллара и составляло большую часть стоимости монеты. Оставшиеся 429 частей серебра оценивались всего в 0,16 доллара.

В отличие от японской монеты, американский доллар того времени имел 900 частей золота и не содержал серебра. Американские золотые монеты были меньшего размера, но имели значительно больший процент содержания золота. Японские монеты были крупнее, но содержали менее 60% золота. В результате анализа стоимость монеты Ансэй *кобан*¹⁹ была определена в 3,6 доллара (путём округления 3,57 в большую сторону), а золотой монеты 1 *бу* – 90 центов (также путём округления). То есть цена одного *рё*, если выразить её в мексиканских серебряных долларах, которые имели сходные характеристики с американским серебряным долларом, составляла 3,6 мексиканских доллара.

Также работниками монетного двора было обращено внимание на наличие одновременно двух монет (золотой и серебряной), имевших сходный номинал 1 *бу*. О результатах анализа

¹⁹ Также именовался как *сэйдзи кобан*.

этих монет не говорилось в официальном заключении Джеймса Сноудена, но они были сообщены членам посольства. Стоимость серебряного 1 бу была определена эквивалентной одной трети серебряного доллара²⁰. Напротив, стоимость золотого 1 бу годов Тэмпо была оценена в три раза выше, примерно в 90 центов.

Имея заключение монетного двора Филадельфии, посольство вернулось в Японию, где его ждали большие новости об изменениях в денежной системе. Во-первых, в январе 1860 г. была проведена ревальвация золотых монет. Затем через два месяца выпущена новая золотая монета меньшего размера, которая именовалась Манъэн кобан²¹.

19 января 1860 г. от имени *тайро* Ии Наосукэ был издан указ, который определял новые котировки золотых монет. В нём говорилось, что «в связи с внешней торговлей нарушились прежние соотношения между монетами, поэтому до того времени, когда будут отданы распоряжения о перчеканке, монеты должны обмениваться в соответствии с курсами, которые содержатся в данном документе. Тэмпо кобан достоинством в 1 рё – 3 рё 1 бу 2 сю, Тэмпо 1 бу²² – 3 бу 1 сю, Ансэй кобан – 2 рё 2 бу 3 сю, Ансэй 1 бу – 2 бу 3 сю [Бакумацу офурэгаки, 1994, т. 4, с. 481]. Таким образом, Ансэй кобан, а также золотой Ансэй 1 бу, имевшие высокое содержание золота, стали дороже более чем в два с половиной раза.

В указе *бакуфу*, обнародованном в январе 1860 г. накануне отъезда посольства, также совершенно определённо говорилось, что планируется новая перчеканка монеты, поэтому члены посольства, включая Огури, должны были быть в курсе, что готовятся большие перемены в денежной системе, хотя детали реформы могли быть полностью им не известны, потому что январский указ не содержал детальной информации по этому вопросу.

Серебряный 1 бу годов Ансэй остался в январском указе без изменений. Три таких монеты и мексиканский доллар, действительно, имели примерно одинаковую стоимость, что было подтверждено в Америке и исключало возможность спекуляции серебром. Таким образом, проблема спекуляции японской золотой монетой этой ревальвацией снималась полностью.

Затем через два месяца была проведена кардинальная перчеканка золотых монет. Вместо золотого 1 бу годов Ансэй была выпущена новая монета, что лишило его возможности рассматриваться в качестве кандидата на роль базовой золотой монеты для обмена на иностранную валюту. Эта роль переходит к *кобану*, вес которого был уменьшен в три раза.

Один из руководителей *бакуфу* – *гайкоку бугё* Мацудайра Ясунао в разговоре с переводчиком американской миссии Генри Хюскеном изложил цели *бакуфу* в денежной политике следующим образом: «*Кобан* годов Тэмпо²³ сейчас стал оцениваться в 3 рё 1 бу 2 сю, поэтому планируется выпустить новый *кобан*, сделав его равным одной трети *кобан* годов Тэмпо, если уменьшить предварительно его вес на 1 бу 2 сю. С 1 бу поступить таким же образом. Пробу новых денег оставить прежней, как у Тэмпо *кобан*. У золотых 2 бу и 2 сю оставить прежнее содержание золота, однако при этом уменьшить их вес и сделать меньших размеров» [Исии Такаси, 1987, с. 108–109]. В соответствии со словами Мацудайра, *бакуфу*

²⁰ Стоимость серебряного 1 бу годов Тэмпо оценивалась в 37 американских центов.

²¹ *Кобан* годов Манъэн.

²² Золотого 1 бу. Полное название которой было *итибубанкин*.

²³ В указе о перчеканке фигурировали как золотые монеты Тэмпо, так и Ансэй, поэтому объяснение Мацудайра Ясунао можно отнести к обоим типам монет.

намеревалось оставить прежней четверичную систему исчисления 1 *рё* = 4 *бу* для монет *кобан* и золотых 1 *бу*, при этом несколько уменьшив вес золотых монет с номиналом 2 *бу* и 2 *сю*.

В своём комментарии Мацудайра Ясунао отдельно говорил о золотых 2 *бу* и 2 *сю*. Причина была в том, что они имели очень низкое содержание золота: 209 частей – в 2 *бу* (*нибубанкин*) и 298 частей – в 2 *сю* (*нисюбанкин*), которое более чем в два раза было ниже, чем в монетах *кобан*, поэтому не упоминались в январских указах о ревальвации стоимости золотых монет. Номинал этих монет остался без изменения. Таким образом, после ревальвации золотой 1 *бу* годов Тэмпо стал стоить больше, чем золотой 2 *бу* годов Ансэй, хотя был меньше по размеру и весу. Проблемы в золотом обращении продолжали сохраняться, что вызывало необходимость дальнейших реформ.

За два последующие месяца *бакуфу* продолжило работу в выбранном направлении и уже в апреле 1860 г. объявило о перечеканке золотых монет четырёх видов – *кобан*, *итибубан*, *нибубан* и *нисюкин* [Бакумацу офурэгаки, 1994, т. 4, с. 483]²⁴, включая в том числе Ансэй *кобан* и Ансэй 1 *бу*, в результате чего в Японии были выпущены новые золотые монеты, значительно отличавшиеся от прежних. Монеты, освидетельствованные в Америке, по новому указу должны были постепенно выводиться из обращения. Фактически они чеканились только один год. Это практически свело на нет усилия посольства ещё до того, как оно вернулось на родину.

Теоретически в апреле 1860 г. у *бакуфу* было несколько альтернативных возможностей относительно выпуска новых денег, в том числе и перечеканка монеты в сторону повышения содержания золота. Например, если бы в *кобан* было сохранено прежнее количество золота, при новом весе можно было сделать эту монету очень высокого качества. Также могло быть повышено содержание золота в 2 *сю* до уровня содержания золота в монетах *кобан*. Добиться сходных с *кобанами* показателей содержания золота было сложно, но приблизить его значительно к этому уровню *бакуфу* могло. Однако этого сделано не было. Все монеты практически перечеканивались с тем же соотношением золота и серебра в сторону понижения веса. Незначительное увеличение содержания золота в монетах 2 *бу* не меняло ситуацию.

Реформа была проведена таким образом, что она породила новую проблему. Новые золотые 2 *бу* и 2 *сю* только по своему номиналу соответствовали *кобанам*, а содержание золотого металла в них стало более чем в два раза меньшим. Если произвести подсчёт стоимости Манъэн *кобан* по американской методике, то получится примерно 132 цента. При этом Манъэн 2 *бу* должен был стоить около 55 центов. То есть две монеты 2 *бу* стоили 110 центов, хотя их вес был значительно большим за счёт присутствия меди и серебра, притом что содержание золота было почти в два раза меньше, чем в *кобане*. Существенная разница в содержании золота привела к быстрому вытеснению из обращения золотых *кобанов* и массированному выпуску монеты 2 *бу* (*нибубан*) годов Манъэн.

²⁴ То есть всех золотых монет, имевшихся в обращении в это время, таких, как *кобан*, 1 *бу*, 2 *бу* и 2 *сю*.

Таблица. Сравнительные характеристики золотых монет годов Манъэн

Кобан

	Манъэн кобан	Ансэй кобан
вес монеты	3,30 г	8,97 г
содержание золота	574 части	570 частей
вес золота	1,89 г	5,11 г

Итибубан

	Манъэн 1 бу	Ансэй 1 бу
вес монеты	0,82 г	2,24 г
содержание золота	574 части	570 частей
вес золота	0,47 г	1,277 г

Нибубан

	Манъэн 2 бу	Ансэй 2 бу
вес монеты	3,00 г	5,62 г
содержание золота	229 частей	209 частей
вес золота	0,69 г	1,17 г

Нисюбан

	Манъэн 2 сю	Тэмпо 2 сю
вес монеты	0,75 г	1,62 г
содержание золота	229 частей	298 частей
вес золота	0,17 г	0,48 г

При весе 11,23 г *кобан* годов Тэмпо содержал более 6 г золота, которых хватало, чтобы отчеканить 10 монет Манъэн 2 бу общим номиналом в 5 рё²⁵. Разница составляла примерно 1,75 рё при перчеканке одной монеты кобан Тэмпо в 2 бу годов Манъэн. Монетные дворы *бакуфу* получили разрешение чеканить из *кобанов* золотые 2 бу и начали в больших количествах выпускать монеты плохого качества. Для того чтобы внутри страны Манъэн *кобан* и Манъэн 2 бу котировались одинаково, в тот же день с изданием указа о перчеканке монеты был издан дополнительный указ, в котором говорилось, что «к *нибубан* и *нисюкин*²⁶ должно быть такое же отношение (как и к новым *кобан* и *итибубан*. – С.Т.) и они должны беспрепятственно обмениваться между собой» [Бакумацу офурэгаки, 1994, т. 4, с. 483]. Таким образом, своим распоряжением *бакуфу* подтвердило, что значение имеет только номинал монет, а не реальное содержание благородных металлов, что означало сохранение принудительного обменного курса для монет *кобан*, 1 бу, 2 бу и 2 сю.

Однако возможности административного давления в условиях нарастания напряженности внутри страны быстро уменьшаются. Монеты с высоким содержанием золота и серебра начинают исчезать из обращения, уступая место монетам низкого качества. Это повлекло значительную инфляцию и падение стоимости денег. 2 бу годов Манъэн становится основной монетой, которой пользовались не только самураи и крупные торговцы, но и многие простые японцы.

²⁵ До перчеканки монет *кобан* годов Тэмпо было в обращении на 8,1 млн рё, из которых монет *кобан* годов Манъэн было выпущено только на 650 тыс. рё, поэтому подавляющее количество монет *кобан* годов Тэмпо пошло на выпуск 2 бу годов Манъэн [Нихон кахэй катарогу, с. 78–79].

²⁶ Золотые 2 бу и 2 сю.

Анализ данных о перчеканке золотых 2 *бу* и 2 *сю* позволяет сделать заключение, что важнейшей целью было получение драгоценного металла. Соответственно, сэкономленный драгоценный металл использовался для чеканки дополнительных денег, которые поступали в распоряжение *бакуфу*. В результате перчеканка становится одним из основных источников бюджетных доходов. Размеры доходов из этого источника варьировали от полутора до трёх с половиной миллионов *рё* в первые годы после «открытия» страны до шести – восьми перед Мэйдзи исин, для чего требовалось ежегодно перчеканивать значительное количество металлических денег. Поэтому в конечном итоге Манъэн 2 *бу* было с 1860 по 1868 г. отчеканено на огромную сумму – 46 млн *рё* [Сакудо Ётаро, 1971, с. 579], то есть в 75 раз больше, чем Манъэн *кобан*. В этот период в среднем чеканилось только Манъэн 2 *бу* монеты на 5–6 млн *рё* в год и более, сколько не чеканилось никогда прежде. Кроме того, перчеканивались и другие монеты, включая Тэмпо *цухо*, в состав которых входила медь и другие металлы, позволявшие выпускать их в значительных количествах.

Причины массированного выпуска денег лежали в обострявшемся с каждым годом финансовом положении *бакуфу* в результате роста экстраординарных расходов. Пополнение бюджета производилось любыми доступными средствами. *Бакуфу* временно решало свои финансовые проблемы, но производство некачественной монеты в огромных количествах начинает разгонять инфляцию, которую население воспринимало как результат начала торговли с иностранными государствами. Сильная инфляция вызывает недовольство открытием страны и множит ряды сторонников её закрытия и противников *бакуфу*, которое выступало проводником политики расширения внешних связей. В какой-то степени *бакуфу* само становится жертвой собственной политики.

Заметим, что выпуск некачественной монеты производился не только монетными дворами, подконтрольными *бакуфу*, но и многими *даймё*. К концу сёгуната не менее половины *даймё* занимались нелегальной чеканкой монеты по той причине, что большая часть самураев испытывала нехватку средств, которая значительно усиливалась нарастающей инфляцией. Рост расходов в столице и за пределами своих владений делал невозможным сбалансировать расходы только за счёт сбора рисового налога или выпуска бумажных денег (*хансацу*), поэтому всё больше самураев начинает нелегально производить Манъэн 2 *бу* и другие монеты центрального правительства (Тэмпо *цухо*, серебряные Ансэй 1 *бу* и др.) Это только усиливало неразбериху в денежном обращении, и страна пришла к Мэйдзи исин с полностью расстроенной финансовой системой.

Заключение

Начало торговли с европейскими странами вызвало серьёзные проблемы с обменными курсами. Поэтому одной из важнейших целей посольства в Америку было получение информации об американской денежной системе. Эта задача была поручена Огури Кодзукэносукэ. Во время посещения монетного двора в Филадельфии ему удалось получить вполне объективную информацию об американской и японской денежной системе. Тем не менее реформы денежной системы в Японии проводились без должного учёта полученной информации. Важной причиной этого была нехватка денежных средств в распоряжении правительства, вынужденного пополнять казну за счёт массированной перчеканки денег,

что вело к уменьшению содержания драгоценных металлов в японских монетах и игнорированию данных, полученных посольством.

Причиной таких действий правительства были растущие расходы, которые увеличивались по мере приближения Мэйдзи исин и роста напряжённости внутри страны. Правительственные расходы росли как под влиянием нарастания противостояния различных политических сил, так и под влиянием растущей инфляции. Попытки одновременного решения задачи выравнивания обменных курсов и пополнения казны оказались непосильной для *бакуфу* задачей.

Полученная в Америке информация осталась доступной только узкому кругу чиновников финансового ведомства. Сначала информация была доступна администрации *бакуфу*, а затем перешла в распоряжение новых членов мэйдзийского правительства, которым пришлось решать проблемы стабилизации денежной системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бакумацу офурэгаки сюсэй : [Сборник распоряжений правительства периода Бакумацу]. Под ред Исии Рёсукэ и Харафудзи Хироси. Токио: Иванами сётэн. 1994. Т. 4.

Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Издание Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927.

Исии Такаси. Бакумацу кайкоки кейдзайси кэнкю: : [Исследования по экономике периода Бакумацу и «открытия портов»]. Токио: Юриндо. 1987. С. 154.

Кокуси дайdzитэн : [Большой словарь по истории Японии]. Токио: Ёсикава кобункан. 1980. Т. 2.

Кэнпэй сисэцу сирё сюсэй : [Сборник материалов посольства в Америку]. Токио, 1961. Т. 1–6.

Манъэн ганнэн кэнбэй сисэцу : [Посольство в Америку первого года Манъэн], URL:<https://ja.wikipedia.org/wiki/%E4%B8%87%E5%BB%B6%E5%85%83%E5%B9%B4%E9%81%A3%E7%B1%B3%E4%BD%BF%E7%AF%80> (дата обращения: 09.07.2018).

Нихон кахэй катарогу : [Каталог монет Японии]. Нихон кахэй акинаи кёдо кумиай. Токио. 1998.

Нихонкоку мэйрикэн гассюкоку дзёяку. URL: <http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/pw/18570617.T1J.html> (дата обращения: 10.07.2018).

Сакамото Фудзиёси. Огури Кодзукэносукэ но сёгай : [Жизнь Огури Кодзукэносукэ]. Токио: Коданся. 1987.

Сакудо Ётаро. Кинсэй хокэн сякай но кахэй кинъю кодзо : [Структура финансов и денежного обращения феодального общества периода Кинсэй]. Токио: Ханава сёбо, 1971.

Такахаси Сатоси. Огури Кодзукэносукэ Тадамаса то Бакумацу Исин – «Огури никки» о ёму : [Огури Кодзукэносукэ Тадамаса и период Бакумацу-Исин (читая дневники Огури)]. Токио: Иванами сётэн. 2013.

Frost Peter. Bakumatsu Currency Crisis. Cambridge, M.A:East Asian Research Center, Harvard University. 1970.

Joel D. Treese. The Japanese mission of 1860. URL: <https://www.whitehousehistory.org/the-japanese-mission-of-1860> (дата обращения: 20.07.2019).

Michael Wert. Meiji Restoration losers. Memory and Tokugawa supporters in modern Japan. Harvard University Press, Cambridge (Massachusetts) and London, 2013.

President Fillmore's letter to the Emperor of Japan, delivered July 14, 1853. URL: https://ocw.mit.edu/ans7870/21f/21f.027/black_ships_and_samurai/presletter.html (дата обращения: 08.07.2018).

REFERENCES

Grimm, E.D. (1927). Sbornik dogovorov i drugikh dokumentov po istorii mezhdunarodnykh otnosheniy na Dal'nem Vostoke (1842–1925) [A Collection of Treaties and Other Documents on the History of International Relations in the Far East (1842–1925)], Moscow: Institut vostokovedeniya. (In Russian).

Ishii Ryōsuke and Harafuji Hiroshi, eds. (1994). Bakumatsu ofuregaki shūsei [The Collection of Ofuregaki Orders of the Bakumatsu Period], vol.4, Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).

Ishii Takashi. (1987). Bakumatsu kaikoki keizaishi kenkyu [The Research of Economic History of «Opening» of Ports in Bakumatsu Period], Tokyo: Yurindo. (In Japanese).

Joel D. Treese. The Japanese mission of 1860, URL: <https://www.whitehousehistory.org/the-japanese-mission-of-1860> (accessed: 20 July 2019).

Kokushi daijiten. (1980). [The Great Dictionary of National History], Vol. 2, Tokyo: Yoshikawa kobunkian. (In Japanese).

Kenpei shisetsu shiryō shūsei. (1961). [A Collection of Materials on the Japanese Embassy to the United States in the year Man'en], Vol. 1-6, Tokyo. (In Japanese).

Man'en gannen kenbei shisetsu: [The Japanese Embassy to the United States in the year Man'en], URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/%E4%B8%87%E5%BB%B6%E5%85%83%E5%B9%B4%E9%81%A3%E7%B1%B3%E4%BD%BF%E7%AF%80> (accessed: 9 July 2018). (In Japanese).

Nihon kahei katarogu. (1988). [The Catalog of Japanese Coins], Tokyo. (In Japanese).

Nihonkoku meiriken gasshukoku joyaku [The Treaty Between Japan and the United States], URL: <http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/pw/18570617.T1J.html> (accessed: 10 July 2018). (In Japanese).

Sakamoto, Fujiyoshi. (1987). Oguri Kozukenosuke no shogai [The Life of Oguri Kozukenosuke], Tokyo: Kodansha. (In Japanese).

Sakudo, Yotaro. (1971). Kinsei hoken shakai no kahei kin'yu kozo: [The Structure of Finance and Money Circulation in the Feudal Society of the Kinsei Period], Tokyo: Hanawa Shobo. (In Japanese).

Frost, P. (1970). Bakumatsu Currency Crisis, Cambridge, Mass.: East Asian Research Center, Harvard University.

Wert, M. (2013). Meiji Restoration losers. Memory and Tokugawa supporters in modern Japan, Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press.

Takahashi, Satoshi. (2013). Oguri Kozukenosuke Tadamasa to Bakumatsu Ishin – «Oguri nikki» o yomu: [Oguri Kozukenosuke Tadamasa to Bakumatsu Ishin Period (reading Oguri's Diary)], Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).

President Fillmore's letter to the Emperor of Japan, delivered July 14, 1853, URL: https://ocw.mit.edu/ans7870/21f/21f.027/black_ships_and_samurai/presletter.html (accessed: 8 July 2018).

Поступила в редакцию 20.07.2019

Received 20 July 2019

Для цитирования: Толстогузов С.А. Посольство в Америку 1860 г. и проблема обменных курсов // Японские исследования. 2019. №1. С. 20–38. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10002

For citation: Tolstoguzov S.A. (2019). Posol'stvo v Ameriku 1860 g. i problema obmennykh kursov [The 1860 Japanese diplomatic mission to America and the matter of exchange rates], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 1: 20–38. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10002

Японские исследования. 2019. №1. С. 39–50.

Japanese Studies in Russia, 2019, 1, pp. 39–50.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10003

Этнолог Янагита Кунио об окинавском происхождении японцев

А.Н. Мещеряков

Аннотация. В научной деятельности знаменитого этнолога Янагита Кунио (1875–1962) Окинава занимает особое место. Вошедшая в состав Японии только в 1872 г. Окинава воспринималась как малокультурная окраина империи. Несмотря на то, что в Японии строили «национальное государство» (nation state), жители Окинавы попадали в разряд «варваров», которым ещё только предстояло стать настоящими «цивилизованными» людьми. Японцы характеризовали Окинаву как «внешнюю землю» (*гайти*), считая, что сами они проживают на земле «внутренней» (*найти*). Янагита Кунио сыграл значительную роль в деле интеграции окинавцев в общепонскую жизнь. Побывав на Окинаве всего один раз (1921 г.) и тесно общаясь с уроженцем Окинавы Иха Фую (1876–1947), всю оставшуюся жизнь он придерживался мнения о том, что окинавцы являются прародителями японцев. Поначалу эта идея не пользовалась большой популярностью. Однако после окончания Второй мировой войны, когда Окинава оказалась под управлением американской военной администрации, в Японии развернулось широкое движение за возвращение Окинавы под японскую юрисдикцию. В это время Янагита уже стал признанным государством учёным и пользовался его поддержкой. Янагита реабилитировал понятие «островная страна» (*симагуни*) и придал ему положительный смысл. На фоне бурной дискуссии об этногенезе японцев последняя книга Янагита «Кайдзё-но мити» («Морской путь», 1961 г.), в которой обосновывалась его гипотеза об Окинаве как прародине японцев, получила широкую известность среди непрофессионалов (так, она удостоилась высокой оценки Оэ Кэндзабуро) прежде всего по политическим и эмоциональным мотивам, хотя научные основания этого труда всегда вызывали серьёзные возражения в академическом мире. Популярность книги снизилась уже после того, как Окинава была возвращена Японии. Тем не менее, её место в истории общественной и политической мысли Японии трудно переоценить.

Ключевые слова: Япония, Янагита Кунио, Окинава, Иха Фую, «Кайдзё-но мити».

Автор: Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Институт классического Востока и античности ВШЭ. E-mail: meshtorop@yahoo.com

Ethnologist Yanagita Kunio on the Okinawan origin of the Japanese

A.N. Meshcheryakov

Abstract. Abstract. Okinawa occupies a special place in the scholarly activities of the famous ethnologist Yanagita Kunio (1875–1962). Incorporated into Japan only in 1872, Okinawa was perceived there as the uncultured outskirts of the empire. Despite the fact that Japan was building a “nation state”, the residents of Okinawa fell into the category of “barbarians” who were yet to become really “civilized” people.

The Japanese described Okinawa as “external land” (*gaichi*), believing that they themselves live on “internal land” (*naichi*). Yanagita Kunio played a very significant role in the integration of Okinawans into Japanese life. Having visited Okinawa only once (in 1921) and closely communicating with Iha Fuyu (1876–1947), an Okinawa native, for the rest of his life he was of the opinion that the Okinawans were the ancestors of the Japanese. At first, this idea was not very popular. However, after the end of World War II, when Okinawa came under the control of the American military administration, a widespread movement was launched in Japan to return Okinawa to Japanese jurisdiction. At this time, Yanagita became a scholar recognized by the state and enjoyed its support. Yanagita rehabilitated the concept of an “island country” (*shimaguni*) and gave it a positive meaning. Against the background of heated discussion about the ethnogenesis of the Japanese people, the last book by Yanagita, “*Kaijo-no Michi*” (“Sea Route”, 1961), which justified his hypothesis about Okinawa as the ancestral home of the Japanese, became widely known among non-professionals (for instance, it was highly praised by Oe Kenzaburo) primarily for political and emotional reasons, although the scientific basis of this work has always caused serious objections in the academic world. The popularity of the book declined after Okinawa was returned to Japan. Nevertheless, the role of this book in the history of social and political thought in Japan is hard to overestimate.

Keywords: Japan, Yanagita Kunio, Okinawa, Iha Fuyu, “*Kaijo no Michi*”.

Author: Meshcheryakov Alexandr N., Doctor of Sciences (History), Professor, Higher School of Economics. E-mail: meshtorop@yahoo.com

Окинава занимает совершенно особое место в истории Японии. Она вошла в состав Японии только в 1872 г., получив статус префектуры в 1879 г. Длительное время до этого она имела статус королевства и двойного данника – Китая и японского княжества Сацума. Неудивительно, что долгое время Окинава воспринималась обитателями «настоящей» Японии как нечто «чуждое». Несмотря на то, что со второй половины XIX века в Японии строили «национальное государство» (nation state), жители Окинавы долгое время попадали в разряд «варваров», которым ещё только предстоит стать настоящими «цивилизованными» людьми. На торгово-промышленной выставке 1903 г. в Осаке был построен этнологический павильон, в котором демонстрировали живых представителей народов, которые подлежали изучению со стороны учёных из метрополии. На выставке в Осаке экспонировались живые айны (7 душ), окинавцы (2), тайваньцы (5), малайцы (2), индийцы (7), по одному яванцу, турку и занзибарцу [Сая, 2015, с. 50–53]. Выставлять напоказ «варваров» – общепринятая практика того времени, которая имеет началом Парижскую всемирную выставку 1889 г., посвящённую столетию великой французской революции. Колониальные державы демонстрировали покорённых и деморализованных аборигенов, которым только предстояло вкушать плоды просвещения.

Всё, что относилось к Окинаве, попадало в тогдашней Японии в разряд «второсортных» предметов и явлений. Японцы характеризовали Окинаву как «внешнюю землю» (*gai-umi*), считая, что сами они проживают на земле «внутренней» (*nai-umi*). Ставшее в послевоенное время фирменным знаком Японии карате имело окинавское происхождение, но «во внутренней земле» к карате относились с презрением, предпочитая в качестве национального символа борьбу дзюдо.

Знаменитый этнолог Янагита Кунио (1875–1962) отличался творческой плодовитостью, сформулировал многие идеи, которые были востребованы обществом и государством. Сыграл он и значительную роль в деле интеграции окинавцев в общепонскую жизнь, хотя

сам побывал на Окинаве всего один раз. Это случилось в 1921 г. В это время Янагита был сотрудником крупнейшей газеты «Асахи», которая и отправила его в командировку (краткую биографию Янагита см. [Мещеряков, 2017]).

Этногенез японцев был в то время достаточно модной темой. Учёные и публицисты искали родственников японцев прежде всего в Корее – с 1910 г. колонии Японии. Обнаружение общности корейцев и японцев позволяло лучше обосновать легитимность Великой японской империи, которая дала возможность прежде разъединённым родственным народам заново зажить вместе. Кроме этого рассматривались и многие другие версии.

Отличавшийся нетерпимостью (как интеллектуальной, так и бытовой) и оригинальностью мышления Янагита не соглашался с этими исследователями (о связи характера Янагита с его научной деятельностью см. [Мещеряков, 2018, Янагита Кунио: характер человека...]). Двухмесячная поездка на Окинаву заставила его искать родственников японцев именно там. В таком повороте мысли большая роль принадлежала первому среди окинавцев выпускнику филологического факультета Токийского университета Иха Фую (1876–1947). Он учился у жившего долгое время в Японии знаменитого английского японоведа Бэзила Чемберлена (1850–1935), много занимавшегося, в частности, окинавским языком. Он обнаружил в окинавском и японском языках множество родственных слов, считал, что в окинавском языке имеется пласт лексики, которая в японском языке исчезла, забылась. Это свидетельствовало о родстве японцев и окинавцев.

Иха был директором созданной по его проекту великолепной библиотеки в Нахе. Он придерживался мнения о кровном родстве японцев, окинавцев и корейцев, полагая, что поначалу все они жили на территории нынешней Японии, но затем часть населения уплыла на Окинаву и в Корею. Первое предположение было отчасти верным, второе – фантастическим. Иха находился в плену концепции, что Япония является для окружающих земель культурным центром, и присоединение Окинавы и Кореи к Японии рассматривал как «воссоединение» японского народа.

Янагита проникся идеей родства японцев и окинавцев, но, в отличие от Иха, посчитал, что не японцы являются предками окинавцев, а окинавцы были прародителями японцев. То есть Янагита развернул теорию с севера на юг – ему больше понравилась собственная мысль, что движение этноса происходило в другом направлении: не «окинавцы» отселились от «японцев», как считал Иха, а окинавцы в доисторические времена приплыли в Японию с юга и стали японцами. Янагита посчитал, что протояпонцы, воспользовавшись стремящимся к северу течением Куроисио, переправлялись от острова к острову, словно по камушкам, пока не добрались до основных островов Японского архипелага. «Когда выходишь в открытое море, сердце всё больше пленяет странствие» [Янагита, 1990, т. 3, с. 263]. Янагита был заядлым путешественником, и ему хотелось, чтобы его далёкие предки были такими же странниками. В XX веке все великие географические открытия были уже совершены. Но делать открытия исторические никто запретить не мог.

Янагита увидел в обитателях Окинавы протояпонцев, которые не были «испорчены» материковым (прежде всего, китайским) влиянием. Недаром своим идейным предшественником Янагита считал Мотоори Норинага, который положил жизнь на то, чтобы «очистить» исконную японскую культуру от иноземных инъекций. По мнению Янагита, те окинавцы, которые доплыли до основных островов нынешней Японии и «превратились» в японцев, под влиянием китайской и буддийской культуры в значительной степени утратили свою

«исконность», что воспринималось Янагита в отрицательном контексте. Первозданная природа и патриархальный быт окинавцев (стремительно исчезающие в собственно Японии) восхитили Янагита, подвигая на мысль о потерянном и позабытом рае. Орикути Синобу (1887–1953), младший коллега Янагита, со свойственным ему поэтическим настроением (помимо учёных занятий, Орикути серьёзно занимался и поэзией) аттестовал окинавцев «живыми людьми эпохи “Манъёсю”». Эта первая поэтическая антология на японском языке (VIII век) оценивалась тогда как незамутнённый образец «чисто японского» литературного стиля.

Ни «северная», ни «южная» теории не находили никаких доказательств ни в археологических данных (японская археология тогда находилась в зачаточном состоянии), ни в письменных источниках (в них о связях Окинавы с Японией не сообщается почти ничего), но это мало беспокоило Иха и Янагита. Оба они доверяли прежде всего интуиции, живому языку и фольклору, а не истории, которую считали изначально ангажированной дисциплиной, поскольку она пишется представителями политической элиты, а они игнорируют жизнь народа.

Анализируя японские и окинавские верования и предания, Янагита и Иха обнаруживали в них сходство. Их не заботило, что выявляемые ими параллели можно обнаружить не только между Окинавой и Японией, но и между многими другими фольклорными традициями. Их сходство далеко не всегда объясняется родством или заимствованиями, а исходной общностью человеческого мышления вообще. При таком подходе нет ничего удивительного в том, что местом расположения дворца морского бога Ватацуми, о котором повествуют мифы «Кодзики» и «Нихон сёки», стала у Янагита Окинава [Кодзики, 1994, т. 1, с. 90–96; Нихон сёки, 1997, т. 1, с. 163–166].

«Настоящие» японцы, как уже говорилось, относились тогда к окинавцам с большим предубеждением. Поскольку идея Янагита переворачивала представления о «центре» и «периферии», она не нашла широкого отклика. Однако Янагита был упорным и упрямым человеком и никогда не отказывался от идеи о том, что предками японцев являются именно окинавцы.

В 1921 г. Янагита получил предложение поработать в Лиге наций – в комитете по подмандатным территориям. Он его принял, ибо ему хотелось посмотреть Европу, где он никогда не бывал. Штаб-квартира Лиги находилась в Женеве. Пребывая в окружении непривычной и депрессивной для него природы, Янагита вспоминал про солнечную Окинаву и голубые моря. В Женеве жил пионер окинавоведения Бэзил Чемберлен, который мог бы разделить с Янагита его ностальгические воспоминания. Но Чемберлен был серьёзно болен, жил анахоретом и никого не принимал. Так что Янагита не удалось познакомиться с ним лично, но именно ему посвятил Янагита свою книгу «Заметки о землях в южных морях» (海南小記, 1925), в которой после возвращения из Европы (1923) он изложил свою идею о том, что жители Окинавы – это протояпонцы. Идея была основана на домыслах и не верифицируемых мнениях. Так, Янагита воочию убедился на Окинаве, что местные жители обожают свинину (кабанятину). Это всегда считалось следствием китайского влияния, но Янагита утверждал: раньше и мы, японцы, ели кабанятину, но теперь мы просто забыли про это, а на самом-то деле – это наше общеяпонское обыкновение. Пусть на Окинаве выращивают мало риса (пресной воды для орошения там недостаточно), и основным средством питания там является сладкий батат, но ведь и у окинавцев есть ритуалы,

связанные с рисосеянием, а рис – основа японской цивилизации и культуры. Янагита казалось, что ритуалы меняются меньше, чем жизнь, а потому по ритуалам можно судить о том, какой жизнь была раньше.

Янагита не только писал про Окинаву сам. Он проявил изрядную расторопность и помог «выбить» грант у правительственной организации Гакусиин, которая занималась поощрением науки. На этот грант была издана книга окинавских фольклорных (ритуальных) песнопений «Оморо соси». Книгу подготовил к печати Иха Фую. Правда, тираж оказался ничтожным – всего 350 экземпляров.

Объявляя окинавцев японцами, Янагита лишал их статуса национального меньшинства, от которого подавляющее большинство окинавцев мечтало избавиться. Показателен случай с активистами достаточно влиятельного движения «Мингэй» («Народное искусство») во главе с его лидером Янаги Мунэёси (1889–1961), которые посетили Окинаву в 1939 г. Янаги увлёкся Окинавой и, не без влияния Янагита, устраивал выставки Окинавского народного искусства, снял два документальных фильма, посвящённых Окинаве. Эти фильмы получили одобрение Министерства просвещения и гриф «культурных фильмов» («бунка эйга», калька с немецко-нацистского Kulturfilm), их показывали по всей стране [Brandt, 2007, p. 218]. Янаги продолжал дело Янагита и достиг в продвижении «окинавского бренда» больших успехов.

Активисты «Мингэй» в 1939 г. были поражены следующим фактом: окинавский школьник, которого уличили в том, что он разговаривает с товарищами на окинавском языке, должен носить специальную «позорную» табличку. Он снимал её лишь тогда, когда уличал другого ученика в таком же «преступлении» (точно так же обстояло дело и в других регионах Японии, где были в ходу местные говоры). Визитёры пытались убедить окинавских интеллигентов сохранять свой язык, но встретили самый решительный отпор: местные интеллектуалы настаивали на приоритетном значении языка японского, который давал возможность избавиться от статуса третируемого меньшинства и интегрироваться в общепонскую жизнь [Brandt, 2007, с. 175–176, 211–216].

Представляя свою окинавскую теорию, Янагита отказывался от своих прошлых воззрений на этногенез японцев. Эти идеи были сформулированы в 1910-х годах. Самая знаменитая ныне книга Янагита – «Рассказы из Тоно» («Тоно моногатари», 1910) – представляла собой запись фольклора из горной деревни Тоно (префектура Иватэ) и являлась исходным материалом для его размышлений. Вникая в рассказы горцев о нечисти, в которую они верили (а равнинные жители относились к ней с изрядным скепсисом), Янагита придумал такую теорию. На территории Японского архипелага изначально жили аборигены, которые занимались охотой. Пришельцы («настоящие» японцы) обладали более высокой культурой (её основная черта – рисосеяние) и оттеснили охотников в горы. Эти горцы являются отдельным этносом. Часть его «спустилась с гор» и была ассимилирована. Тем не менее, некоторые аборигены остались жить в горах до нынешнего времени. Фольклорная «горная нечисть», которая вредит «настоящим», равнинным японцам – есть не что иное, как отражение злобных чувств насельников по отношению к пришельцам, которые покорили их.

«Горская теория» Янагита подвергалась серьёзной критике, во второй половине 20-х годов XX века он сам отказался от неё и стал считать японцев народом мононациональным. Пребывание на Окинаве подвигло его на мысль о мононациональности японцев, которые имеют прародиной Окинаву. Однако ко времени её формулирования в Японии всё большую

силу набирали сторонники «государственного синто» (Янагита был его решительным противником). Они считали, что прародителями японского народа являются синтоистские божества, а потому все другие теории этногенеза – «от лукавого». Поэтому к концу 1920-х годов из школьных учебников исчезают упоминания об археологическом прошлом Японии, в рамках которого и происходила дискуссия об этногенезе японцев.

Вторая мировая война явилась тяжёлым испытанием для всех японцев. Что касается Окинавы, то она оказалась единственным местом непосредственно в Японии, где произошло сражение между японской и американской армиями. При этом власти подозревали окинавцев в пособничестве врагу, и от рук японских солдат погибло несколько тысяч местных жителей.

Сражение за Окинаву вышло кровавым (японцы потеряли 188 тыс. человек, американцы – 12 500), американцы захватили Окинаву. Предвидя поражение, Янагита успел опубликовать в газете «Асахи» статью, в которой беспокоился за будущее порушенной окинавской культуры. Сам Янагита проживал в пригороде Токио, который подвергался жестоким бомбардировкам американской авиации. Беспокоясь о судьбе своих книг по Окинаве, Янагита передал их в публичную библиотеку Хибия – надеялся, что так они лучше сохранятся для будущих исследователей. Янагита был книжным человеком и верил в то, что книги способны помочь людям.

После жестокого военного поражения Японии многие прежние идеалы оказались утрачены, а сама Япония была оккупирована американскими войсками. Японцами овладел комплекс неполноценности: по своей тональности и акцентам самообличительные обвинения сильно напоминали инвективы, направленные против сёгуната Токугава в первые годы Мэйдзи, когда казалось, что японцы не могут предъявить миру ничего достойного внимания. И тогда, и теперь японцы считали себя маленькими и некрасивыми, глупыми, никчёмными и отсталыми. Переход от великодержавности к самоуничтожению был на удивление быстрым.

Термин «национальная психология» воспринимался какое-то время в отрицательном смысле. Японцы перестали находить хорошее в своей стране и народе, отдающие мазохизмом суждения сделались идейным мейнстримом. Словосочетание «особенности японского национального характера» воспринималось в отрицательном смысле. В списке бестселлеров 1951 г. на первом месте находилась книга журналиста Рю Синтаро «Взгляд на вещи» («Моно-но миката-ни цуйтэ»), в которой автор убеждал читателя: по сравнению с европейцем, в японце отсутствуют самостоятельность, независимость и рационализм, а потому воспитание этих качеств является первейшим условием для создания демократической Японии.

Тем не менее, в отличие от начала периода Мэйдзи, японская нация была уже сформирована, и японцы не могли не поставить перед собой вопрос: почему мы являемся японцами и как нам сохранить идентичность в условиях усиливающегося американского влияния? В частности, большой накал приобрело обсуждение проблемы об этногенезе японцев, когда никаких американцев, слава богу (вопрос: какому?), ещё не существовало. «Имперские» довоенные японцы привыкли считать, что они произошли от синтоистских божеств. Сейчас эта мыслительная схема оказалась порушенной, и всё, что было связано с государственным синтоизмом, подвергалось гонениям со стороны нового демократического режима. Идеологическую пустошь стали заполнять учёные мужи – они немедленно отреагировали на общественную потребность и стали один за другим выдвигать «рационалистические» теории происхождения японского народа. Книги и статьи с названиями, где фигурировали слова

«японцы» и «этногенез», появлялись одна за другой, пользовались устойчивым общественным спросом.

Наверное самой резонансной теорией такого рода стала теория «народа всадников» (*киба миндзоку*). Её авторство принадлежало этнологу Ока Масао (1898–1992), но в общественном сознании она связалась с именем археолога Эгами Намио (1906–2002), который занимался номадами Азии. Под «народом всадников» он понимал кочевых выходцев из северо-восточной Азии (прежде всего, тунгусов), которые переправились через море на Кюсю, продвинулись к северу и основали там первое японское государство Ямато. Исходный пункт рассуждений основывался на том, что на начальном этапе строительства японских курганных захоронений в них не обнаруживается такого погребального инвентаря, как кони, оружие, их изображений. Однако потом они появляются. Вывод: Японию завоевал народ-всадник. То, что появление воинских атрибутов может объясняться «нормальным» ходом образования государственности, который столь часто сопровождается насилием и появлением военных культов, Эгами в расчёт не принимал. Несмотря на возражения многих специалистов, эта теория широко освещалась в прессе. Её хвалили за то, что она отменяла довоенные предрассудки. Имелось в виду, что автор теории не побоялся записать в прародителей японцев «отсталых» тунгусов. Какое-то время теория пользовалась популярностью среди широких масс японцев. Видимо, не в последнюю очередь потому, что они испытывали чувство униженности: Япония была оккупирована американцами. Но ведь когда-то и мы, японцы, тоже были завоевателями и победителями. А это давало надежду на светлое будущее...

Словом, теория Эгами Намио ликвидировала «белое пятно» в картине мира, она была понятной и легко запоминалась, смягчала комплексы, т.е. служила лекарственным средством.

Помимо Эгами, другие учёные также выдвигали свои теории этногенеза. Они имели важнейшую общественную функцию – легитимизировали существование японского народа. В этом смысле совершенно не имеет значения, кто из учёных был прав. Эти теории создавали питательную среду, в которой происходило самописание этноса. В активном процессе этого самоописания участвовало множество людей, они рассматривали японцев с самых разных ракурсов. Объединяющим началом служило то, что они видели в японцах расовое и культурное единство. Довоенные теоретики видели уникальность Японии и японцев, прежде всего, как политического образования: несменяемая императорская династия во главе преданных подданных, которые являются потомками синтоистских божеств. Именно эта концепция присутствовала в школьных учебниках – другим, более реалистичным теориям места не находилось. Особенности японского быта, пищевая культура, национальная психология и т.д., то есть всё то, что делает японцев японцами и без существования императора и божеств, было объективировано в гораздо меньшей степени.

Теорий выдвигалось много. Янагита решил внести свою лепту в эту достаточно бурную дискуссию и стал усиленно развивать свои довоенные идеи относительно Окинавы как прародины японцев. Здесь сказывались и личные мотивы: Ока Масао был младшим коллегой Янагита, с которым он напрочь рассорился. Ока открыто осуждал диктаторский характер Янагита и, в частности, заявлял: многочисленные сельские корреспонденты, снабжавшие Янагита первичными фольклорными материалами, оставались, по выражению Ока Масао, «безымянными солдатами», а вся слава доставалась «генералу» по имени Янагита Кунио, который беззастенчиво использовал чужие материалы без указания имён собирателей.

Статья, озаглавленная «Морской путь», была опубликована в 1952 г. В ней обосновывалось, что в древности окинавцы приплыли в Японию. Перевод знаменитой книги Тура Хейердала «Кон-Тики» вышел в Японии годом раньше. Не исключено, что эта книга послужила тем дополнительным раздражителем, который стимулировал мысль Янагита. Идея, что древние морские миграции внесли огромный вклад в формирование культуры и цивилизации, оказалась Янагита близка. Господствующие в Японии концепции, что культура приходит на остров непременно с материка, раздражали Янагита. Почему бы не попробовать другой путь, когда культура переплывает с острова на остров? Япония – это не материк, это острова, японцы должны больше думать об островных культурах, о чём с жаром говорил Янагита ещё до войны (он даже какое-то время издавал журнал «Остров» – «Сима»). После присоединения Кореи в 1910 г. пропаганда позиционировала Японию как «материковую империю». После войны Япония снова превратилась в «островную страну» («*симагуни*»), о чём с жаром твердил Янагита. Но если для подавляющего большинства японцев это была поначалу уничижительная характеристика, то для Янагита она обладала сугубо положительными смыслами: островное положение и длительная изолированность от материка позволили японцам создать и сохранить свою уникальную культуру. Понятие «островная страна» имело прямую связь и с идеей Янагита о мононациональности японцев. Довоенная пропаганда позиционировала Японию как многонациональную империю, Янагита же придерживался мнения о мононациональности японцев. После войны этот концепт фактически стал важнейшей составляющей государственной идеологии. Эта идея была близка и шовинистам, к ней охотно примкнули и «нормальные» патриоты: понятие «многонациональности» прочно увязывалось в их сознании с довоенной колониальной политикой державной Японии, им казалось, что нужно строить мононациональное государство на основе принципа самоопределения наций [Огума, 2002, с. 260–261]. В Японии много говорили тогда об этом принципе, что явно имело антиамериканский подтекст.

В дополнение к первой статье Янагита опубликовал ещё несколько текстов, посвящённых Окинаве. Со смешанными чувствами их прочли профессионалы, но широкая публика не обратила на эти произведения большого внимания. Однако они получили определённый отклик на самой Окинаве. Поскольку статьи Янагита публиковались в малотиражных специализированных журналах, из окинавского университета к нему обратились с сетованиями по поводу того, что эти тексты малодоступны широкому окинавскому читателю. И тогда Янагита решил собрать статьи в книгу, озаглавленную «Морской путь» [Янагита, 1972, с. 215–216]. Она увидела свет в 1961 г. и завоевала огромную популярность среди непрофессионалов.

Мысль Янагита отталкивалась от следующего факта: в глубокой древности раковины каури использовались в Китае в качестве денежного эквивалента. На Окинаве такие раковины имелись, и поэтому выходцы из южного Китая добрались до Окинавы и обосновались там. Они занесли туда культуру рисосеяния – основу японской культуры и цивилизации. Однако на самой Окинаве условия для возделывания риса неблагоприятны (там мало и земли, и пресной воды, часты опустошительные тайфуны), поэтому переселенцы в поисках лучших земель добрались и до Японского архипелага. Эти-то люди и были предками современных японцев. Профессионалы требовали от Янагита каких-нибудь археологических подтверждений его теории, но он с лёгкостью парировал упрёки: окинавская культура –

южная, там всё делают из травы или дерева, а потому нет ничего удивительного в том, что требуемые артефакты попросту не сохранились.

Окинавская тема имела не только научный, но и ясный политический подтекст, без которого она не прозвучала бы с такой силой. После окончания войны Окинава находилась под управлением США, там были размещены многочисленные американские военные базы, американские военнослужащие обладали правом экстерриториальности, японцам же для посещения Окинавы требовалось специальное разрешение. В начале 1950-х годов движение за возвращение Окинавы ещё не набрало должной мощи, но тенденция к его усилению была налицо. Янагита избегал прямых политических деклараций, но говоря о том, что окинавцы и японцы – из одного корня, о том, что архипелаг Рюкю был «изначально» заселен японцами, он фактически заявлял: японцы являются разделённым народом (как немцы и корейцы), и эта ситуация должна быть разрешена.

Янагита не просто писал про Окинаву, он использовал любую возможность для популяризации своих идей. После войны он стал очень известным и признанным государством человеком, был награждён Орденом культуры, а после смерти ему была пожалована старшая степень 3-го ранга в табели придворных рангов (самый высокий ранг, когда-либо полученный учёным-гуманитарием). Связи Янагита с императорским двором были настолько прочными, что он имел возможность донести до императора Хирохито (Сёва) своё мнение по тому или иному этнологическому вопросу. Когда он посчитал нужным продемонстрировать государю слайды, которые сделали на Окинаве его последователи в 1954 г., Янагита легко договорился о таком показе. Ему хотелось лишний раз подчеркнуть, что там, на Окинаве, живут японцы, подданные государя, которые трудятся в поте лица, но жизнь их трудна и бедна, а потому требует вмешательства [Янагита, 1972, с. 182–183].

В учёном мире окинавские идеи Янагита не пользовались популярностью. Относительно «Морского пути» социальный антрополог Накамура Тэцу писал, что «южная теория» Янагита не базируется на научных фактах. К этому времени серьёзные исследователи считали, что носители рисосеяния пришли на территорию Японии вовсе не с Окинавы, а с материка – с Корейского полуострова. Они были носителями «культуры *яёй*» (III в. до н.э. – III в. н.э.), умели производить металл и специфическую керамику. Археологами было подтверждено, что культура *яёй* не затронула Окинаву, поэтому невозможно говорить о том, что рисосеяние «приплыло» на Японский архипелаг оттуда. В связи с этим нельзя считать окинавцев прародителями японцев. Теория Янагита идёт вразрез с научными данными, «она является донаучным видением, навеянным наивным сердцем». Поэтому эта теория – «стихи, литература, личный миф». Схожую оценку дал и антрополог Исида Эйитиро (1903–1968): переводить эти эссе на другие языки так же трудно, как переводить стихи [Янагита, 2011, с. 352–353, 358–359].

Тем не менее, «Морской путь» произвёл большое впечатление на широкую публику. Знаменитый писатель Оэ Кэндзабуро (лауреат Нобелевской премии по литературе 1994 г.) в 1978 г. написал хвалебное послесловие к «Пути». Окинава занимала особое место в публицистике этого антиамерикански настроенного человека, который ранее написал и про ужасы Хиросимы, и про сражение за Окинаву. И хиросимцы, и окинавцы были представлены как жертвы военной бесчеловечности, и эти трагедии делали японцев и окинавцев участниками одной и той же истории, которая объединяла их. Однако многие окинавцы, помня про довоенную дискриминацию, испытывали сомнения по поводу своей

принадлежности к японцам. Эти сомнения передавались и детям: «Когда я попытался выяснить, что ближе [окинавским] школьникам – космополитизм или национализм, мнения разделились поровну. Но и те, и другие единодушно заявили: “Нет достоверных доказательств того, что мы японцы”» [Оэ, 1987, с. 132]. В такой ситуации рассуждения Янагита о том, что окинавцы и японцы – родственники, были крайне востребованы.

Не подлежит сомнению, что Янагита оказал значительное влияние на осознание японцами и окинавцами общих корней. Сам Янагита был настолько увлечён этой идеей, что незадолго до смерти передал своё книжное собрание (около 20 тыс. названий) университету Сэйдзё с единственным условием: в университете будут усиленно заниматься изучением Окинавы. Работы Янагита внесли свою лепту в становление мощного антиамериканского движения за возвращение Окинавы, которое закончилось успехом: в 1972 г. Окинава вернулась под управление японского правительства. Охватившая японцев радость по этому поводу нашла выражение, в частности, в том, что вторая всемирная выставка, проведённая в Японии (первая состоялась в Осаке в 1970 г.), проходила на Окинаве (1972). Она была посвящена морю. Всё, что было связано с Окинавой, получало особое внимание и статус. Так, окинавские ритуальные песнопения «Оморо соси» были изданы в престижной серии «Японской мысли» («Нихон сисо тайкэй», издательство «Иванами»), куда включались произведения мыслителей, которые внесли наибольший вклад в японскую интеллектуальную историю. С точки зрения науки такое повышенное внимание было абсурдным, но вненаучные обстоятельства оказались важнее. Стоит добавить, что аналогичные «Оморо соси» произведения собственно японской традиции в упомянутую серию включены не были.

Две знаменитых книги Янагита – «Рассказы из Тоно» и «Морской путь». В первой из них Янагита говорил о диких и необузданных аборигенах – горцах северо-восточной части Японии (автор посчитал их насельниками Японского архипелага), во второй – о приплывших с Окинавы носителях рисоводческой культуры. В учёном мире обе теории признаны неверными (от первой автор отказался и сам), но это никак не сказалось на популярности Янагита среди широкой аудитории. Он писал так, как велит ему сердце, а сердце право всегда. Стандартный научный подход призывает исследователя отказаться от ассоциации с объектом изучения, дистанцироваться от него. Однако сам Янагита неизменно подчёркивал, что этнолог должен проникнуться сочувствием к своему объекту – народу. Народ ответил Янагита такой же эмпатией.

Пик популярности «Морского пути» пришёлся на 1960-е – 1970-е годы, когда проблема принадлежности Окинавы сохраняла свою остроту и актуальность: в 1960-е годы японцы боролись за возвращение Окинавы, в 1970-е – радовались ему. После спада эйфории популярность книги пошла на убыль (хотя и сегодня она переиздается достаточно часто). Тем не менее следует помнить: несмотря на то, что эта книга лишена научных оснований, её роль в истории общественной и политической мысли трудно переоценить.

С идеями Янагита можно соглашаться или нет, но не вызывает сомнения, что он по своей натуре был настоящим учёным – прежде всего потому, что никогда не утрачивал любопытства по отношению к неизведанному. Рассуждая в конце жизни о проблеме этногенеза японцев, он трезво отмечал, что в этой области остается ещё много неизведанного. А это означает, что впереди много «радости» – радости открытий [Янагита, 2016, с. 367]. Одновременно он сожалел о краткости жизни, за которую не успел прочесть все достойные книги, покорить все горы Японии. Такое жизнелюбие и любопытство даются не каждому.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток 1 / пер. Е.М. Пинус. СПб, «Шар», 1994.
- Мещеряков А.Н. Этнолог Янагита Кунио: долгий путь к признанию // Ежегодник «Япония 2017». М.: АИРО-XXI, 2017.
- Мещеряков А.Н. Янагита Кунио: характер человека и характер его науки. – История и культура Японии 11. *Orientalia et Classica*. Труды Института классического Востока и античности. Выпуск I ILXXII) / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». СПб.: «Гиперион», 2018.
- Мещеряков А.Н. Янагита Кунио и его этнология в картине мира послевоенной Японии // Вопросы философии. 2018. № 3.
- Нихон сёки. Анналы Японии / пер. Л.М. Ермаковой. СПб.: 1997. Т. 1.
- Огума Эйджи. Минсю то айкоку. Сэнго нихон-но национаридзуму то кокёсэй : [Народ и патриотизм. Послевоенный японский национализм и его общественное звучание]. Токио: «Синъёся», 2002.
- Оэ Кэндзабуро. Обращаюсь к современникам. М.: «Прогресс», 1987.
- Сая Макито. Миндзокугаку, Тайван, кокусай рэммэй. Янагита Кунио то Нитобэ Инадзо. Токио: «Коданся», 2015.
- Янагита Кунио дзэнсю : [Полное собрание сочинений Янагиты Кунио]. Токио: «Тикума сёбо», 1990.
- Янагита Кунио кайсо : [Воспоминания о Янагита Кунио]. Токио: «Тикума сёбо», 1972.
- Янагита Кунио. Кайдзё-но мити : [Морские пути]. Токио: «Иванами», 2011.
- Янагита Кунио. Кокё ситидзю нэн : [70 лет малой родине]. Токио: «Коданся», 2016.
- Brandt Kim. Kingdom of Beauty. Mingei and Politics of Folk Art in Imperial Japan. Duke University Press. Durham and London, 2007.

REFERENCES

- Brandt, Kim (2007). Kingdom of Beauty. Mingei and Politics of Folk Art in Imperial Japan. Durham and London: Duke University Press.
- Kodziki. Zapisi o deyaniyakh drevnosti. Svitok 1. Perevod E.M. Pinus (1994) [Kojiki. Records of Ancient Matters. Vol. 1. Translated by E.M.Pinus], Saint Petersburg: Shar. (In Russian).
- Makito, Saya. (2015). Minzokugaku, Taiwan, Kokusai Remmei. Yanagita Kunio to Nitobe Inazo [Ethnology, Taiwan, League of Nations. Yanagita Kunio and Nitobe Inazo], Tokyo: Kodansha. (In Japanese).
- Meshcheryakov, A.N. (2017). Etnolog Yanagita Kunio: dolgij put' k priznaniyu [Ethnologist Yanagita Kunio: long road to recognition], *Yezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan]. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2018). Yanagita Kunio: kharakter cheloveka i kharakter ego nauki [Yanagita Kunio: his character and character of his science], *Istoriya i kul'tura Yaponii 11, Orientalia et Classica, Trudy Instituta klassicheskogo Vostoka i antichnosti*, Vypusk I ILXXII. Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Saint Petersburg: «Giperion». (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2018a). Yanagita Kunio i ego etnologiya v kartine mira poslevoennoy Yaponi [Yanagita Kunio and His Ethnology in World Picture of Post War Japan], *Voprosy filosofii*, 2018, 3. (In Russian).

Nihon Shoki. Annaly Yaponii. Perevod L.M.Ermakovoj [Annals of Japan. Translated by L. Ermakova], Vol. 1, Saint Petersburg: 1997. (In Russian).

Oguma, Eiji. (2002). Minshu to aikoku. Sengo nihon-no nashionarizumu to kokyosei [The people and patriotism. Postwar Japanese nationalism and its public effect], Tokyo: Shin'yosha. (In Japanese).

Oe, Kenzaburo. (1987). Obrashchayus' k sovremennikam [Appealing to Contemporaries], Moscow: Progress. (In Russian).

Yanagita Kunio Kaiso (1972) [Recollections of Yanagita Kunio], Tokyo: Chikuma Shobo. (In Japanese).

Yanagita Kunio Zenshu (1990) [Complete Works of Yanagita Kunio], Tokyo: Chikuma Shobo. (In Japanese).

Yanagita, Kunio. (2011). Kaijo no Michi [Sea Route], Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Yanagita, Kunio. (2016). Kokyo sichiju nen [70 years of birthplace], Tokyo: Kodansha. (In Japanese).

Поступила в редакцию 27.10.2018

Received 27 October 2018

Для цитирования: Мещеряков А.Н. Этнолог Янагита Кунио об окинавском происхождении японцев // Японские исследования. 2019. №1. С. 39–50. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10003

For citation: Meshcheryakov A.N. (2019). Etnolog Yanagita Kunio ob okinavskom proiskhozhdenii yaponsev [Ethnologist Yanagita Kunio on the Okinawan origin of the Japanese], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 1: 39–50. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10003

Японские исследования. 2019. №1. С. 51–72.

Japanese Studies in Russia, 2019, 1, pp. 51–72.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10004

Экономическое значение японской «индустрии контента»

Г.Д. Паксютов

Аннотация. В данной статье рассматривается вклад в экономику Японии индустрий, производящих культурный контент. На статистических данных детально рассмотрена динамика отдельных отраслей «индустрии контента», а также приведены оценки их совокупного размера. Делается вывод, что в индустрии происходят структурные изменения, связанные с технологическими нововведениями и демографическими процессами в стране, тогда как совокупный размер «индустрии контента» остается примерно одинаковым. Также рассмотрен экспорт японского культурного контента. Отмечается, что ввиду большого размера внутренних рынков различные отрасли японской индустрии контента не испытывали необходимости активно продвигаться на внешние рынки, но вследствие текущих демографических процессов наращивание экспорта становится для них всё более важным. Дигитализация, внедрение технологических инноваций, встраивание в глобальные цепочки добавленной стоимости являются необходимыми для продвижения японского культурного экспорта на данном этапе (в качестве примера приводится сотрудничество японских анимационных студий с Netflix). В завершение рассматриваются сопутствующие эффекты японской индустрии контента. Так, экспорт культурного контента способствует привлечению в Японию иностранных туристов, которые, в свою очередь, потребляют различные товары и услуги внутри страны. Также предполагается, что концентрация в одном городе или на одной территории культурных производств приводит к возникновению «креативной среды», которая привлекает «креативных» людей и таким образом положительно влияет на экономику региона. Рассмотрены некоторые примеры «креативных городов» Японии, которые демонстрируют, что помимо сугубо экономического значения, «креативный город» улучшает жизнь населения, способствуя созданию социально инклюзивной среды. Таким образом, культурные производства обладают комплексным значением, которое трудно однозначным образом свести к численному эквиваленту. Кроме того, в наши дни черта между «креативными» и «не-креативными» индустриями стирается: многие отрасли, которые традиционно не относят к «креативным», задействуют «культурную креативность». Этот процесс также приводит к повышению значения культурных активов, сохранения и обогащения культурного наследия.

Ключевые слова: индустрия контента, креативные индустрии, культурные индустрии, Cool Japan, культурный экспорт, сопутствующие эффекты, «креативные города».

Автор: Паксютов Георгий Давидович, аспирант, ИСАА МГУ им. Ломоносова. ORCID: 0000-0001-7153-4315. E-mail: gpaksyutov@mail.ru.

Economic contribution of Japan's content industry

G.D. Paksiutov

Abstract. This article studies the economic contribution of Japan's cultural content industry. Based on statistical data, the dynamics of particular industries are considered in detail, and the evaluations of the entire content industry are presented. It is observed that structural changes take place in the industry, driven by technological progress and current demographic processes in the country, while the overall size of the content industry remains approximately the same. Japan's cultural content exports are also considered. It is noted that Japanese content producers used to be scarcely motivated to advance into foreign markets because of the large size of Japan's domestic content markets, but nowadays the demographic processes make export revenues more and more important for them. Digitalization, implementation of technical innovations, participation in global value chains – these are the essential conditions to increase Japanese cultural exports in the present era, as the example of collaboration between Japanese animation studios and Netflix demonstrates. In the final section of the article, Japan's content industry's spillover effects are considered. First, cultural exports contribute to the attraction of foreign visitors to Japan, who in turn consume various goods and services within the country. Moreover, allocation of numerous cultural productions within a particular city or a territory is supposed to contribute to the creation of a 'creative milieu', which attracts creative people and makes positive impact on the region's economy. We review some examples of Japanese 'creative cities', making a conclusion that such cities create socially inclusive environment and improve the population's well-being. Summarizing the above, cultural enterprises hold a complex significance, which is hardly reducible to a simple numerical value. Furthermore, cultural creativity becomes more and more relevant in traditionally 'non-creative' industries; this is an additional reason why cultural assets are now as important as ever.

Keywords: content industry, creative industries, cultural industries, Cool Japan, cultural exports, spillover effects, creative cities.

Author: Paksiutov Georgii D., postgraduate student, IAAS, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0001-7153-4315; E-mail: gpaksiutov@mail.ru

Введение

«Креативные индустрии», «креативный сектор экономики» – понятия, которые в наши дни получили широкое распространение как в научной литературе, так и в дискуссиях управленцев и политиков. Немаловажной причиной является замедление темпов экономического роста в развитых странах, неудовлетворительные результаты традиционной модели экономики (в частности на фоне мирового экономического кризиса 2008–2013 гг.), побуждающие к поиску новых источников экономического развития. В таких условиях отрасли, связанные с креативностью, искусствами, интеллектуальной собственностью, всё чаще называются в числе основных драйверов экономики XXI века. В исследовательской литературе можно даже встретить утверждение, что произошёл «сдвиг от фордистской индустриальной экономики к пост-фордистской информационной экономике, в которой производство вещей уступило место производству смыслов» [McGuigan, 2004, p. 9].

Подобные аргументы особенно актуальны для Японии, в которой резкий индустриальный рост послевоенных десятилетий уступил место «потерянным десятилетиям» 90-х и «нулевых» годов. Для реализации богатого потенциала японской культуры как экономического ресурса был создан ряд государственных программ и правительственных агентств (вопрос государственной поддержки креативных индустрий в Японии детально рассматривается в [Тимонина, 2017]). Возможности использования японской культуры и интеллектуальных ресурсов для стимулирования роста японской экономики рассматривались исследователями в самой Японии и за рубежом, в том числе в России.

Некоторые исследователи, однако, более осторожно относятся к перспективам «креативного сектора экономики» или «креативных индустрий». Так, в статье *Beyond the bubbles: Creative New York in boom, bust and the long run* проводится исследование роли креативных индустрий в экономике Нью-Йорка после финансового кризиса 2008 г. Автор приходит к выводу, что хотя роль креативных индустрий в экономике мегаполиса в целом увеличивается, во время кризиса они оказались ещё более уязвимыми, чем остальные отрасли экономики [Indergaard, 2013]. В опубликованном в 2014 г. исследовании экспертов GRIPS утверждается, что в большинстве индустрий японской экономики, характеризующихся как креативные, не растёт выручка и занятость, при этом авторы подвергают критике само общепринятое разделение индустрий на «креативные» и «не креативные» [Kakiuchi, Takeuchi, 2014]. В целом, рассуждая о значении и потенциале креативных индустрий, необходимо учитывать возможные риски и вызовы, иначе можно совершить управленческие просчёты – подобно тому, как восторженные ожидания перспектив интернет-бизнеса привели в начале столетия к кризису «пузыря доткомов».

В японских официальных документах, наряду с термином «креативные индустрии» («creative industries»), используется термин «индустрии контента» (content industries)¹. Этот термин представляется подходящим для того, чтобы отделить индустрии, производящие аудиовизуальную, текстовую, графическую, иную продукцию, предназначенную для конечного потребления, от таких отраслей, как НИОКР или создание программного обеспечения².

Несмотря на то, что совокупный размер индустрии контента оценить весьма трудно (причины этого, а также динамика некоторых существующих оценок её совокупного размера будут рассмотрены ниже), достаточно очевидно, что данная индустрия представляет собой существенную часть экономики страны. Так, в 2016 г. номинальный ВВП Японии был равен 538,4 трлн иен [Japan Statistical Yearbook 2019], тогда как, согласно оценке ОЭСР, «совокупные расходы домохозяйств на развлечение и культуру» в Японии в том же году составили 23,6 трлн иен [Final consumption expenditure of households], то есть около 4,4 % ВВП страны.

Также необходимо отметить, что помимо вклада в экономику страны, который составляет конечный продукт «индустрии контента», её отрасли также пользуются продукцией других индустрий. К примеру, киноиндустрия предъявляет спрос на костюмы, декорации, поддерживая производящие их отрасли, большая часть современных производств

¹ См., например, [Content Industry, 2016]. Примечательно, что термин «индустрии контента» также широко используется на правительственном уровне в республике Корея, где поддержкой национальных индустрий контента занимается КОССА – «Корейское агентство креативного контента».

² Эти индустрии тоже, как правило, относят к «креативным», однако они обладают несколько отличными характерными свойствами – так, их продукция часто используется для создания других товаров и услуг, а не для конечного потребления.

культурного контента предъявляет спрос на программное обеспечение, и т.д. Так, киноиндустрия и телевизионная индустрия обеспечивали (по данным за 2014 г.) 0,49 % ВВП страны, если учитывать только их собственный продукт, и 1,15 %, если учитывать косвенный вклад [Economic contribution of the Japanese Film and Television Industry]. Таким образом, индустрия контента играет немаловажную роль в экономике Японии, что обуславливает значимость её изучения.

В данном исследовании ставится задача: на основании эмпирического анализа японских «индустрий контента», а также опробованных в исследовательской литературе теоретических подходов выявить их экономическое значение, перспективы и вызовы для развития. Полученные результаты позволят обоснованно утверждать, действительно ли творческие индустрии являются одним из основных драйверов современной японской экономики.

Внутренние рынки японской «индустрии контента»: экономическое значение и динамика развития

Рассуждая о потенциале креативных индустрий как драйвера экономического роста, исследователи и работники специализированных компаний либо правительственных агентств зачастую приводят статистику быстрого роста в отдельных отраслях, подразумевая, что в таких индустриях возможен рост, значительно опережающий рост экономики в целом. На самом деле возможным в них является не только резкий рост, но и резкое падение, что демонстрируют данные по экономическим результатам японских индустрий контента. Рассмотрим некоторые примеры.

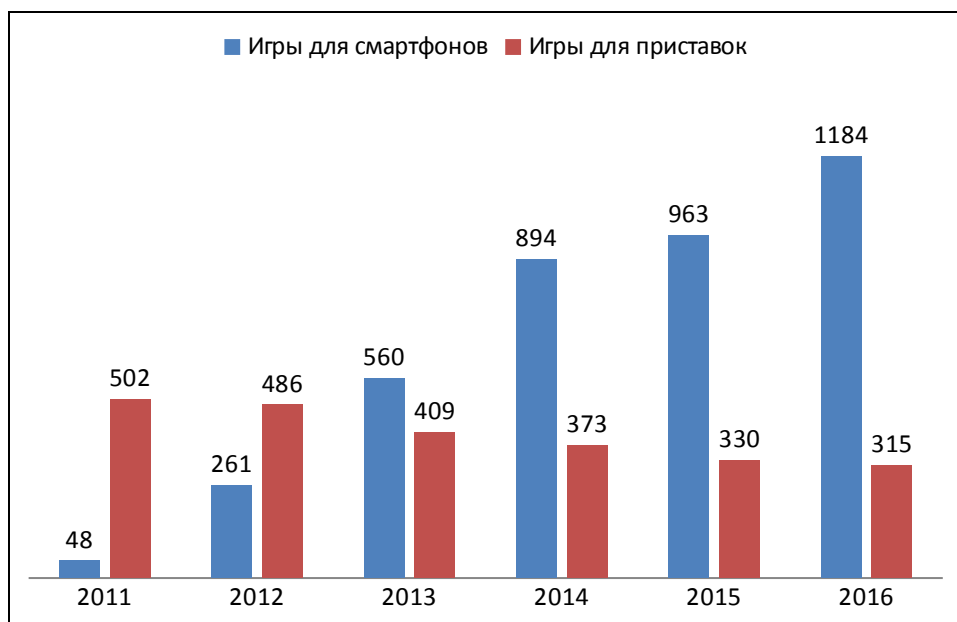


Рис. 1. Динамика рынков игр для смартфонов и для игровых приставок, 2011–2016 гг., млрд иен.

Источник: [Information Media Trends in Japan 2018].

На рис. 1 приведён график, отражающий динамику продаж на рынках игр для смартфонов и игр для игровых приставок (консолей) в 2011–2016 гг. На нём рассматриваемые рынки

действительно демонстрируют очень быстрые изменения за короткий отрезок времени, нетипичные для большинства прочих отраслей. Так, продажи на рынке игр для смартфонов за 5 лет увеличились почти в 25 раз (что, вероятно, связано с более широким распространением среди населения смартфонов и мобильного Интернета). С другой стороны, продажи игр для игровых приставок в рассматриваемый период падали ежегодно примерно на 7,5%, что неудивительно, так как игры для различных устройств являются, в определённой степени, товарами-субститутами. Подобная ситуация, когда определённые рынки отчасти конкурируют между собой и демонстрируют быструю разнонаправленную динамику, достаточно характерна для «индустрий контента».



Рис. 2. Динамика рынков музыки на физических носителях и билетов на концерты, 2000–2016 гг., млрд иен.

Источники: [Information Media Trends in Japan 2016],
[Information Media Trends in Japan 2018].

На рис. 2 приведён график, отражающий динамику продаж на рынке музыки на физических носителях (CD-диски, аудиокассеты и др.) и продаж билетов на музыкальные концерты в период с 2000 до 2016 г. Как отмечают эксперты Dentsu, продажи музыки на физических носителях (в первую очередь, CD-дисках) до сих пор составляют большую часть продаж музыки в Японии [Information Media Trends in Japan 2018, p. 22]. При этом, как можно видеть, за рассматриваемый период данные продажи снизились более, чем в три раза: с 540 до 178 млрд иен, т.е. в среднем снижались более чем на 4 % в год. Напротив, продажи билетов на концерты за этот же период увеличились почти в 4 раза. В период с 2000 до 2015 г. данный показатель рос в среднем более чем на 18 % ежегодно. Только в 2016 г. устойчивый рост продаж сменился на некоторый спад, связанный с нехваткой площадок для проведения концертов. Причиной для этой нехватки стала проводившаяся реконструкция ряда крупных концертных площадок [Information Media Trends in Japan 2018, p. 22].

Рынок продаж цифровой музыки в Японии демонстрирует очень интересную динамику.

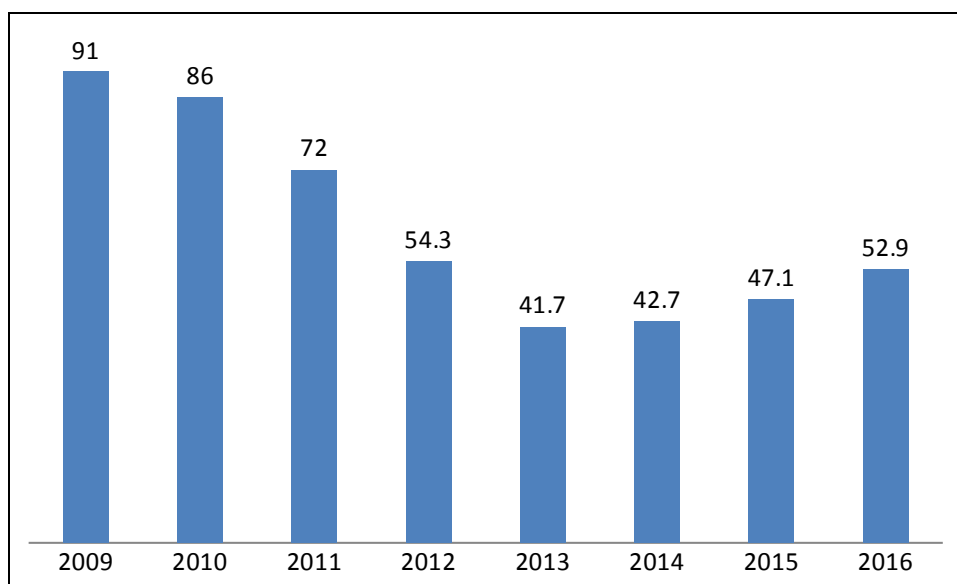


Рис. 3. Динамика продаж музыки в цифровых аудиоформатах, 2000–2016 гг., млрд иен.

Источники: [Information Media Trends in Japan 2016],
[Information Media Trends in Japan 2018].

Как можно видеть на рис. 3, продажи музыки в цифровых аудиоформатах (для мобильных телефонов, смартфонов, в виде подписок на музыкальные интернет-сервисы и т.д.) – сегмент продаж музыки, который выходит на ключевые позиции во многих странах – в Японии занимают относительно маленькую нишу. Более того, до 2013 г. этот показатель достаточно быстрыми темпами сокращался, и лишь после начал стабильно расти. Причиной этого стало резкое снижение покупок музыки, скачиваемой на «классические» мобильные телефоны. Только с 2013 г. данный процесс был компенсирован быстрым ростом покупок музыки для смартфонов [Information Media Trends in Japan 2018, p. 22]. Прочие виды приобретения цифровых аудиозаписей, например, в виде подписки на специализированные интернет-сервисы, составляют на данный момент очень маленькую долю рынка, однако этот сегмент имеет большой, пока нереализованный потенциал для роста. Так, Spotify, один из крупнейших мировых потоковых аудио-сервисов, начал предоставлять свои услуги в Японии только в 2016 г. [Information Media Trends in Japan 2017, p. 22].

Индустрии, связанные с изданием текстовой продукции, традиционно очень развитые в Японии, переживают заметный спад, что неудивительно в условиях распространения Интернета. Это характерно как для книг, так и для периодических изданий, а также для комиксов (*манга*) (рис. 4).

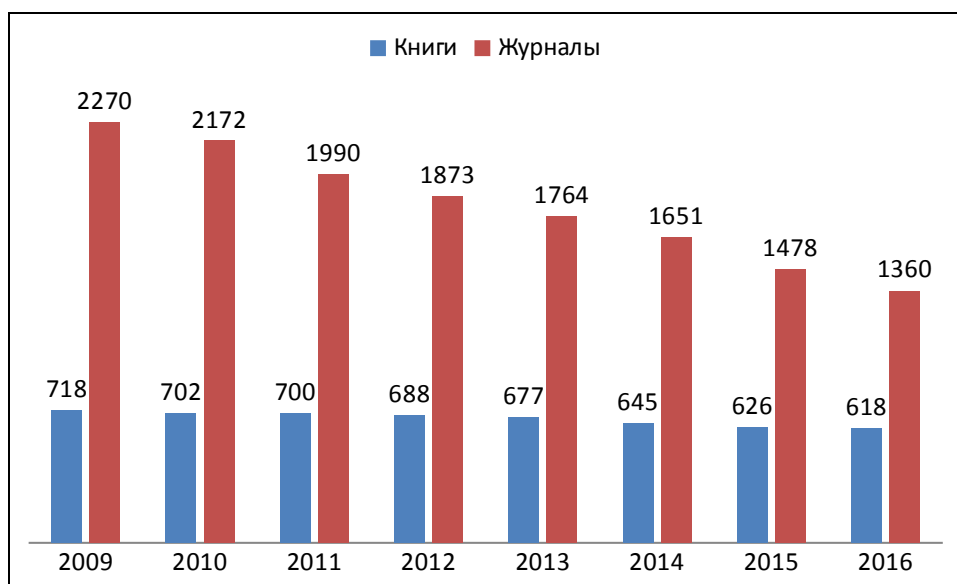


Рис. 4. Динамика продаж книг и журналов, 2009–2016 гг., млн экземпляров.

Источники: [Information Media Trends in Japan 2016], [Information Media Trends in Japan 2018].

На рис. 4 приведён график, отражающий динамику продаж книг и журналов (в млн проданных экземпляров) в Японии в 2009–2016 гг. Оба рассматриваемых показателя демонстрируют устойчивую тенденцию к снижению, однако их темпы различаются: продажи журналов в данный период снижались в среднем почти на 6 % ежегодно, тогда как продажи книг – примерно на 2 % в год. Вероятно, продажи книг снижаются медленнее, чем продажи журналов, вследствие того, что потребление контента через сеть Интернет в большей степени является субститутом именно для периодических изданий с их короткими текстами, тогда как более крупные художественные и профессиональные тексты многие люди всё ещё предпочитают потреблять в печатном виде.

Напротив, рынок текстов, продаваемых в электронном виде (для смартфонов, электронных книг и т.д.) растёт быстрыми темпами, увеличившись почти в 4 раза в период с 2011 по 2016 г. При этом он всё ещё составляет относительно небольшую часть от общих продаж книг – по состоянию на 2016 г. стоимость проданных книг и журналов была примерно в 6,5 раз больше, чем стоимость проданных в электронном виде текстов [Information Media Trends in Japan 2018, p. 13].

Рассмотрим на приведённом ниже графике динамику продаж на рынке комиксов (*манга*) в некоторые годы (с 1985 до 2016 г.) в формате специализированных журналов и отдельных томов (*танкобон*), в млрд иен (рис. 5).

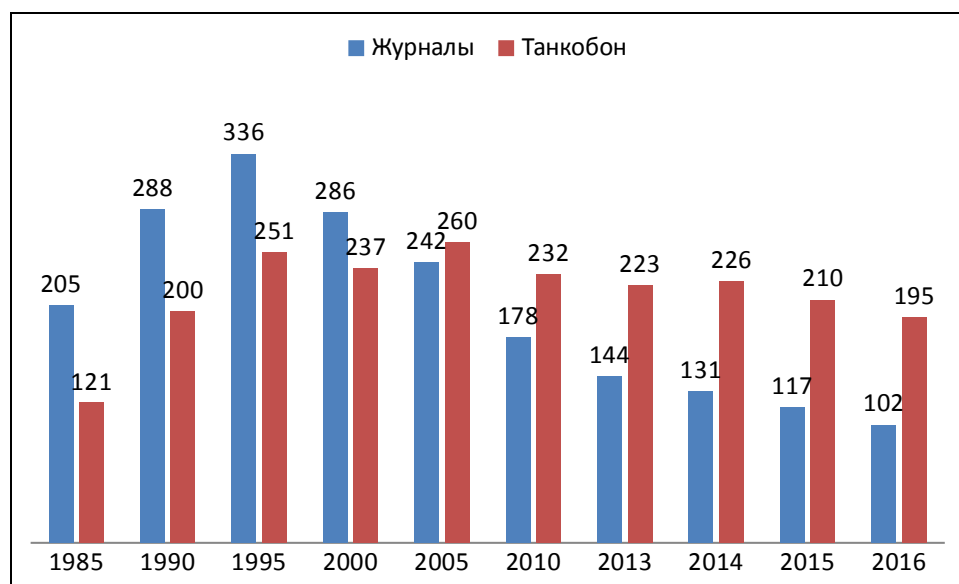


Рис. 5. Динамика продаж манга в специализированных журналах и отдельных томах (*танкобон*), 1985–2016 гг., млрд иен.

Источники: [Information Media Trends in Japan 2016], [Information Media Trends in Japan 2018].

Как можно видеть на рис. 5, совокупная выручка от продаж журналов с манга первоначально превосходила выручку от продаж манга в формате отдельных томов, однако с середины 1990-х годов данный показатель начал снижаться и за период с 1995 до 2016 г. упал примерно на 70 %. Выручка от продаж *танкобон* также снижалась, но значительно медленнее и не столь устойчиво. За рассматриваемый период этот показатель упал примерно на 22 %. Продажи *танкобон*, отдельных томов с *манга*, теперь существенно превышают продажи специализирующихся на *манга* журналов. Эта ситуация напоминает ту, которая сложилась на рассмотренном выше рынке книг и журналов: продажи книг уменьшаются не так быстро, как продажи периодических изданий. Не столь быстрое, по сравнению с журналами, падение продаж *танкобон* обусловлено тем, что этот формат позволяет не просто ознакомиться с новой *манга*, но и представляет коллекционную ценность [Hartzheim, 2015, p. 10].

Так как спад на рынке *манга* начался в период, когда смартфоны и персональный Интернет ещё не были столь распространены, причиной для него является не столько конкуренция с новыми видами развлечений, сколько процессы старения населения и сокращения рождаемости в стране. Эти процессы приводят к сокращению в обществе доли молодых людей, которые являются основной целевой аудиторией *манга*.

Падение продаж печатной *манга* заставило издателей в последние годы направить усилия на выпуск *манга* в цифровом формате, преимущественно в виде приложений для смартфонов, которые скачиваются и используются бесплатно и финансово поддерживаются рекламой. Этот формат пользуется существенной популярностью. Так, приложение «Jump+» было скачано в 2016 г. 5,5 млн раз [Information Media Trends in Japan 2016, p. 24; Information Media Trends in Japan 2017, p. 20]. Согласно информации Японской ассоциации издателей и редакторов книг и журналов (The All Japan Magazine and Book Publishers and Editors Association, AJPEA – организация, объединяющая и представляющая интересы профессионалов издательского бизнеса), рост на рынке цифровой *манга* является столь

быстрым, что совокупный рынок цифровой и печатной *манга* растёт [Нихон но сьоппан токэй].

Ситуация на внутреннем японском рынке *манга* может стать существенным уроком для правительственных агентств, занимающихся популяризацией японской культуры за рубежом. Японская популярная культура, в том числе *манга*, имеет обширную зарубежную «фанатскую базу», так что сервисы, позволяющие легально читать *манга* с помощью Интернета или приложения на смартфоне, в переводе на английский или другой родной для потребителя язык, пользовались бы большим спросом. Разработка и продвижение подобных сервисов могли бы принести Японии существенную экономическую выгоду и способствовать распространению её национальной культуры, однако в этом направлении на данный момент не предпринимается достаточных усилий.

Разумеется, не во всех отраслях «индустрии контента» наблюдается столь неоднозначная динамика, есть и такие, которые характеризуются устойчивым ростом. Одним из таких примеров можно назвать японскую индустрию кино (рис. 6).

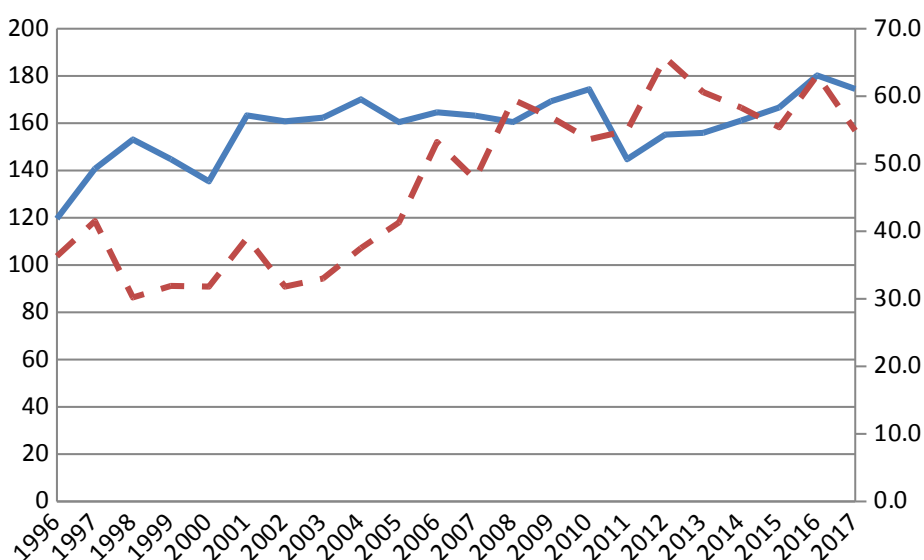


Рис. 6. Динамика посещений кинотеатров (млн)
и доли посещений японских фильмов (%), 1996–2017 гг.

Источник: [Statistics of Film Industry in Japan].

На рис. 6 приведён график, отражающий совокупную посещаемость кинотеатров в стране (млн проданных билетов, непрерывная линия) и долю рынка, приходящуюся на японские фильмы (в процентах, пунктирная линия) в период 1996–2017 гг. Как можно видеть, за двадцатилетний период (1996–2016) посещаемость кинотеатров выросла более чем наполовину (со 119,6 до 180,2 млн проданных билетов), при этом рыночная доля национальных фильмов увеличилась с 36,3 % до 63,1 %. В 2017 г. имелось некоторое снижение рассматриваемых показателей, которое можно связать с отсутствием таких хитов проката, как вышедший в 2016 г. анимационный фильм «Твоё имя», ставший самым кассовым японским фильмом всех времён [Паксютов, О японской киноиндустрии..., с. 52]. Тем не менее, показатель посещаемости японских кинотеатров в 2017 г. всё равно оказался выше, чем показатель 2015 г., что свидетельствует об устойчивости восходящего тренда.

Примечательно, что рост, наблюдающийся в японской киноиндустрии со второй половины 90-х годов, пришёл на смену продлившемуся примерно 40 лет периоду спада посещаемости кинотеатров и доли выручки национальных фильмов. Среди причин наблюдающегося подъёма в киноиндустрии можно назвать совершенствование кинопроката, кассовый успех японской анимации [Паксютов, О японской киноиндустрии..., с. 52–53].

Итак, отдельные рынки демонстрируют разнонаправленную динамику. Интересна оценка экономической динамики индустрий контента, если взять их в совокупности. Эта задача по ряду причин представляет большую сложность: ввиду некоторой размытости понятий «креативные индустрии» или «культурные индустрии» может быть спорным выбор отраслей для подсчёта, кроме того, культурная продукция обладает комплексной ценностью, которую тяжело однозначно выразить в численном виде. Рассмотрим график, отражающий оценку совокупного рынка «индустрии информационных медиа» экспертами Dentsu (рис. 7).

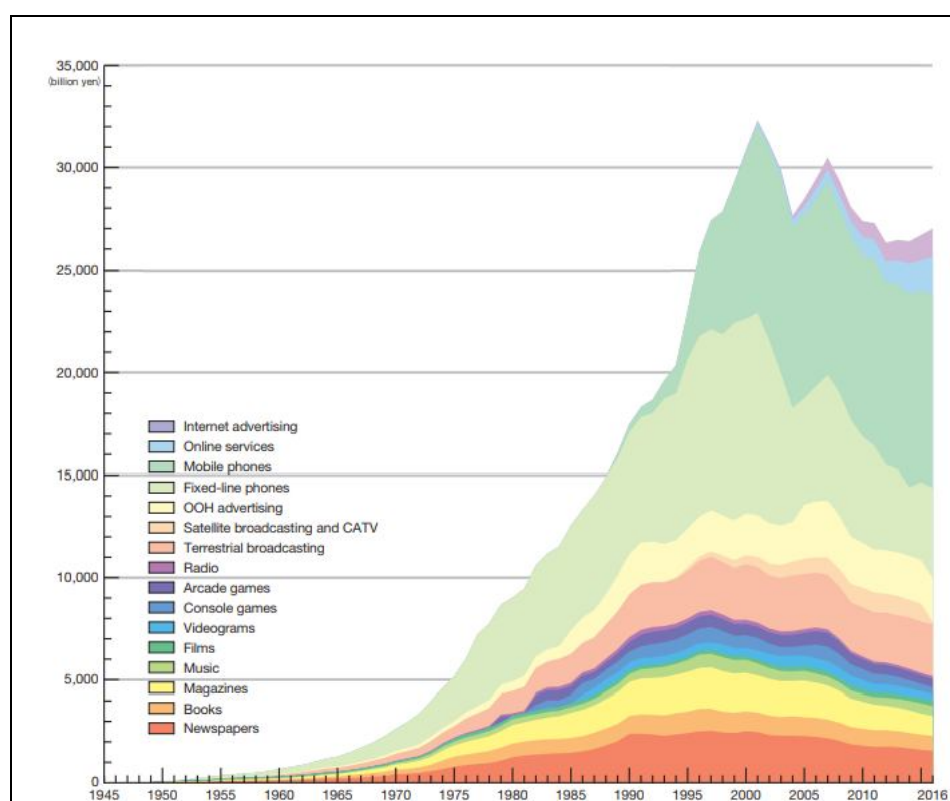


Рис. 7. Совокупный размер рынков японской «индустрии информационных медиа», 1945–2016 гг., млрд иен.

Источник: [Information Media Trends in Japan 2018].

На рис. 7 можно видеть, как совокупный размер отражённых на графике рынков быстро рос до начала 2000-х годов, после чего наметился тренд на относительно медленное понижение. Необходимо отметить, что отображённые на графике рынки включают, к примеру, продажи мобильных и домашних телефонов (на которые приходится существенная доля совокупной выручки, при этом продажи домашних телефонов в XXI веке заметно падают, приводя к снижению общей суммы), и не включены такие индустрии, обычно относящиеся к креативным, как мода, дизайн, архитектура. Включённые в график отрасли составляют существенную часть «индустрии контента», позволяя достаточно уверенно утверждать, что

этот сектор экономики не является источником быстрого экономического роста, если судить только по такому показателю, как выручка. К такому же выводу приходят и эксперты GRIPS, которые оценили совокупный размер креативных индустрий Японии в 45,2 трлн иен в 2004 г. и в 44,1 трлн иен в 2011 г., причём в подсчёт был включён достаточно стандартный перечень креативных отраслей (перечисленные выше отрасли, не входившие в расчёт Dentsu, были в нём учтены) [Kakiuchi, Takeuchi, 2014, p. 6–7]. Наконец, рассмотрим показатель «совокупных расходов домохозяйств на развлечение и культуру» в Японии по оценке Организации экономического сотрудничества и развития (рис. 8).

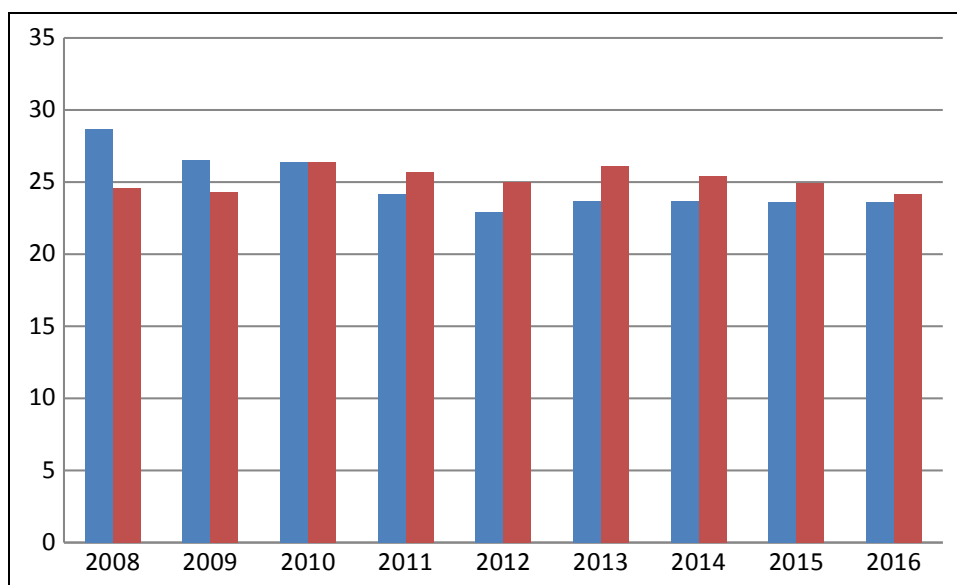


Рис. 8. Совокупные расходы домохозяйств на развлечение и культуру, 2008–2016 гг., трлн иен.

Источник: [Final consumption expenditure of households].

Если сделать поправку на изменения в покупательной способности иены, он колеблется в рассматриваемый период вокруг приблизительно одного и того же уровня в 24–25 трлн иен.

Итак, мы пришли к выводу, что рынки японской «индустрии контента» в совокупности образуют достаточно стабильный «пул», который вследствие определённых структурных изменений, технологических сдвигов перераспределяется между различными отраслями. На деле этот вывод является вполне объяснимым, ведь совокупный размер рынков индустрии контента (обозначим его как E) зависит пропорционально от совокупных доходов домохозяйств (обозначим как I) и той доли дохода, которую домохозяйства тратят на развлечения (обозначим как MPC_e):

$$E = I \times MPC_e.$$

Учитывая, что доходы японских домохозяйств при невысоких темпах роста экономики в целом меняются незначительно, а население страны не растёт (напротив, рождаемость находится ниже уровня естественного замещения, и население стареет), для существенного увеличения совокупного рынка индустрии контента необходимо было бы повышение

средней доли дохода, затрачиваемой на развлечения. На 2015 г. этот показатель в Японии составлял 10,9 %. Для сравнения: в США – 9,4 %, в Великобритании – 10,3 %, в Китае – 5,3 % [Паксютов, Китайская киноиндустрия..., с. 153]. Доля доходов, которую индивид тратит на развлечения – это показатель, зависящий от целого ряда факторов, включая доход, свободное время, возраст, уровень образования [Tseng, 2003]. Таким образом, совокупная выручка индустрии контента зависит не столько от её предложения в конкретный год (хотя на неё могут положительно повлиять наличие таких хитов, как упоминавшийся выше фильм «Твое имя»), сколько от величины предъявляемого потребителями спроса, зависящей от уровня доходов населения и его определённых демографических, социокультурных характеристик. Особенности товаров и услуг, предлагаемых в конкретный период времени индустрией развлечений, влияют преимущественно на то, каким образом этот «пул» средств, которые население готово потратить на развлечения, будет распределён между различными отраслями.

Таким образом, внутренние рынки японской «индустрии контента» в текущих социальноэкономических и демографических условиях не обладают существенным потенциалом в качестве источника экономического роста.

Экспорт продукции японской «индустрии контента» на внешние рынки

Помимо вклада в валовый продукт страны, который японская индустрия контента создаёт на национальных рынках, необходимо принимать во внимание её экспорт на рынки других стран. Экспорт национального культурного контента на внешние рынки стал в последние годы важным приоритетом для японского правительства – данные инициативы и мероприятия, преследующие как экономические, так и политические (использование потенциала японской популярной культуры в качестве инструмента «мягкой силы» страны) цели, преимущественно осуществляются в рамках стратегии Cool Japan [Тимонина, 2017, с. 100–101]. Ряд исследований, например [Otmazgin, 2008; Iwabuchi, 2015], затрагивали вопросы социокультурного и политического значения стратегии Cool Japan, однако куда меньшее внимание было уделено экономическому значению японского культурного экспорта.

Стратегия Cool Japan опирается на популярность продукции японских креативных индустрий (анимация, *манга*, кулинария, традиционные искусства и т.д.) в Европе, США, Азии [Cool Japan Strategy, p. 4]. Особенный потенциал для экспорта японского культурного контента представляют развивающиеся рынки (*emerging markets*), в том числе некоторые страны Азии, где быстро растут доходы населения [Cool Japan Strategy (modified version), p. 2]. Важной задачей для японской «индустрии контента» является реализовать экономический потенциал, который представляет популярность в этих странах японской массовой культуры, удовлетворить их растущий спрос на развлекательную продукцию.

Задача количественно оценить совокупную стоимость японского культурного контента является не менее проблематичной, чем оценить совокупный размер внутреннего рынка. Помимо трудности оценки некоторых культурных товаров и неоднозначности понятий «культурные» или «креативные» индустрии, эту задачу усугубляет сложность цепочек добавленных стоимостей в современных индустриях контента – в случае кинофильма или видеоигры, совместно произведённого несколькими странами, неочевидно, как распределить

между ними ценность произведённого продукта. Неудивительно, что встречающиеся в различных исследованиях и отчётах правительственных и международных организаций данные по международной торговле культурным контентом подчас существенно отличаются.

Рассмотрим график, отражающий статистику ЮНКТАД по японскому экспорту креативных товаров и услуг.

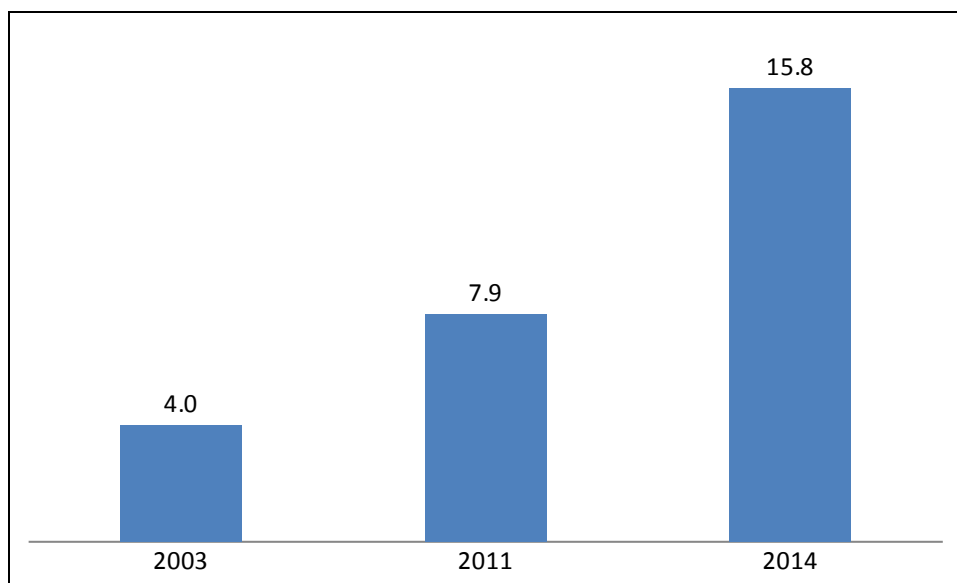


Рис. 9. Динамика японского экспорта креативных товаров и услуг по оценке ЮНКТАД, млрд долл.

Источники: [Creative Economy Outlook], [Creative Economy Outlook and Country Profiles].

Согласно данным ЮНКТАД, графическая презентация которых приведена на рис. 9, совокупный экспорт японских креативных товаров и услуг удвоился за период с 2003 до 2011 г., а затем вновь удвоился за период с 2011 до 2014. Однако более пристальное рассмотрение структуры данных в этом источнике позволяет предположить, что столь резкая динамика связана не столько с реальными темпами роста экспорта, сколько с изменением методологии расчёта. Так, данный источник включает в статистику японского экспорта креативных услуг за 2014 г. экспорт «телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг» на сумму в 1,8 млрд долл., тогда как при расчёте экспорта за предыдущие годы эта статья экспорта вообще не учитывается [Creative Economy Outlook, p. 258].

Для сравнения, согласно данным Министерства экономики, торговли и промышленности Японии (METI), опубликованным в апреле 2016 г., совокупная стоимость экспорта японской «индустрии контента» равнялась 13,8 млрд долл. [Content Industry, p. 4]. Данные этого источника представляются более релевантными для нашего исследования, так как в них учитывается именно экспорт контента (видеоигр, манга, анимации и т.д.), и не учитываются, к примеру, НИОКР и другие креативные отрасли, которые не относятся непосредственно к «индустрии контента». В источнике приводится динамика экспорта лишь по отдельным отраслям, однако можно отметить, что основными составляющими экспорта контента являются видеоигры (11 млрд долл.) и комиксы (1,5 млрд долл.) [Content Industry, p. 4]. Совокупный экспорт товаров и услуг из Японии составил в 2015 г. 773 млрд долл. [Exports of

goods and services], так что экспорт «индустрии контента» можно оценить как примерно 1,8 % совокупного экспорта страны.

Рассуждая о культурном экспорте Японии, необходимо принимать во внимание, что японские культурные индустрии долгое время были ориентированы преимущественно на внутренние рынки. Это связано, в первую очередь, с большим размером внутренних японских рынков, «обслуживание» которых позволяло не испытывать необходимости активно продвигаться на рынки других стран. Для сравнения, Южная Корея, Сингапур, Тайвань (не обладающие столь значительными внутренними рынками) более активно наращивали культурный экспорт, в том числе благодаря государственной поддержке [Kawashima, 2018, p. 27]. Однако в наши дни процессы старения населения и сокращения рождаемости в Японии будут приводить ко всё большему возрастанию значения экспорта для различных отраслей японской «индустрии контента».

Значительный потенциал для японских культурных индустрий представляет китайский рынок. Японская анимация, *манга*, видеоигры пользуются большой популярностью среди китайской молодёжи, которая предъявляет огромный спрос на развлекательный контент. По оценкам китайской консалтинговой компании iResearch, более 200 млн жителей Китая проявляют сильный интерес к так называемой 2D-культуре (комиксы, анимация, игры и т.д.) [Lee]. По ряду причин, таких, как ограничения на демонстрацию иностранного аудиовизуального контента в Китае, а также пиратство, этот потенциал пока не вполне реализован. Чтобы преодолеть эти ограничения, формируются партнёрства между японскими и китайскими компаниями, например, между крупным японским издательством Shueisha и Hangzhou FanFan Comic Group, китайским издательством, специализирующимся на комиксах. В рамках этого проекта японские комиксы адаптируются для китайского потребителя и издаются в Китае, а в Японии издаются китайские комиксы [Schilling]. В октябре 2016 г. состоялась дискуссия между профессионалами индустрии из Японии и Китая, на которой обсуждались возможности для совместного производства анимации, а также было отмечено, что потенциальный объём рынка составляет 3 млрд долл. [Moriyasu].

Как отмечалось выше, большое влияние на индустрию контента в наши дни оказывает процесс дигитализации, создания и распространения культурного контента с использованием информационных технологий, в особенности сети Интернет. Дигитализация и современные IT предоставляют большие возможности для продвижения японских культурных товаров на внешние рынки, а также для создания новых международных цепочек добавленной стоимости в данной сфере. В качестве примера можно привести сотрудничество японских анимационных студий с Netflix³. Некоторые из профинансированных Netflix проектов полностью производятся в Японии, некоторые – совместно Японией и США, с американскими сценаристами и продюсерами и созданной в Японии анимацией. По состоянию на октябрь 2017 г., Netflix имел 30 проектов анимэ – сериалов и фильмов – в разных стадиях производства [Shaw].

³ Netflix – это лидирующая компания на рынке услуг потокового вещания (streaming services). Netflix была создана в 1997 г. как фирма, занимающаяся прокатом фильмов на DVD-дисках, и приступила к оказанию услуг потокового вещания в 2007 г. [The economics of Netflix]. Клиенты Netflix ежемесячно оплачивают подписку (которая на данный момент стоит от 8 до 12 евро в месяц), что даёт им возможность просматривать выбранный контент на компьютере, телевизоре, смартфоне и т.д. По состоянию на конец 2018 г. у компании имеется около 148,5 млн подписчиков по всему миру; для сравнения, на конец 2011 г. подписчиков было 23,5 млн человек [Number of Netflix streaming subscribers worldwide 2011–2018].

Для многих японских анимационных студий сотрудничество с Netflix (и, потенциально, другими «стриминговыми» сервисами, например, Amazon Videos) является более выгодным, чем традиционное сотрудничество с японскими телекомпаниями. Netflix дублирует *анимэ* на множество языков и предлагает его своей обширной клиентской базе по всему миру, что невозможно для самих японских компаний. Благодаря этому японские анимационные студии могут получить значительно большее вознаграждение, чем при работе на внутренний рынок. Кроме того, производство японской анимации для международных мультимедиа-гигантов снимает с артистов жёсткие ограничения цензуры, характерные для японского телевизионного вещания.

Отметим также, что в самой Японии самым популярным из иностранных сервисов потокового вещания является не Netflix, а Hulu. При этом наибольшее количество пользователей в стране имеет японский потоковый сервис dTV, предоставляемый Docomo, крупнейшим в Японии оператором мобильной связи – это связывается с низкой стоимостью подписки на данный сервис [Brazor, Tsubuku].

Примеру использования современных технологий и интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости, которое демонстрирует японская анимационная индустрия, должны последовать и другие отрасли японской «индустрии контента». Распространение японского культурного контента по сети Интернет с переводом на родной язык потребителя – это наиболее перспективный способ реализации экспортного потенциала японских креативных индустрий в XXI веке.

Сопутствующий экономический эффект «индустрии контента»

Оценивая экономический потенциал креативных индустрий, необходимо принимать во внимание не только их размер и темпы роста, но и сопутствующие эффекты (*spillover effects*), сопровождающие их деятельность и позитивно влияющие на экономику в целом. Зачастую эти эффекты трудно выразить численно или в принципе отследить. К примеру, часто утверждается, что «креативная среда», которую порождает концентрация в одном месте культурных производств и мероприятий, привлекает в это место креативных людей, что в свою очередь положительно влияет на экономику [Wojan et al., 2007]. Рассмотрим подобные сопутствующие эффекты, посредством которых японская «индустрия контента» может оказывать положительное воздействие на экономику страны (и которые не отражаются в рассмотренной выше статистике по размеру и динамике рынков контента).

Распространённым в академической литературе о креативных индустриях и в японских официальных документах, связанных с инициативой Cool Japan, является нарратив о «креативных городах» (*creative cities*) или «креативной среде». Популяризатором данных представлений стал Р. Флорида, автор концепции «креативного капитала», согласно которой драйвером регионального экономического роста является «креативный класс», представители которого концентрируются в «инновационных, неоднородных и толерантных» местах проживания [Florida, 2003, p. 8]. В рамках стратегии Cool Japan предполагается создание либо поддержка японских «креативных городов», в которые должны привлекаться «человеческие ресурсы, информация и капитал»; с этой целью в данных городах должны поддерживаться «свобода самовыражения, толерантность и информационные узлы», а также деятельность инвесторов [Cool Japan Strategy, p. 20]. Результаты реализации и потенциал

этой стратегии на примере проекта «креативного города» Канадзава рассматриваются в статье [Kakiuchi, 2016]. Необходимо отметить, что автор исследования выдвигает утверждение о том, что в Японии доля креативных работников (артистов и инженеров) в населении города имеет сильную корреляцию с экономическим благополучием данного города, но это не обязательно означает, что количество таких людей повышает благосостояние городов [Kakiuchi, 2016, p. 4]. Что касается Канадзавы, её отличает сохранность традиционной городской архитектуры, наличие множества культурных институций, музеев, традиционных ремесленных производств (в традиционных ремёслах занято 6 % работающего населения Канадзавы). В 2009 г. город Канадзава получил статус креативного города ЮНЕСКО [Kakiuchi, 2016, p. 5–6]. Автор исследования пришёл к выводу, что несмотря на направленные на поддержку культурных производств правительственные инициативы, традиционные ремёсла не продемонстрировали рост с точки зрения совокупной стоимости продукта и количества рабочих мест [Kakiuchi, 2016, p. 6–7]. При этом «культурная креативность» способствовала улучшению общественного образа города, благодаря чему значительно увеличился приток туристов в Канадзаву. Опросы посетивших Канадзаву туристов показывают, что основными факторами, мотивировавшими их на посещение города, являются исторический городской пейзаж, кухня и культура [Kakiuchi, 2016, p. 7].

Тот факт, что «индустрия контента» способствует привлечению туристов, имеет большое экономическое значение для Японии. Официальные документы по стратегии Cool Japan подчёркивают необходимость привлечения иностранных любителей японского культурного контента в «туристические Мекки» и стимулирование потребления внутри страны [Cool Japan Strategy (modified version), p. 5]. Поставленная задача успешно реализуется: в 2015 г. Японию посетило рекордное количество иностранных туристов (19,7 млн человек). В 2016 г. поставленный рекорд был побит (страну посетило 24 млн иностранных туристов), а в 2017 г. рекорд был обновлён ещё раз (28,7 млн посещений иностранными туристами) [Казаков, 2016, с. 13; Number of Foreign Visitors to Japan 2008–2017]. Важным фактором, способствующим растущему притоку туристов, стал позитивный имидж Японии за рубежом, который в том числе основан на японском культурном экспорте (например, экспорте *манга* и *анимэ*) [Казаков, 2016, с. 18–19]. В период с 2010 г. Япония является лидирующей страной в мире по темпам роста показателя посещаемости страны иностранными туристами [Smith]. Однако в 2018 г. количество посещений Японии иностранными туристами, возможно, несколько снизится в связи со стихийными бедствиями, такими, как землетрясения на Хоккайдо и в Осаке [Anzai].

Помимо сугубо экономических задач, проекты «креативных городов» в Японии призваны содействовать созданию социальной инклюзивной среды, в которой все граждане включены в экономическую, социальную и культурную жизнь общества. В таких «креативных городах», как Канадзава, Иокогама, эта цель достигается посредством реализации культурных проектов местных властей совместно с некоммерческими организациями и горожанами, вовлечением в социальную жизнь женщин, обеспечением доступа горожан к культурной инфраструктуре и т.д. [Sasaki, 2010, p. 5–7; Sasaki, 2003, p. 29].

Подводя итоги исследования, можно утверждать, что в японской «индустрии контента» в последние годы происходят структурные изменения, вследствие которых отдельные её отрасли растут, а другие сокращаются, в то время как совокупный размер рынков остаётся

примерно одинаковым. При этом японский культурный контент обладает значительным экспортным потенциалом, для реализации которого осуществляется ряд правительственных инициатив (стратегия Cool Japan). Большое значение для международной конкурентоспособности японских индустрий контента имеет встраивание в новые глобальные цепочки добавленной стоимости, использование современных технологий производства и дистрибуции контента, в том числе в цифровом формате. Наконец, производящие культурный контент индустрии способствуют привлечению в страну туристов, а также, как предполагают некоторые исследователи и управленцы, должны вносить вклад в создание «креативной среды», благоприятной для экономического роста.

В завершение можно отметить, что в наши дни сложно провести границу между «креативными» и «не-креативными» отраслями. Во многих отраслях, которые традиционно не относятся к «креативным», например, в промышленности, сейчас всё больше задействуют «культурную креативность». Так, дизайн играет очень большую роль в автомобилестроении [Kakiuchi, Takeuchi, 2014, p. 17]. Отрасли культурного производства могут благоприятно взаимодействовать с прочими отраслями промышленности и сферы услуг: например, традиционные ремёсла могут стать источниками для дизайна и практических решений при создании потребительских товаров. Таким образом, культурная креативность обладает потенциалом для содействия экономическому росту и повышению качества жизни людей, для реализации которого нужна комплексная политика: сохранение культурного наследия, подготовка творческих кадров, создание взаимовыгодных связей между творческими коллективами и бизнесом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нихон но сьоппан токэй : [Статистика издательского дела в Японии] // AJPEA. URL: <https://www.ajpea.or.jp/statistics/index.html> (дата обращения: 23.01.2019).

Казаков О.И. Рекордный туризм в Японию в 2015 году на фоне отношения японцев к другим странам // Японские исследования. 2016. № 3. С. 13–24. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00019

Паксютов Г.Д. О японской киноиндустрии языком цифр // Японские исследования. 2017. №2. С. 46–58. DOI: 10.24411/2500-2872-2017-00011

Паксютов Г.Д. Китайская киноиндустрия: актуальные тенденции развития и социально-экономическое значение // Проблемы Дальнего Востока. 2017. №6. С. 150–155.

Тимонина И.Л. Креативность как экономический ресурс: опыт Японии // Япония. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2017. С. 97–116.

Anzai A. Tourist arrivals to Japan fall for first time in 6 years. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Tourist-arrivals-to-Japan-fall-for-first-time-in-6-years> (дата обращения: 29.01.2019).

Brazor P., Tsubuku M. Measuring the economics behind a shift to streaming // The Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/03/11/business/measuring-economics-behind-shift-streaming/> (дата обращения: 25.01.2019).

Cool Japan Strategy // METI. URL: http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/pdf/120116_01a.pdf (дата обращения: 26.01.2019).

Cool Japan Strategy (modified version) // METI. URL:
http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/pdf/121016_01a.pdf
 (дата обращения: 26.01.2019).

Content Industry // METI. URL:
http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/content_industry/pdf/20160329001.pdf
 (дата обращения: 21.01.2019).

Creative economy outlook // UNCTAD. URL:
https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditcted2018d3_en.pdf (дата обращения: 25.01.2019).

Creative economy outlook and country profiles // UNCTAD. URL:
https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webditcted2016d5_en.pdf (дата обращения: 25.01.2019).

Economic contribution of the Japanese Film and Television Industry // Mitsubishi Research Institute // URL:
https://www.mpa-i.org/wp-content/uploads/2015/10/ECR2015_FinalReportEN_gr.pdf (дата обращения: 02.02.2019).

Exports of goods and services // World Bank. URL:
<https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD?locations=JP> (дата обращения 02.02.2019).

Final consumption expenditure of households // OECD. URL:
https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=SNA_TABLE5 (дата обращения: 24.01.2019).

Florida R. Cities and the creative class // City & community. 2003. №. 1. С. 3–19.

Hartzheim B.H. Training Grounds: Postwar Manga Magazines and Shueisha's Weekly Shōnen Jump // К.: Reitaku University, 2015.

Indergaard M. Beyond the bubbles: Creative New York in boom, bust and the long run // Cities. 2013. №33. С. 43–50.

Information Media Trends in Japan 2016. URL:
http://www.dentsu.com/knowledgeanddata/publications/pdf/information_media_trends_in_japan_2016.pdf (дата обращения: 19.01.2019).

Information Media Trends in Japan 2017. URL:
http://www.dentsu.com/knowledgeanddata/publications/pdf/information_media_trends_in_japan_2017.pdf (дата обращения: 20.01.2019).

Information Media Trends in Japan 2018. URL:
http://www.dentsu.com/knowledgeanddata/publications/pdf/information_media_trends_in_japan_2018.pdf (дата обращения: 19.01.2019).

Iwabuchi K. Pop-culture diplomacy in Japan: soft power, nation branding and the question of 'international cultural exchange' // International Journal of Cultural Policy. 2015. №4. С. 419–432.

Japan Statistical Yearbook 2019 // Statistics Bureau. URL:
<https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/68nenkan/index.html> (дата обращения: 02.02.2019).

Kakiuchi E. Culturally creative cities in Japan: Reality and prospects // City, Culture and Society. 2016. №2. С. 101–108.

Kakiuchi E., Takeuchi K. Creative industries: Reality and potential in Japan // Т.: National Graduate Institute for Policy Studies, 2014.

Kawashima N. 'Cool Japan' and Creative Industries: An Evaluation of Economic Policies for Popular Culture Industries in Japan // Asian Cultural Flows. S.: Springer, 2018. С. 19–36.

Lee E. China's underground anime fan culture is changing how brands market in China. URL:
<https://technode.com/2017/07/26/chinas-underground-anime-fan-culture-is-changing-how-brands-market-in-china/> (дата обращения: 27.01.2019).

- McGuigan J.* Rethinking cultural policy. L.: McGraw-Hill Education, 2004.
- Moriyasu K.* URL: <https://asia.nikkei.com/Business/China-Japan-to-team-up-in-3bn-anime-market> (дата обращения: 27.01.2019).
- Number of Foreign Visitors to Japan 2008-2017 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/654263/japan-number-foreign-visitors/> (дата обращения: 30.01.2019).
- Number of Netflix streaming subscribers worldwide 2011-2018 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/250934/quarterly-number-of-netflix-streaming-subscribers-worldwide/> (дата обращения: 28.01.2019).
- Otmazgin N.K.* Contesting soft power: Japanese popular culture in East and Southeast Asia // International Relations of the Asia-Pacific. 2008. №1. С. 73–101.
- Sasaki M.* Kanazawa: a creative and sustainable city // Policy Science. 2003. №10. С. 17–30.
- Sasaki M.* Urban regeneration through cultural creativity and social inclusion: Rethinking creative city theory through a Japanese case study // Cities. 2010. №27. С. 3–9.
- Schilling M.* TIFFCOM: China Market Propelling Anime to New Scale and Form. URL: <https://variety.com/2017/film/asia/china-propelling-japan-anime-1202599293/> (дата обращения: 27.01.2019).
- Shaw L.* URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-10-17/from-anime-to-m-a-how-netflix-plans-to-spend-8-billion-in-2018> (дата обращения: 27.01.2019).
- Smith O.* How the world's fastest growing travel destination is becoming the next overtourism battleground. URL: <https://www.telegraph.co.uk/travel/destinations/asia/japan/articles/japan-fastest-growing-travel-destination/> (дата обращения: 30.01.2019).
- Statistics of Film Industry in Japan // EIREN. URL: http://eiren.org/statistics_e/index.html (дата обращения: 22.01.2019).
- The economics of Netflix // Stephen Follows. URL: <https://stephenfollows.com/the-economics-of-netflix/> (дата обращения: 28.01.2019).
- Tseng N.* Expenditures on entertainment // Consumer Expenditure Survey Anthology. W.: Bureau of Labor Statistics, 2003. С. 73–78.
- Wojan T. R. et al.* Emoting with their feet: Bohemian attraction to creative milieu // Journal of Economic Geography. 2007. №6. С. 711–736.

REFERENCES

- Anzai A. (2018). Tourist arrivals to Japan fall for first time in 6 years, URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Tourist-arrivals-to-Japan-fall-for-first-time-in-6-years> (accessed: 29.01.2019).
- Brazor P., Tsubuku M. (2017). Measuring the economics behind a shift to streaming, *The Japan Times*, 11 March, URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/03/11/business/measuring-economics-behind-shift-streaming/> (accessed: 25.01.2019).
- Cool Japan Strategy, METI, URL: http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/pdf/120116_01a.pdf (accessed: 26.01.2019).

Cool Japan Strategy (modified version), METI, URL:
http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/pdf/121016_01a.pdf
 (accessed: 26.01.2019).

Content Industry, METI, URL:
http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/content_industry/pdf/20160329001.pdf
 (accessed: 21.01.2019).

Creative economy outlook, UNCTAD, URL:
https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditcted2018d3_en.pdf (accessed: 25.01.2019).

Creative economy outlook and country profiles, UNCTAD, URL:
https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webditcted2016d5_en.pdf (accessed: 25.01.2019).

Economic contribution of the Japanese Film and Television Industry // Mitsubishi Research Institute, URL:
https://www.mpa-i.org/wp-content/uploads/2015/10/ECR2015_FinalReportEN_gr.pdf (accessed: 2.02.2019).

Exports of goods and services, World Bank, URL:
<https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD?locations=JP> (accessed: 02.02.2019).

Final consumption expenditure of households, OECD, URL:
https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=SNA_TABLE5 (accessed: 24.01.2019).

Florida R. (2003). Cities and the creative class, *City & community*, 1: 3–19.

Hartzheim B.H. (2015). Training Grounds: Postwar Manga Magazines and Shueisha's Weekly Shōnen Jump, Kashiwa: Reitaku University.

Indergaard M. (2013). Beyond the bubbles: Creative New York in boom, bust and the long run, *Cities*, 33: 43–50.

Information Media Trends in Japan 2016, Dentsu, URL:
http://www.dentsu.com/knowledgeanddata/publications/pdf/information_media_trends_in_japan_2016.pdf (accessed: 19.01.2019).

Information Media Trends in Japan 2017, Dentsu, URL:
http://www.dentsu.com/knowledgeanddata/publications/pdf/information_media_trends_in_japan_2017.pdf (accessed: 20.01.2019).

Information Media Trends in Japan 2018, Dentsu, URL:
http://www.dentsu.com/knowledgeanddata/publications/pdf/information_media_trends_in_japan_2018.pdf (accessed: 19.01.2019).

Iwabuchi K. (2015). Pop-culture diplomacy in Japan: soft power, nation branding and the question of 'international cultural exchange', *International Journal of Cultural Policy*, 21 (4): 419–432.

Japan Statistical Yearbook 2019, Statistics Bureau, URL:
<https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/68nenkan/index.html> (accessed: 2.02.2019).

Kakiuchi E. (2016). Culturally creative cities in Japan: Reality and prospects, *City, Culture and Society*, 7 (2): 101–108.

Kakiuchi E., Takeuchi K. (2014). Creative industries: Reality and potential in Japan, Tokyo: National Graduate Institute for Policy Studies.

Kawashima N. (2018). 'Cool Japan' and Creative Industries: An Evaluation of Economic Policies for Popular Culture Industries in Japan, in *Asian Cultural Flows*, Singapore: Springer: 19–36.

Kazakov O.I. (2016). Rekordnyy turizm v Yaponiyu v 2015 godu na fone otnosheniya yapontsev k drugim stranam [The Number of Foreign Tourists in Japan in 2015 Beats all Records Regardless of the Attitude of the Japanese to Other Nations], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 3: 13–24. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00019

Lee E. (2017). China's underground anime fan culture is changing how brands market in China, URL: <https://technode.com/2017/07/26/chinas-underground-anime-fan-culture-is-changing-how-brands-market-in-china/> (accessed: 27.01.2019).

McGuigan J. (2004). Rethinking cultural policy, London: McGraw-Hill Education.

Moriyasu, K. (2016). China, Japan to team up in \$3bn anime market, URL: <https://asia.nikkei.com/Business/China-Japan-to-team-up-in-3bn-anime-market> (accessed: 27.01.2019).

Nihon no shuppan tokei [Statistics of Publishing in Japan], AJPEA, URL: <https://www.ajpea.or.jp/statistics/index.html> (accessed: 23.01.2019). (In Japanese).

Number of Foreign Visitors to Japan 2008–2017, Statista, URL: <https://www.statista.com/statistics/654263/japan-number-foreign-visitors/> (accessed: 30.01.2019).

Number of Netflix streaming subscribers worldwide 2011–2018, Statista, URL: <https://www.statista.com/statistics/250934/quarterly-number-of-netflix-streaming-subscribers-worldwide/> (accessed: 28.01.2019).

Otmazgin N.K. (2008). Contesting soft power: Japanese popular culture in East and Southeast Asia, *International Relations of the Asia-Pacific*, 8 (1): 73–101.

Paksiutov G. (2017). O yaponskoy kinoindustrii yazykom tsifr [Japanese Cinema Industry in Figures], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2: 46–58. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2017-00011

Paksiutov G. (2017). The Chinese Movie Industry: Current Trends and Socio-Economic Importance, *Far Eastern Affairs*, 6: 150–155. (In Russian).

Sasaki M. (2003). Kanazawa: a creative and sustainable city, *Policy Science*, 10: 17–30.

Sasaki M. (2010). Urban regeneration through cultural creativity and social inclusion: Rethinking creative city theory through a Japanese case study, *Cities*, 27 (1): 3–9.

Shaw, L. (2017). From Anime to M&A, How Netflix Plans to Spend \$8 Billion, URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-10-17/from-anime-to-m-a-how-netflix-plans-to-spend-8-billion-in-2018> (accessed: 27.01.2019).

Smith O. (2018). How the world's fastest growing travel destination is becoming the next overtourism battleground, URL: <https://www.telegraph.co.uk/travel/destinations/asia/japan/articles/japan-fastest-growing-travel-destination/> (accessed: 30.01.2019).

Statistics of Film Industry in Japan, EIREN, URL: http://eiren.org/statistics_e/index.html (accessed: 22.01.2019).

Schilling, M. (2017). TIFFCOM: China Market Propelling Anime to New Scale and Form, URL: <https://variety.com/2017/film/asia/china-propelling-japan-anime-1202599293/> (accessed: 27.01.2019).

The economics of Netflix, Stephen Follows, URL: <https://stephenfollows.com/the-economics-of-netflix/> (accessed: 28.01.2019).

Timonina, I.L. (2017). Creativity as Economic Resource: Japan's Experience, *Ezhegodnik Yaponiya* [*Yearbook Japan*], Moscow: AIRO-XXI: 97–116. (In Russian).

Tseng, N. (2003). Expenditures on entertainment, *Consumer Expenditure Survey Anthology*, Washington: Bureau of Labor Statistics: 73–78.

Wojan T. R. et al. (2007). Emoting with their feet: Bohemian attraction to creative milieu, *Journal of Economic Geography*, 7 (6): 711–736.

Поступила в редакцию 04.02.2019

Received 4 February 2019

Для цитирования: Паксютов Г.Д. Экономическое значение японской «индустрии контента» // Японские исследования. 2019. №1. С. 51–72. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10004

For citation: Paksiutov G.D. (2019). Ekonomicheskoye znachenije yaponskoy “industrii kontenta” [Economic contribution of Japan’s content industry], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 1: 51–72. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10004

Японские исследования. 2019. №1. С. 73–93.
Japanese Studies in Russia, 2019, 1, pp. 73–93.
DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10005

Энтомологический код японской культуры

Т.М. Гуревич, Н.Н. Изотова

Аннотация. Предметом исследования является энтомологический код японской культуры. Объектом исследования послужили «семантически нагруженные» образы насекомых и энтомосемизмы, представленные в японской фразеологии. Цели и задачи статьи определяются особым отношением японцев к насекомым и заключаются в выявлении семантического и мотивационного своеобразия японской энтомологической лексики, описании символической репрезентации образов насекомых в японской лингвокультуре. Актуальность исследования обусловлена значимостью изучения способов концептуализации представлений о мире, воплощённых в японском языке.

Методологической основой послужил лингвокультурологический анализ, в котором феномены культуры и языковые явления рассматриваются сквозь призму взаимного влияния, семантический, структурный и описательный методы.

В ходе исследования была рассмотрена семантика значимых для японской лингвокультуры образов насекомых: бабочек, стрекоз, цикад, сверчков и светлячков, выявлена их этнокультурная специфика, описана репрезентация в литературных и фольклорных источниках.

Исследование показало, что человек воспринимает мир через определённые символы, сложившиеся на протяжении веков в культуре народа. На материале мифов и символов, выступающих в роли воплощений представлений об окружающей действительности носителей японского языка, прослеживается неразрывная связь языка и культуры. Проведённый анализ позволяет заключить, что представления о насекомых широко распространены не только в японском языке, но и в культуре, о чём свидетельствует богатство и разнообразие связанных с ними литературных источников, ритуалов и верований, мифопоэтических представлений. Образы насекомых, будучи элементом культурной информации, восходят к глубинным слоям национального культурного пространства, встроены в миф и архетип, характеризуются архаичностью, смысловой и структурной самобытностью, способностью вступать во взаимодействие с современным культурным контекстом.

Авторы приходят к выводу о том, что образное мышление разных народов характеризуется семантическим и структурным своеобразием, что находит яркое отражение во фразеологической системе. Энтомосемизмы как богатый источник разного рода метафорических обозначений представляют определённую сложность при переводе, так как отражают специфические для японского народа оценки окружающего мира.

Ключевые слова: насекомые, культура, энтомосемизмы, бабочка, стрекоза, цикада, светлячок, сверчок, фразеология, символ, поэзия.

Авторы:

Гуревич Татьяна Михайловна, доктор культурологии, профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России. E-mail: tmgur@mail.ru

Изотова Надежда Николаевна, кандидат культурологии, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России. E-mail: izotova@list.ru

The entomological code of Japanese culture

T. M. Gurevich, N. N. Izotova

Abstract. The subject matter of the paper is the entomological code of Japanese culture. The object of the research are the semantically loaded images of insects and entomosemisms in Japanese phraseology. The goals and objectives of the paper derive from the special attitude of the Japanese to insects and consist in identifying the semantic and motivational peculiarities of Japanese entomological vocabulary, describing the symbolic representation of insect images in Japanese linguoculture. The relevance of the study is due to the importance of studying ways of conceptualizing ideas about the world view embodied in Japanese language.

Methodology: in the paper, the linguocultural analysis, viewing the phenomena of culture and language through the prism of mutual influence, semantic, structural, and descriptive methods were used.

The study examined the semantics of insect images significant for the Japanese linguoculture: butterflies, dragonflies, cicadas, crickets, and fireflies, revealed their ethnic-cultural specificity, described their representation in literary and folklore sources.

Conclusions: the study showed that a person perceives the world through certain symbols that have developed over the centuries in the culture. Using the material of myths and symbols, which act as embodiments of a certain way the Japanese people see objective reality, the authors reveal the inextricable link between language, culture, and cognition.

The analysis of the literary sources, rituals and beliefs, the mythopoetic ideas associated with insects, lead to the conclusion that insects are widely represented not only in Japanese language, but also in culture.

The research proves that the images of insects are an element of cultural information and an integral part of the national cultural space embedded in myth and archetype, characterized by archaism, structural and semantic peculiarities, the ability to interact with modern cultural context.

The authors come to the conclusion that the imaginative thinking of different nations is characterized by semantic and structural originality, which is vividly reflected in the phraseological system. Entomosemisms, being a rich source of various kinds of metaphorical designations, presents a certain difficulty in translation, since they reflect the assessments of the surrounding world which are specific to the Japanese people.

Keywords: insects, culture, entomosemisms, butterfly, dragonfly, cicada, firefly, bell cricket, phraseology, symbol, poetry.

Authors:

Gurevich Tatyana M., Doctor in Cultural Studies, Professor of the Department of the Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the MFA of Russia. E-mail: tmgur@mail.ru

Izotova Nadezda N., PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of the Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the MFA of Russia. E-mail: izotova@list.ru

Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека [Красных, 2002, с. 232]. В японской, как и в любой культуре, вырабатывается и функционирует так называемый культурный код, который передаёт материальный и духовный опыт народа в процессе его жизнедеятельности, соотносится с древнейшими представлениями человека и в той или иной символической форме «кодирует» эти представления. Культурный код, будь то соматический, зооморфный, растительный, предметный или пищевой, описывает те или иные фрагменты картины мира.

Насекомые всегда были вовлечены в мир человека. Поэтому не вызывает удивления, что они довольно часто становятся неотъемлемой темой литературы и искусства. С ними связаны многие мифы и верования людей.

Пристальный интерес к миру насекомых обусловлен сакральным отношением к природе, архаическим мировосприятием японцев. «Японец стремится видеть прекрасное в первую очередь даже не в человеческой жизни, а в природе», – подчёркивал японский социолог Кояма Ивао [Кояма, 1972, с. 20].

На внимательное и трепетное отношение ко всем живым существам оказал влияние буддизм, проникший в Японию в середине VI века. Согласно буддийским воззрениям, доброта ко всему живому является качеством, необходимым для улучшения кармы людей в цикле перерождений. Древняя притча гласит: «Один монах построил себе глиняную хижину и решил её подпечь, дабы придать ей прочность. Будда воспротивился этому, боясь, что в огне погибнут насекомые. Хижину по его велению разобрали, чтобы не давать плохих примеров будущим поколениям» [Борейко, 2000, с. 8].

В сутре «Чула-вачче» (по другой транскрипции – «Чула-вагге»), в стихе шестом, говорится о любви Будды ко всем живым существам без исключения:

Я люблю существа, которые не имеют ног,
А также тех, у которых есть две ноги.
Тех, кто имеет четыре ноги, я тоже люблю,
Как и тех, которые имеют много ног.
[Борейко, 2000, с.10].

В различных районах Японии можно увидеть стелы и буддийские изображения, посвящённые не только животным, но и насекомым.

В городе Насу префектуры Тотиги установлена «Ступа поминовения насекомых» 螻蛄 供養塔 *окэра куё:то*: в память о насекомых, которых крестьяне ловили в качестве живого корма для соколов верховного правителя Японии сёгуна.

Во времена, когда не было химикатов и вредных насекомых собирали с растений вручную, японцы сооружали «могилы насекомых» 虫塚 *мусидзука*. Они служили для поминовения насекомых, которым, несмотря на причиненный ими вред, устраивали заупокойные службы за отобранную у них жизнь. Церемонии «изгнания насекомых» 虫追い *мусиои* когда-то проводились в каждом населённом пункте по всей стране, и люди вместе молились об избавлении от вредителей [Иси, 2017].

Любовь японцев «к малым существам, обычно пренебрегаемым людьми Запада», японский буддолог Судзуки Дайсэцу Тэйтаро объясняет тем, что «эти незначительные и презренные существа находятся в тесном взаимодействии с великой целокупностью вселенной» [Судзуки, 2003, с. 270].

Мифопоэтические представления, связанные с насекомыми, нашли яркое отражение в различных японских источниках, начиная с древнейших времен до наших дней [Мещеряков, 2008, с. 75-96; Касаи, 1997].

Образы насекомых часто фигурируют в японской литературе. В прославленных своей лаконичностью лирических пятистишьях (*танка*) и трёхстишьях (*хокку*) Басё, Исса, Бусон,

Камо Мабути, произведениях других писателей встречаются десятки наименований различных видов насекомых. Многие из них совсем не известны европейцам, словари предлагают лишь их латинские названия, поскольку в европейских языках нет слов, обозначающих этих насекомых.

Например, в романе Абэ Кобо «Женщина в песках» есть сравнения с осой, кладущей яйца, с жужелицей-разнолапкой, с личинками бабочки-мешочницы, с божьими коровками, со скорлупкой, сброшенной летней цикадой, с крылышками и полётом стрекозы [Абэ, 1988]. В тексте романа много сравнений с различными песочными жуками, для каждого из которых есть привычное для японцев название. В специальных энтомологических справочниках можно найти латинские соответствия для них – *Cicindela chinensis*, *Cicindelidae*, *Degeer* и др., но они ни о чём не говорят европейцам и не вызывают тех ассоциаций, которые возникают у японцев при упоминании конкретного насекомого.

Образы насекомых в японских литературных источниках, как правило, имеют положительную коннотацию, олицетворяют стремление к гармонии с природой, учат видеть прекрасное в обыденном.

Не гоните прочь
Овода, – он прилетел
Навестить цветы.
(Исса, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 796].

О, проснись, проснись!
Стань товарищем моим,
Спящий мотылек!
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 743].

Японские поэты показывают нам, что жизнь столь неприметных существ имеет не меньшую ценность, чем человеческая, тем самым подталкивают к мысли о сущности бытия, скоротечности нашего мирского существования перед лицом вечности.

Ой, не бейте муху!
Руки у неё дрожат...
Ноги у неё дрожат...
(Исса, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 795].

Энтомологический код культуры отражает архетипические представления, ритуалы и верования, с ним связаны яркие мифопоэтические образы, поэтому изучение семантики образов насекомых, их языкового воплощения во фразеологии будет способствовать лучшему пониманию мировосприятия носителей японского языка, «расшифровке “культурных кодов” с целью уточнения понимания культурных форм как единства “гетерогенного”» [Силантьева, Шестопал, 2017, с. 17].

Семантика образов насекомых в культуре

В «Летописи Японии» «Нихон сёки» 「日本書紀」, составленной в 720 г., упоминаются стрекозы あきつ *акицу*. Летопись повествует о том, что первый император Дзимму Тэнно «взошёл на холм Попома-но Вока в Вакигами, обозрел страну и изрёк: “Ах, какую прекрасную страну я получил! Хоть эта страна бумажной шелковицы узкая, но похожа на выгнувшуюся стрекозу”» [Нихон сёки, 1997, с. 194]. Отсюда впервые пошло название Акицу-сима «Стрекозиный остров».

В «Нихон сёки» также описывается случай, когда 21-й император Юряку Тэнно охотился в открытой степи в Ёсино. Слепень сел ему на руку и ужалил её. Внезапно с неба спикировала стрекоза и тут же улетела, проглотив слепня. Император был так доволен, что назвал область «Стрекозья равнина» あきつ野 *Акицу но*. Эти события подтвердили название Японии – «Стрекозиный остров» あきつ島 *Акицу сима*: «Твой, [о стрекоза] облик примет Страна Ямато, Акицу-сима, – Стрекозиный остров» [Нихон сёки, 1997, с. 351].

Император Дзёмэй, правивший в VII веке, также сравнивал Японию со стрекозой:

О, вот она – чудесная страна,
Заветный край мой – Акицусима!
Как крылья стрекозы, простёрты острова,
Страна Ямато – вот она!
[Манъёсю, 1971, с. 6].

Стрекозы считались приносящими удачу насекомыми-победителями 勝ち虫 *кати муси*. Их изображения часто встречаются на гербах самурайских родов, на шлемах, клинках мечей и колчанах стрел самураев, солдатских головных уборах и прочих предметах одежды.

Образ стрекозы часто фигурирует в литературе, особенно в поэзии хайку.

Всё кружится стрекоза...
Никак зацепиться не может
За стебли гибкой травы.
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 755].

Над волной ручья
Ловит, ловит стрекоза
Собственную тень.
(Тиё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 784].

Устали стрекозы
Носиться в безумной пляске ...
Ущербный месяц.
(Кикаку, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 780].

Древние представления о вечности, счастье и любви связаны у японцев с бабочками 蝶 *тё*. Они вызывают интерес благодаря метаморфозам, которые переживают в своём развитии, ассоциируются с бесконечной цепью перерождений, циклом жизни и смерти. Бабочка, по верованиям японцев, олицетворяет молодую женщину. Порхающие друг вокруг друга бабочки символизируют семейное счастье, а белая бабочка – душу умершего. Считается, что души влюблённых, покончивших жизнь самоубийством, переселяются в белых бабочек. Именно поэтому многие торжественные шествия и праздники в Японии начинаются с ритуального «танца бабочек», выражающего радость жизни [Алексеев, 2006, с. 190].

Бабочек когда-то считали душами живых людей. Если бабочка влетала в комнату для гостей и садилась за бамбуковой ширмой, это был верный знак, что человек, которого она представляет, вскоре войдёт в дом. Бабочка в доме считалась хорошей приметой, хотя всё зависело от того, какого человека она олицетворяла [Дэвис, 2008, с. 118].

В древности бабочки часто участвовали в романтических играх и развлечениях. Например, император использовал бабочек, чтобы они выбирали за него наложниц. На вечерах в императорском саду прекрасные девушки выпускали из клеток бабочек. Трепеща яркими крылышками, бабочки порхали вокруг и усаживались на самых красивых девушек, которых император щедро одаривал [Ильина, 2007, с. 251–252].

Изображение бабочки часто служило символом для родовых гербов кланов самураев – 家紋 *камон* «фамильный герб». Могущественный клан Тайра, игравший ведущую роль в Японии в эпоху Хэйан (794–1185), использовал в качестве герба стилизованное изображение бабочки-махаона 揚羽蝶 *агэхатё*: [Камон-но ю:рай].

Бабочка – первая форма *оригами*, которая когда-либо была сделана. Бабочка в технике оригами была вдохновлена стихотворением Ихара Сайкаку в 1680 г., в котором он описывает сон о бумажных бабочках: 盧齊が夢の蝶は「おりすえ」とある。 / *Росэй га юмэ-но тё: ва орисуэ то нару*. / «Бабочки в мечтах Росэй были бы оригами». Ихара обратился к самым старым в истории *оригами* базовым формам *おりすえ орисуэ* – двум бумажным бабочкам 雌蝶 *мэтё*: «женщина» и 雄蝶 *отё*: «мужчина». Этими бабочками до сих пор принято украшать бутылки с *сакэ* во время японских свадебных церемоний по синтоистскому обряду [Игараси, 2012, с. 47].

Пристрастие японцев к бабочкам отражается в изобразительном искусстве, гравюре *укиё-э*, их изображение можно увидеть на гребнях и узорах традиционных *кимоно*. Бабочка – одна из тем поэзии и прозы.

Бабочки полёт
Будит тихую поляну
В солнечном цвету.
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 742].

В зарослях сорной травы
Смотрите, какие прекрасные
Бабочки родились!
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 794].

Грузный колокол.
А на самом его краю
Дремлет бабочка.
(Бусон, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 786].

Свет зари вечерней!
На затихшей улице
Бабочки порхают.
(Кикаку, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 781].

Образ бабочки широко используется в современной массовой культуре в *анимэ* и *манга*. В анимэ-сериале «Блич» бабочки играют роль путеводителей для духов мёртвых [Bleach, 2004–2012]. В «Сейлор Мун» бабочка олицетворяет принцессу Кагуя [Pretty Soldier Sailor Moon S, 1994–1995]. В манге «Литтл баттерфляй» это символ свободы и надежды для двух молодых влюблённых, которые хотят сбежать, чтобы быть вместе [Таканага, 2001].

Светлячок 蛍 *хотару* – ещё одно почитаемое в Японии насекомое. Начиная с VIII века светлячки служили метафорой страстной любви в поэзии.

Ты отцвёл, ушёл навек...
С яшмовым копьём гонец
Мне принес об этом весть,
И как светит светлячок, –
Еле-еле, так едва
Донеслась до слуха весть,
Стала пламенем земля
Под ногами у меня,
Броситься бы мне бежать,
Но куда, не знала я...
[Манъёсю, 1971, с. 175]

Лишь вечер настаёт,
Пылаю я сильней,
Чем светлячок.
Но пламени тебе, наверное, не видно,
И оттого ты равнодушна.
(Ки-Но Томонори, перевод А. Глускиной)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 678].

Как ярко горят светлячки,
Отдыхая на ветках деревьев!
Дорожный ночлег цветов!
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 756].

Очень часто в поэзии образ светлячка использовался для описания тайной любви. Согласно поверьям, яркое свечение этих насекомых проникает в сердце и пробуждает любовные чувства. В «Повести о Гэндзи» (*Гэндзи моногатари*), которая была создана на рубеже X–XI веков придворной фрейлиной Мурасаки Сикибу, принц Хёбукё, ухаживая за девушкой, желая привлечь её внимание, прячет в её покоях изрядное количество светлячков:

Молчит светлячок
О чувствах своих, но в сердце
Яркий огонь.
И сколько не старайся,
Не сможешь его погасить.
Но девушка не ответила на чувства принца:
Молчат светлячки,
Но тайный огонь их сжигает.
Знаю – они
Чувствовать могут сильнее
Тех, кто умеет петь.
[Мурасаки].

Считалось, что молчаливое свечение любви красноречивее, чем пустая трата слов.

Не плачет навзрыд,
Но пламени молча отдавшись,
Горит светлячок, –
Наверное, так же, как я,
Любовным недугом объят...
(Таясу Мунэтакэ, перевод А. Долина)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 798].

Светлячки символизируют души умерших воинов, призрачность и быстротечность жизни.

Увы, в руке моей,
Слабея не приметно,
Погас мой светлячок.
(Кёрай, перевод В.Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 778].

Ах, не топчи траву!
Там светлячки сияли
Вчера ночной порой.
(Исса, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 793].

Дэвид Хэдленд в книге «Мифы и легенды Японии» пишет: «Говорят, что светлячки – это призраки старых воинов из кланов Минамото и Тайра. В ночь двадцатого дня четвёртой луны они сражались в великой битве на реке Удзи. В ту ночь всех пойманных и посаженных в клетки светлячков выпускают, чтобы они снова могли участвовать в битве старинных кланов, которая происходила в XII веке. Особое магическое значение светлячков усиливается ещё и потому, что эти насекомые любят кружиться вокруг ивы – дерева, внушающего суеверный страх японцам. В давние времена считалось, что светлячки могут использоваться в медицинских целях. Полагали, что мазь из светлячков нейтрализует все яды и, более того, обладает способностью изгонять злых духов и предохранять дом от нападения грабителей» [Хэдленд, 2008, с. 157].

Любоваться полётом светлячков принято в июле. Это такая же традиция, как наслаждаться цветением сакуры весной или красными листьями кленов в осенние дни.

Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья» замечает, что лучшее время суток летом – это ночь. «Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаз, когда друг мимо друга проносятся бесчисленные светлячки. Если один-два светляка тускло мерцают в темноте, всё равно это восхитительно» [Сэй, 1988, с. 25].

Образ светлячка нашёл отражение в современной массовой культуре Японии.

蛍の墓 *хотару-но хака* «Могила светлячков» – японский анимационный фильм (1988), основанный на автобиографическом романе Носака Акиюки. В нём рассказывается о судьбе двух сирот во время американской бомбардировки в конце Второй мировой войны.

蛍の光 *хотару-но хикари* «Свет светлячка», пожалуй, одна из самых популярных японских песен. Её часто поют, прощаясь друг с другом, например, на выпускных вечерах по случаю окончания учебных заведений, торжественных церемониях закрытия мероприятий, в конце года.

Японские дети очень любят песню 蛍、来い *хотару, кой* «Приходи, светлячок» [Абэ, 2017].

Светлячки обитают только около чистых водоёмов. В наши дни из-за загрязнения окружающей среды их количество сокращается, именно поэтому свечение этих насекомых символизируют «чистоту окружающей среды». Энтомолог Кониси Масаясу сильную привязанность японцев к светлячкам называет «национальным общественным феноменом», не имеющим мировых аналогов:

«Сейчас в некоторых районах Японии местные муниципальные власти и граждане защищают, восстанавливают и расширяют среду обитания светлячков. При необходимости выращивают и выпускают улиток и другой корм для светлячков.

В настоящее время одним из популярных способов времяпрепровождений у японцев стало наблюдение за процессом появления крылатых насекомых из оболочки куколки. В давние времена люди ловили их просто для развлечения, а теперь мы любим ими и изучаем их... Защищать их означает сохранять мир природы, в котором они живут...» [Кониси, 2005].

Е.С. Сычёва, исследуя символизм образов насекомых в современной японской массовой культуре, корни которой уходят в национальный фольклор, сосредоточила своё внимание на бабочках 蝶 *тё:* и светлячках 蛍 *хотару*. Представления японцев об этих насекомых менялись с течением времени, но интерес к ним никогда не проходил: так, «бабочки из символа смерти стали символом хрупкости и беззащитности, сна (иллюзии) или

жизни как таковой; светляки из знака любовного томления превратились в визуальный маркер потустороннего мира» [Сычёва, 2017, с. 188].

Японцы с большой любовью относятся к цикадам 蟬 *сэми*, символу лета. В Японии живут более тридцати видов цикад, и японцы различают пение каждого вида. Чаще всего на телевидении и в *анимэ* звучит «песня» みんみん *минмин*, которая представляет собой стрекот цикад 蟬 *минмин-дзэми*. Цикада 油蟬 *абура-дзэми* (油 *абура* «масло») известна своим жужжанием. Звуки, производимые множеством цикад *абура-дзэми*, напоминают шипение масла на сковороде... Японцам известна и песня цикады 熊蟬 *кума-дзэми*, которая звучит как つくつくぼうし *цукуцуку бо:си*. В конце августа и в первых числах сентября можно услышать заунывное пение: かなかなかなかな *канаканаканакана*. Это голос цикад 日暮蟬 *хигураси-дзэми*, который возвещает о последних днях лета и начале осени [Cicadas in Japan].

Описание лета как в японской литературе, так и в письмах японцев, почти никогда не обходится без упоминания цикад. Цикады настолько ассоциируются с летом, что редко можно увидеть летнюю сцену в японском телешоу или *анимэ*, в которых не слышно, как они стрекочут [Kendall, 2014].

«Пение *минмин-дзэми* напоминает напевное чтение молитв буддийского монаха, в то время как зелёные японские цикады *сэми*, или *хигураси*, звучат как позвякивание маленьких колокольчиков. Есть примета, что засушенный жучок увеличивает запас одежды... согласно буддийскому учению, всякая жизнь священна, и, более того, буддисты верят, что из-за некоторых грехов души мужчин и женщин могут перевоплощаться в мелких насекомых» [Хэдленд, 2008, с. 155].

Мы очень часто видим обращение к образу цикады в японской поэзии, классической и современной литературе.

В «Повести о Гэндзи» есть глава, в которой читатель знакомится с тем, что одну из женщин, которая осмелилась отказать главному герою, зовут 空蟬 *Уцусэми*. Это имя можно перевести как «пустая скорлупка цикады». Герой повести Гэндзи надеется застать Уцусэми в её покоях, но находит лишь её платье:

Под деревом
Сбросила платье цикада.
С тоскою гляжу
Я теперь на пустую скорлупку,
О ней вспоминая тайком.
[Мурасаки].

В японской поэзии образ цикады, символизирующий быстротечность лета, часто носит оттенок грусти.

И кто бы мог сказать,
Что жить им так недолго?
Немолчный звон цикад.
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 756].

О цикада, не плачь!
Нет любви без разлуки
Даже для звёзд в небесах.
(Исса, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 792].

Верно, эта цикада
Пеньем вся изошла?
Одна скорлупка осталась.
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 760].

Давайте сад поливать,
Пока насквозь не промокнут
Цикады и воробьи.
(Кикаку, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 781].

Некуда воду из ванны
Выплеснуть мне теперь.
Всюду поют цикады!
(Оникура, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 782].

Ловля цикад, которых нельзя купить в зоомагазинах, в отличие от 兜虫 *кабуто муси* «жуков-носорогов», 鍬形虫 *кувагата муси* «жуков-оленей», 鈴虫 *судзумуси* «сверчков», – популярное летнее хобби японских детей. Жуков-носорогов, жуков-оленей, сверчков многие дети держат в качестве домашних питомцев и даже дают им имена.

Японцы очень любят пение насекомых. «В самом деле, можно ли себе представить, что какой-нибудь герой в европейском романе станет, как Гэндзи, переносить с далёких равнин в свой сад насекомых, дабы наслаждаться их пением?» – писал французский антрополог Клод Леви-Стросс [Леви-Стросс, 2013, с. 61–62].

С давних пор в Японии наслаждаются «голосами» сверчков – звуками, которые они издают трением крылышек о рубчатую поверхность задних лапок. Поёт только самец: приподняв надкрылья, он быстро потирает ими друг о друга. Японцы считают, что «пение» сверчков звучит не хуже птичьего, по своему звучанию подобно звону колокольчика: りんりん *ринрин*.

В древней Японии сверчок считался покровителем и охранником дома. Знатные японцы держали сверчков дома в богато украшенных клетках. Домики делали из бамбука. Сверчки начинали стрекотать, как только обживались и привыкали к своим хозяевам. Стрекотали они всю ночь напролёт. В отличие от собак, которые начинают лаять, почуяв приближение постороннего, сверчки замолкают, когда кто-то чужой проникает в дом. Привыкнув к стрёкоту сверчков, хозяева, когда сверчки замолкали и наступала тишина, просыпались и встречали незваных гостей во всеоружии.

В середине эпохи Эдо (1603–1867) получила распространение торговля насекомыми, а концу XIX века в стране продавалось уже более двенадцати видов насекомых, в том числе, искусственно выведенные сверчки [Умэя].

В окрестностях Киото есть 鈴虫寺 *судзумусидэра* – «Сверчковый храм». «Знаменит он тем, что сверчки там поют круглый год, а не только поздним летом или осенью, как им то положено природой. Для круглогодичного пения их содержат при определённой температуре в пяти плексигласовых прозрачных “аквариумах”, выставленных в зале для проповедей. Толпы народа приходят туда и слушают проповедника под чудесное и неумолчное пение сверчков. И при этом имеют ещё возможность наслаждаться их видом», – так описывает храм А.М. Мещеряков [Мещеряков, 2008].

Согласно древним японским поверьям, сверчки погибают, если у них нет пары. Поэтому в храм приходят люди, чтобы помолиться об обретении счастья в любви. Желание загадывается перед небольшим каменным изваянием 地蔵様 *Дзидзо: сама*. Таких статуй множество по всей Японии, но в этом храме Дзидзо: обут в соломенные сандалии 草鞋 *варадзи*. Считается, что они нужны Дзидо:, чтобы потом прийти в дом просителя и исполнить его заветное желание [Кё:то Арасияма канко:-но тэра. Судзумусидэра].

Японские поэты и писатели обращались к образу сверчка в разные времена.

Сверчков голоса
На ограде в саду всё печальней,
Всё слабей с каждым днём.
О разлуке с осенью плачут они,
Но разве удержишь её?
[Мурасаки].

Какая грусть!
В маленькой клетке подвешен
Пленный сверчок.
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 760].

О, беспощадный рок!
Под этим славным шлемом
Теперь сверчок звенит
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 752].

Какая долгая жалоба!
О том, что кошка поймала сверчка,
Подруга его печалится.
(Кикаку, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 780].

Дремоту прогнав,
На ночное небо гляжу –
Не взошла ли луна?
У самой подушки моей
О чём-то сверчок верещит.
(Окума Котомити, перевод А. Долина)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 804].

Радость какая!
Запел долгожданный сверчок.
Ах, если б вечно
Длилась прозрачная ночь,
Не заходила луна...
(Камо Мабути, перевод А. Долина)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 797].

Сверчок чуть слышен.
Становятся всё холодней
Осенние ночи.
Чудится, голос его
Уходит всё дальше, дальше...
(Фудзивара Тосинари, перевод В. Сановича)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 711].

В различных городах Японии можно посетить музеи насекомых и послушать их концерты.

Телерадиокомпания Эн Эйч Кей так описывает подобный концерт: «На мероприятии в городе Итами префектуре Хёго было представлено около 300 насекомых восьми различных видов. В зале было выключено освещение, и на потолке появилось изображение ночного осеннего небосвода.

Вскоре начался необычный концерт, исполнителями которого были сверчки-колокольчики и сосновые сверчки. Позже к ним присоединился гигантский углокрылый кузнечик, который начал издавать сильные трели на радость присутствовавшим в зале» [NHK, 03.09.2017].

В качестве примера «выражения стереотипов японской культуры», «языковых мифов и предрассудков» В.М. Алпатов называет теорию врача отоларинголога Цунода Таданобу, согласно которой японцы воспринимают крики насекомых не левым полушарием, а правым. Соответственно, по мнению Цунода, эти крики относятся для них не к категории шумов, а к категории членораздельных языков, что позволяет ассоциировать писк насекомых со временами года [Цунода, 1978]. Впрочем, нельзя не согласиться с В.М. Алпатовым, который подчёркивает: «...японцы, многое заимствуя, любят гордиться обладанием чем-то особым, недоступным другим народам, часто это связывается с языком», исходя из априорной идеи «о превосходстве японской культуры над западной» [Алпатов, 2008, с. 48].

Энтомосемизмы в японской фразеологии

Исследователи отмечают, что «четырёхтомный академический Словарь русского языка содержит 79 названий насекомых, следовательно, лексико-семантическая группа русских энтомосемизмов состоит из 79 слов» [Корнилов, 2003, с. 28]. В неоднократно переиздававшемся с обновлениями японском толковом словаре *Кодзиэн* 広辞苑 мы видим, по самым приблизительным подсчётам, около трёхсот названий насекомых, причём семьдесят из них сопровождаются иллюстрациями [Ко:дзиэн, 2008].

При переводе часто приходится прибегать к приёму, называемому смысловым выравниванием, которое предполагает замену конкретного видового названия насекомого более общим, например, называя разные виды стрекоз просто стрекозой. Это делается и тогда, когда известно латинское название насекомых, и тогда, когда в языке перевода существует точный перевод японского зоологического термина. Смысловое содержание образа, связанное в представлении японцев именно с упомянутым в подлиннике насекомым, в таком переводе, разумеется, если не полностью, то частично теряется. Так, в случае со стрекозами, о которых довольно подробно говорилось выше, в переводе, возможно, потеряются совсем не безразличные для автора текста какие-то характеристики именно той стрекозы, о которой он упоминает. Впрочем, такое смысловое выравнивание не изменит восприятия текста европейцем, не отличающим именно эту стрекозу от других. Зачастую при переводе и вовсе приходится отказываться от образа насекомого. Так, например, фразу 東京と大阪をとんぼ返りで往復した *то:кё:-то о:сака-о томбогаэри-дэ о:фукусита* приходится переводить просто: «съездил из Токио в Осака и тут же вернулся», не сохраняя сравнение быстрого изменения вектора движения с траекторией полёта стрекозы.

В японских устойчивых словосочетаниях, пословицах и поговорках очень часто встречаются энтомосемизмы. Специальное исследование следовало бы посвятить 虫 *муси* (можно перевести и как «насекомое», и как «червячок») – главному действующему лицу многих идиом. Приведём несколько других примеров, иллюстрирующих пристальное внимание японцев к насекомым.

Похоже, что японцам известен вкус насекомых, ведь недаром они говорят 苦虫を噛み潰したよう *нигамуси-о камицубусита ё:* – «разжевать горькое насекомое», что на русский следует перевести «состроить кислую мину».

Робкого человека японцы могут сравнить с насекомым, при этом в сравнение не вкладывается отрицательного смысла, поскольку считается, что 一寸の虫にも五分の魂 *иссун-но муси-ни мо гобун-но тамаси* – «и у маленького насекомого душа составляет пятую часть от него». Впрочем, приоритет «большого/вышестоящего» у японцев, воспитанных в условиях иерархического общества, просматривается в поговорке 小の虫を殺して大の虫を助ける *сё:-но муси-о короситэ, дай-но муси-о тасукэру* «убить маленькое насекомое, спасти большое», что означает «пожертвовать малым ради большего».

Одна из японских поговорок, положительно оценивающих неговорение, тоже обращается к образу насекомого: 黙り虫が壁を透過す *дамари муси-га кабэ-о тоокасу* – «молчаливый жучок проходит сквозь стены». Тот, кто целеустремлён и настойчив, в представлении японцев похож на таракана или муравья, ленивый и болтливый – на сверчка.

Верный возлюбленный в японской лирике сравнивается со светлячком, за которым укрепился положительный образ молчуна, а несерьёзный ветренник и болтун уподобляется какому-нибудь стрекочущему насекомому, например, кузнечiku, сверчку или цикаде: 鳴く 蟬よりも鳴かぬ螢が身を焦がす *наку сэми ёри мо накану хотару ми* – о когасу «молчаливый светлячок испытывает больше страсти, чем (поющая) цикада».

Беспочвенные споры и дебаты, пустые разговоры японцы уподобляют стрекотанию цикад, звучащему одновременно с громким кваканьем лягушек – 蛙鳴蟬噪 *амэй сэнсо*: «громкое кваканье лягушек и стрекотание цикад». Это выражение по смыслу близко русскому фразеологизму «буря в стакане воды», или, если мы попытаемся сохранить образ чего-то живого – «трещат как сороки».

螢族 *хотару дзоку* «племя светлячков» – так называют людей, которые вынуждены курить на балконах. В японских городах много многоэтажных жилых домов с небольшими балконами. Издалека огонек горящей сигареты выглядит как свечение светлячка.

Словосочетание 螢雪時代 *кэйсэцу дзидай*, букв. «эра светлячка и снега» японцы заимствовали у китайцев. Целеустремлённые прилежные студенты занимаются «при свете светлячков и сиянии снега». Выражение 螢雪の功 *кэйсэцу-но ко*: означает «плоды усердного изучения».

Как говорилось выше, образ бабочки характерен для классической японской поэзии. Не обошла своим вниманием его и японская фразеология. Например, избалованные и изнеженные дети, привыкшие к тепличным условиям, «воспитаны как бабочки или цветы» – 蝶よ花よと 育てられた *тё: ё хана ё то содатэрарэта*, а об иллюзорности и призрачности жизни говорят 胡蝶の夢 *котё:-но юмэ* «жизнь подобна сну бабочки».

Японцы так же, как и русские, трудолюбивого и целеустремлённого человека сравнивают с муравьём: 千丈の堤も蟻の穴から *сэндзё:-но цуцуми-мо ари-но ана-кара* – «плотина длиною в тысячу дзё¹ разрушается от муравьиной норки». На умение этого насекомого выбраться из закрытого со всех сторон пространства намекает пословица 蟻の這い出る隙もない *ари-но хаидэру суки мо най* – «и муравей не вырвется» (букв. «нет лазейки, чтобы муравей пролез»), которую довольно часто можно встретить в повествованиях об успешных полицейских операциях.

Энтомосемизмы в паремиях могут иметь отрицательную коннотацию, выступать метафорой разных жизненных ситуаций. О неприспособленности мужчин к жизни, о том, что они могут проигрывать в сравнении с женщинами, говорит пословица: 男やもめに蛆が わき女やもめに花が咲く *отоко ямомэ-ни удзи га ваки онна ямомэ-ни хана га саку* – «у овдовевшего мужчины разводятся мухи, у овдовевшей женщины расцветают цветы».

Фразеологизм 獅子身中の虫 *сиси синтю:-но муси* «паразит в теле льва» японцы употребляют тогда же, когда русские говорят «пригреть змею на груди», «отплатить злом за добро».

О людях, сохраняющих невозмутимый вид в любой ситуации, говорят: 蛇が蚊を呑んだよう *хэби га ка-о нонда ё*: – «(выглядит) как змея, проглотившая комара».

¹ Дзё: – мера длины, равная 3,03 м.

Очень худого человека по-японски можно сопоставить даже не с целым насекомым, а с его частью: 蚊の脛のように痩せた人 *ка-но сунэ-но ё:ни ясэта хито* – «тощий, как голень комара». Комар для японцев, вероятно, является воплощением мизерности. Про минимальное количество, то есть по-русски – «кот наплакал», японцы говорят 蚊の涙ほど *ка-но намида ходо* (букв. «столько, сколько слёз у комара»).

Ситуации, в которых за одной неприятностью следует другая, японцы выражают следующим образом: 泣き面に蜂 *накицура-ни хати* – «пчелы на зарёванную морду».

Совет заниматься своими делами и не вмешиваться в чужие часто звучит по-японски 頭の上の蠅を追い *атама-но уэ-но хаэ-о оэ* «сгоняй мух со своей головы».

О бессильных угрозах японцы говорят 螻蛄の斧を振る *то:ро:-но оно-о фуру* – «потрясать топором жучка-богомолы». Здесь мы встречаемся с «разночтением» образа насекомого в языковых картинах мира русских и японцев. Если последним кажется, что жучок делает движения, похожие на взмахи топором, то русские уподобляют эти движения поклонам богомольца.

О безвольном и беспомощном человеке японцы говорят 頭の上の蠅も追われぬ *атама-но уэ-но хаэ-о оварану* – «он даже мух со своей головы согнать не может».

Восточная медведка 虻 *кэра*, вероятно, из-за того, что она издаёт какой-то очень жалобный звук, представляется японцам совершенно неплатёжеспособной: выражение 虻になった *кэра-ни натта*, букв. «стал /превратился в/ кэра» имеет значение «остаться “на бобах”», «быть без денег». Слово 虫虻 *мусикэра* – «насекомое, червячок» имеет переносное значение «ничтожество». У японцев образным сравнением для бедняка, которому даже не во что одеться, является ещё одно насекомое – безволосая личинка 裸虫 *хадакамуси*. Очевидно, что было бы неправильно переводить это японское сравнение русским «гол как сокол», поскольку русский эквивалент подразумевает определённое пренебрежение материальной составляющей бытия, удаль и молодцеватость, а в японском явно чувствуется обездоленность и незащитность.

О хорошем знании энтомологии свидетельствует японское шутовское сопоставление супружеской пары, в которой жена выше и крупнее мужа: 蚤の夫婦 – *номи-но фуфу*, букв. «блошинная пара, супруги-блохи». В России, пожалуй, только профессиональные энтомологи знают о соотношении размеров пары блох, поэтому сохранение этого забавного образа при переводе, увы, неприемлемо.

Образ может быть сохранён при переводе японской характеристики трусливого человека 蚤の心臓 – *номи-но синдзо*: – «сердце блохи».

Когда русские говорят «палить из пушки по воробьям», японцы выражаются более изощрённо, а именно: ひらみの肌を槍で殺ぐ *хирами-но хада-о яри-дэ согу* – «пронзать копьём шкуру вши». При переводе этой, как и следующей, поговорки энтомологический образ сохранить не удастся. Хорошо, что и пушки, и воробьи имеют место и в японской национальной картине мира, поэтому в данном случае при переводе возможно сохранение образности, правда, с заменой образа.

虻蜂取らず *абухати торадзу* – «не поймать ни овода, ни пчелы» соответствует русской поговорке «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь», и именно так её обычно и переводят, заменив образы насекомых на дичь [Гуревич, 2008, с. 53–55].

Заключение

Мировосприятие различных народов характеризуется национальным своеобразием, в нём проявляются специфические для данного народа оценки окружающего мира. Образы насекомых в различных лингвокультурах отличаются «семантической нагруженностью». Это свидетельствует о том, что способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти специфичен.

Цель работы заключалась в том, чтобы на примерах из художественных произведений и японской фразеологии подтвердить тезис об особом отношении японцев к насекомым. Для данной работы незначимо, когда и в каком районе Японии появилось какое-то выражение с упоминанием того или иного насекомого, авторы не ставили целью уточнение специфики употребления этих слов в разные эпохи. Нам важно было подчеркнуть сам факт пристального внимания японцев к облику и повадкам существ, зачастую просто не замечаемых представителями других культур. Приводя буквальный перевод и давая переносное значение фразеологизма, в состав которого входит энтомосемизм, мы попытались выявить генетический прототип фразеологизма, расшифровать глубинный смысл культурных явлений, что позволило узнать интересную экстралингвистическую информацию, помогло осознать концептуальное значение энтомологического кода для японской культуры.

Японская энтомологическая лексика имеет многовековую историю формирования, относится к старейшим пластам языковой картины мира, отличается богатой палитрой наименований. Семантика образов насекомых отражает архетипические представления японского народа, ритуалы и верования, связанные с его культурными традициями. Кроме того, энтомосемизмы выступают как богатый источник разного рода метафорических обозначений, в том числе и определений человека. Они могут «транслировать не только универсальные, общие для всех культур смыслы, но и когнитивный элемент семантики, который понятен только носителям японского языка» [Гуревич, Изотова, 2018, с. 28].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абэ Кобо. Женщина в песках. Чужое лицо/ пер. В. Гривнина. М.: Художественная литература, 1988. 352 с.

Алексеев В.Н. Бабочки в мифах и легендах. М.: Дрофа, 2006. 192 с.

Аллатов В.М. Япония. Язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.

Библиотека Всемирной литературы. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. 926 с.

Борейко В.Е. Постигание экологической теологии. Киевский эколого-культурный центр, 2000. URL: <http://padaread.com/?book=94661> (дата обращения: 14.01.2019).

Гуревич Т.М. Японский язык: проблема перевода зоонимов // Сопоставительная лингвистика. Типология языков. Теория перевода: материалы 3-й международной конференции. Москва–Казань, 2006–2008. М.: МГУ, 2008. С. 47–56.

Гуревич Т.М., Изотова Н.Н. Специфика зоологического кода японской культуры // Культура и цивилизация. 2018. Том 8, № 2А. С. 28–36.

Игараси Ю. Оригами-но рэкиси то хоикку кё:дзай тоситэ но оригами ни кансуру ко:сай : [Исследование истории оригами и оригами как средство обучения] // Урава ронсо:. 02.2012. №46. С. 45–68. URL: http://www.harimaya.com/o_kamon1/yurai/a_yurai/pack2/tyou.html (дата обращения: 23.01.2019). (На яп.).

Ильина Н. (сост.) Японская мифология. Энциклопедия. СПб.: Мидгард, 2007. 460 с.

Иси Х. Отношение японцев к животным // nippon.com – Информация о Японии. 13.07.2017. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/c03910/> (дата обращения: 17.02.2018).

Камон-но ю:рай. Тё:мон : [Происхождение фамильных гербов. Герб бабочка]. URL: http://www.harimaya.com/o_kamon1/yurai/a_yurai/pack2/tyou.html (дата обращения: 17.01.2019). (На яп.).

Касаи М. Муси то нихон бунка : [Насекомые и японская культура]. Тайко:ся, 1997. 171 с. (На яп.)

Кё:то Арасияма канко:-но тэра. Судзумусидэра: [Храм Судзумусидэра в туристическом районе Арасияма Киото]. URL: <http://www.suzutera.or.jp/introduction/jizou.html> (дата обращения: 01.02.2019). (На яп.)

Ко:дзиэн : [Толковый словарь японского языка Ко:дзиэн]. Иванами сётэн, року хан, 2008. 3074 с. (На яп.)

Кониси М. Японские животные и японская культура: сверчки // Ниппония. 15.03.2005. №32. URL: <https://web-japan.org/nipponia/nipponia32/ru/index.html> (дата обращения: 10.01.2019).

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

Кояма И. Нихон миндзоку но кокоро : [Душа японской нации] // Бунка руйэйгаку ко:сацу. То:кё:, 1972. С. 11–61. (На яп.)

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Леви-Стросс, Клод. Обратная сторона луны: Заметки о Японии. М.: Текст, 2013. 157 с.

Манъёсю : [Собрание мириад листьев – антология]: в 3-х томах/ пер. с японского и комментарий А.Е. Глускиной. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1971. 678 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=134382&p=1> (дата обращения: 17.01.2019).

Мещеряков А.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Издательство «Наталис», 2008. 556 с.

Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари). Книга 1. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/C/sikibu-murasaki/povestj-o-gendzi-gendzi-monogatari-kniga-1/> (дата обращения: 17.01.2019).

Нихон сёки : [Анналы Японии]: В 2 т. / пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. Т. 1. Свитки I–XVI. СПб.: Гиперион, 1997. 496 с.

Силантьева М.В., Шестопал А.В. Антропологические и ценностные основания коммуникации: теоретические и прикладные аспекты // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 1(1). С. 11–23.

Судзуки Д.Т. Дзэн и японская культура. СПб.: Наука, 2003. 522 с.

Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. М.: Художественная литература, 1988. 479 с.

Сычёва Е.С. Символизм бабочек и светляков в фольклоре и современной массовой культуре Японии // Осмысление природы в японской культуре. Российская академия

народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, 2017. С. 167–190.

Таканага Х. *Little Butterfly* : [Маленькая бабочка]. Кайо:ся (дзэн сан кэн), 2001. (На яп.).

Умэя К. Муси-о кикю бунка : [Культура, которая слышит насекомых]. URL: <https://www.jataff.jp/konchu/listen/listen.html> (дата обращения: 10.01.2019). (На яп.).

Хэдленд Дэвис. Мифы и легенды Японии. М.: Центрполиграф, 2008. 379 с.

Цунода Т. Нихондзин-но но:. Но:-но хатараки то то:дзай-но бунка : [Мозг японцев. Работа мозга, восточная и западная культура]. Тайсю:кансётэн, 1978. 388 с. (На яп.).

Abe Namiko. Why the Firefly (Hotaru) Is Important in Japan? 21.06.2017. URL: <https://www.thoughtco.com/importance-of-the-firefly-2028102> (дата обращения: 01.02.2019).

Bleach (ブリーチ, «Блич»). Автор Кубо Т., реж. Абэ Н. Токио, Studio Pierrot, 2004–2012. 366 серий. (Мультфильм)

Cicadas in Japan 日本のセミ. URL: <http://lang-8.com/odon/journals/1034412/> (дата обращения: 15.01.2019).

Kendall P. 5 facts about the special significance of cicadas in Japan : [Пять фактов об особом значении цикад в Японии]. Japan Today. Aug. 16, 2014.

NHK : [Японская вещательная корпорация]. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/ru/> (дата обращения: 03.09.2017)

Pretty Soldier Sailor Moon S (美少女戦士セーラームーン S (–スーパー) , «Сэйлор-Мун – супер-воин»). Автор оригинала Такэути Н., реж. Икухара К., автор сценария Энокидо Ё. Токио: Toei Animation, 1994–1995. 38 серий. Мультфильм.

REFERENCES

Abe, Kobo. (1988). *Zhenshchina v peskakh. Chuzhoye litso* [The Woman in the Dunes. The Face of Another], Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Abe, Namiko. (2017). Why the Firefly (Hotaru) Is Important in Japan? 21 June. URL: <https://www.thought-so.com/importance-of-the-firefly-2028102> (accessed: 1 February 2019).

Alekseyev, V. (2006). *Babochki v mifakh i legendakh* [Butterflies in Myths and Legends], Moscow: Drofa. (In Russian).

Alpatov, V. (2008). *Yaponiya. Yazyk i kul'tura* [Japan. Language and Culture], Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian).

Biblioteka Vsemirnoy literatury. Klassicheskaya poeziya Indii, Kitaya, Korei, V'yetnama, Yaponii. (1977). [Library of World Literature. Classical poetry in India, China, Korea, Vietnam, Japan], Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Bleach (2004–2012). Studio Pierrot, Tokyo.

Boreyko V. (2000). *Postizheniye ekologicheskoy teologii* [Comprehension of the ecological theology], Kiyevskiy ekologo-kul'turnyy tsentr, URL: <http://padaread.com/?book=94661> (accessed: 14 January 2019). (In Russian).

Cicadas in Japan, URL: <http://lang-8.com/odon/journals/1034412/> (accessed: 15 January 2019).

Gurevich, T. (2006–2008). *Yaponskiy yazyk: problema perevoda zoonimov* [Japanese language: the problem of translating zoonyms], in *Sopostavitel'naya lingvistika. Tipologiya yazykov*.

Teoriya perevoda: materialy 3-y mezhdunarodnoy konferentsii. Moskva–Kazan', Moscow, MGU: 47–56. (In Russian).

Gurevich, T., Izotova, N. (2018). Spetsifika zoologicheskogo koda yaponskoy kul'tury [Specificity of the zoological code of Japanese culture], *Kul'tura i tsivilizatsiya*, Vol. 8, 2A: 28–36. (In Russian).

Igarashi, Y. (2012). Origami-no rekishi to hoiku kyozaï toshite no origami ni kansuru kousai [A Study of History of Origami and Origami as Childcare Teaching Materials]. *Urava ronso*., Vol. 46: 45–68. URL: https://urawa.repo.nii.ac.jp/?action=repository_uri&item_id=351&file_id=18&file_no=1 (accessed: 23 January 2019). (In Japanese).

Il'ina, N. (2007). Yaponskaya mifologiya. Entsiklopediya. [Japanese mythology. An Encyclopedia]. St. Petersburg: Midgard. (In Russian).

Isi, Kh. (2017). Otnosheniye yapontsev k zhivotnym [Japanese Perceptions of Animals], *nippon.com – Informatsiya o Yaponii*, 13 July, URL: <https://www.nippon.com/ru/features/c03910/> (accessed: 17 February 2019). (In Russian).

Kamon-no yurai. Choumen [The origin of the family coat of arms – Butterfly]. URL: http://www.harimaya.com/o_kamon1/yurai/a_yurai/pack2/tyou.html (accessed: 17 January 2019). (In Japanese).

Kasai, M. (1997). Mushi to Nihon bunka [Insects and Japanese Culture], Taikousha. (In Japanese).

Kendall, P. (2014). 5 facts about the special significance of cicadas in Japan, *Japan Today*, 16 August.

Khedlend, D. (2008). Mify i legendy Yaponii [Myths and Legends of Japan], Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).

Kojien. (2008). Iwanami shoten, roku han. (In Japanese).

Konishi, M. (2005). Yaponskiye zhivotnyye i yaponskaya kul'tura: sverchki. [Japanese Animals and Culture: Fireflies], *Nipponiya*, 15 March, No. 32. URL: <https://web-japan.org/nipponia/nipponia32/ru/index.html> (data (accessed: 10 January 2019). (In Russian).

Kornilov, O. (2003). Yazykovyye kartiny mira kak proizvodnyye natsional'nykh mentalitetov [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities], Moscow: CheRo. (In Russian).

Koyama, I. (1972). Nihon minzoku no kokoro [Soul of the Japanese nation], *Bunka ruieigaku kousatsu*, Tokyo: 11-61. (In Japanese).

Krasnykh, V. (2002). Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lektsiy. [Ethnopsycholinguistics and linguistic cultural studies: A course of lectures], Moscow: Gnozis. (In Russian).

Kyouto Arashiyama kanko:-no tera. Suzumushidera: [Suzumusidera Temple in Arashiyama Kyoto Tourist Area], URL: <http://www.suzutera.or.jp/introduction/jizou.html> (accessed: 1 February 2019). (In Japanese).

Levi-Stross, K. (2013). Obratnaya storona lunny: Zametki o Yaponii [The Other Face of the Moon: ritings on Japanese civilization], Moscow: Tekst. (In Russian).

Man'yōshū (1971). (Sobraniye miriad list'yev) [Manyōshū: (Collection of Ten Thousand Leaves)], Moscow: Glavnaya redaktsiya Vostochnoy literatury. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=134382> (accessed: 17 January 2019). (In Russian).

Meshcheryakov, A. (2008). *Kniga yaponskikh simvolov. Kniga yaponskikh obyknoveniy* [The book of Japanese symbols. The book of Japanese customs], Moscow: Izdatel'stvo «Natalis». (In Russian).

Murasaki, S. «Povest' o Gendzi» (Gendzi-monogatari)» [The Tale of Genji], URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/S/sikibu-murasaki/povestj-o-gendzi-gendzi-monogatari-kniga-1/> (accessed: 17 January 2019). (In Russian).

Nihon sēki (Annaly Yaponii) (1997) [The Chronicles of Japan]: V 2 t. / Transl. and commentary by L. M. Ermakova and A. N. Meshcheryakov, Vol. 1, Scrolls 1-16, St. Petersburg: Giperion. (In Russian).

NHK. 3.09.2017. (In Japanese).

Pretty Soldier Sailor Moon S (美少女戦士セーラームーン S (-スーパー)). (1994–1995). Tokyo: Toei Animation.

Sey, S. (1988). *Zapiski u izgolov'ya* [The Pillow Book], Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Silant'yeva, M. and Shestopal, A. (2017). Antropologicheskiye i tsennostnyye osnovaniya kommunikatsii: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty [Communication Anthropological and Value Basics: Theoretical and Practical Aspects], *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*, № 1(1): 11–23. (In Russian).

Sudzuki, D. (2003). *Dz-en i yaponskaya kul'tura* [Zen and Japan Culture], St. Petersburg: Nauka. (In Russian).

Sycheva, E. (2017). Simvolizm babochek i svetlyakov v fol'klоре i sovremennoy massovoy kul'ture Yaponii [Symbolism of butterflies and fireflies in folklore and modern Japanese mass culture], in *Osmysleniye prirody v yaponskoy kul'ture*, Moscow: Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri prezidente Rossiyskoy Federatsii: 167–190. (In Russian).

Takanaga, H. (2001). Little Butterfly, Kaiousha (zen san ken). (In Japanese).

Tsunoda, T. (1978). *Nihonjin-no nou. No:-no hataraki to touzai-no bunka* [The Japanese Brain], Taishuukanshoten. (In Japanese).

Umeya, K. Musi-o kiku bunka [Culture to hear insects], URL: <https://www.jataff.jp/konchu/listen/listen.html> (accessed: 10 January 2019). (In Japanese).

Поступила в редакцию 06.02.2019

Received 6 February 2019

Для цитирования: Гуревич Т.М., Изотова Н.Н. Энтомологический код японской культуры // Японские исследования. 2019. №1. С. 73–93. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10005

For citation: Gurevich T.M., Izotova N.N. (2019). Entomologicheskii kod yaponskoy kul'tury [The entomological code of Japanese culture], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 1: 73–93. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10005

Японские исследования. 2019. №1. С. 94–110.

Japanese Studies in Russia, 2019, 1, pp. 94–110.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10006

Экономические и интеллектуальные ресурсы китайской диаспоры в Японии

А.В. Афонасьева

Аннотация. Китайская диаспора в Японии составляет 1,1 % мировой китайской диаспоры или 677,6 тыс. человек, если не учитывать тайваньских мигрантов. Доля китайских мигрантов (*хуацяо*) в населении Японии составляет 0,5 %, причём это самая многочисленная диаспора в стране. Различают «старую» и «новую» волны китайской миграции, в зависимости от времени прибытия в Японию. Китайские мигранты в Японии – это, как правило, выходцы из развивающихся северо-восточных и центральных районов КНР, а также экономически развитых районов дельты р. Янцзы, кольца Бохайского залива и южных приморских провинций Китая. В Японии они компактно проживают в 25 из 47 префектур, где уже создали порядка 40 сообществ и общественных организаций *хуацяо* различного профиля.

В статье дана оценка капитала *хуацяо* в Японии, который составляет порядка 22 млрд долл., что намного выше объёма накопленных прямых инвестиций КНР в Японию в 2017 г. Это позволяет говорить о значительном влиянии *хуацяо* на развитие экономического сотрудничества КНР и Японии и на развитие компаний КНР в этой стране.

Сравнительный анализ отраслевой структуры предпринимательской деятельности компаний *хуацяо* и компаний КНР в Японии показал высокую степень их интереса к промышленности и сфере услуг.

Часть компаний *хуацяо* ведёт бизнес не только в Японии, но и в других странах и регионах, представляя собой транснациональные корпорации (ТНК). Автор приводит данные по 22 ТНК *хуацяо* со штаб-квартирами в Японии, отмечая, что самыми привлекательными в плане бизнеса странами для ТНК *хуацяо* являются: КНР, США, Гонконг, Тайвань и Сингапур.

Изучен вопрос обучения и работы в Японии китайских студентов и выпускников японских вузов, которые составляют порядка 40 % иностранных студентов и выпускников в этой стране.

В заключении подчёркивается важная роль японских *хуацяо* в развитии китайско-японских торгово-экономических отношений, научно-технического сотрудничества и в реализации инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: Япония, КНР, китайская диаспора, китайские мигранты (*хуацяо*), китайские студенты, капитал, предприятия (компании).

Автор: Афонасьева Алина Владиславовна, кандидат экономических наук, учёный секретарь, ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0003-3573-287X; E-mail: alina-afonasyeva@yandex.ru

Economic and intellectual resources of overseas Chinese in Japan

A.V. Afonaseva

Abstract. The Chinese Diaspora in Japan comprises 677.6 thousand people, not counting Taiwanese migrants. This is 1,1 % of the world Chinese Diaspora, 0,5 % of Japan's population, and the largest diaspora in Japan. There are "old" and "new" waves of Chinese immigration, depending on the time of their arrival in Japan. As a rule, Chinese migrants in Japan are from the developing northeast and central regions, and the developed Yangtze River Delta, Bohai Economic Rim, as well as southern coastal regions of China. In Japan, they live compactly in 25 of 47 prefectures. They have established about 40 different communities and public organizations for Overseas Chinese (*Huaqiao*).

The article estimates the amount of the capital owned by overseas Chinese in Japan. The total value of their businesses is about \$22 billion. It is many times higher than the volume of accumulated direct investments of the PRC to Japan as of 2017. Therefore, we can talk about the significant influence of *Huaqiao* on the development of economic cooperation between China and Japan and on the development of the PRC companies in this country.

The author conducts a comparative analysis of the industry structure of companies owned by *Huaqiao* and the PRC companies in Japan and shows the formers' deep interest in manufacturing and services.

Some *Huaqiao* companies do business not only in Japan, but also in other countries and regions, and are therefore transnational corporations (TNC).

The author gives data on 22 *Huaqiao*-owned TNC headquartered in Japan. In terms of business the most attractive countries for *Huaqiao*-owned TNCs are: China, the United States, Hong Kong, Taiwan, and Singapore.

The author also considers the issue of education and work of Chinese students and graduates of Japanese universities, who make up about 40 % of foreign students and graduates in Japan.

The conclusion emphasizes the important role of Japanese *Huaqiao* in the development of Sino-Japanese trade and economic relations, scientific and technical cooperation, and in the implementation of the One Belt, One Road Initiative.

Keywords: Japan, the PRC, Overseas Chinese (*Huaqiao*), Chinese students, Chinese diaspora, Chinese migrants, capital, enterprises (companies).

Author: Afonaseva Alina V., PhD (Economics), Academic secretary, Leading researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-3573-287X; E-mail: alina-afonasyeva@yandex.ru.

Мировая китайская диаспора является одной из крупнейших и древнейших диаспор в мире. Её численность, по разным оценкам, составляет в среднем около 60 млн человек, а география проживания охватывает более 150 стран мира. Около 80 % диаспоры проживает в странах Азии, из них 75 % – в Юго-Восточной Азии и 5 % – в Северо-Восточной Азии, в том числе порядка 1,1 % – в Японии. Отметим, что в тексте данной статьи термины «китайская диаспора», «китайцы, проживающие за пределами Китая» (*хуацяо хуажэнь* – в совокупности китайские эмигранты и иностранцы китайского происхождения, сокращенно – *хуацяо*), «китайские мигранты» будут употребляться как синонимы.

Основные характеристики китайской диаспоры в Японии

В абсолютных цифрах численность китайцев в Японии, без учёта выходцев с Тайваня, по состоянию на 30 июня 2016 г. составляла 830,4 тыс. человек, или 677,6 тыс. человек, если исключить приехавших с краткосрочным визитом, а также дипломатов, государственных служащих и экспатов. Это 0,5 % всего населения Японии (табл. 1).

Следует отметить, что низкий процент иностранцев в целом характерен для Японии. Традиционно она не является миграционным государством, причём ни как донор, ни как реципиент мигрантов. Российские учёные связывают это с так называемой антимиграционной ментальностью японского общества, отторгающей иностранных мигрантов [Ковригин, 2010, с. 20]. Некоторые послабления в миграционном законодательстве в конце XX – начале XXI веков, продиктованные необходимостью поддержания высокого уровня экономического развития страны, привели к росту доли иностранных мигрантов с 0,7 % до 1,8 % японского населения за 1985–2016 гг. [Dai, Erbiao, 2014, p. 084; Портал официальной статистики Японии e-Stat], однако Япония по-прежнему остаётся мононациональным государством, негативно относящимся к иностранцам [Казаков, 2018, с. 87]. В ТОП-10 стран и регионов по числу мигрантов в Японии входят: Китай, Южная Корея, Филиппины, Вьетнам, Тайвань, Непал, Таиланд, Индонезия, Северная Корея и Индия. Наиболее крупной является китайская диаспора в Японии – 30 % всех иностранных мигрантов (табл. 1).

Таблица 1. Численность иностранцев в Японии по странам/регионам*

	Иностранцы			Без учёта дипломатов, государственных служащих, экспатов и приехавших с краткосрочным визитом		
	человек	доля, в %	в % к населению Японии	человек	доля, в %	в % к населению Японии
Всего:	2765267	100,0	2,18	2307388	100,0	1,82
Китай	830385	30,0	0,65	677571	29,4	0,53
Южная Корея	510669	18,5	0,40	456917	19,8	0,36
Филиппины	251932	9,1	0,20	237103	10,3	0,19
Вьетнам	180174	6,5	0,14	175744	7,6	0,14
Тайвань (Китай)	125184	4,5	0,10	50908	2,2	0,04
Непал	61380	2,2	0,05	60689	2,6	0,05
Таиланд	56535	2,0	0,04	46690	2,0	0,04
Индонезия	50478	1,8	0,04	39540	1,7	0,03
Северная Корея	33273	1,2	0,03	33273	1,4	0,03
Индия	31771	1,2	0,03	27592	1,2	0,02
Другие страны	633486	22,9	0,50	501361	21,7	0,39

*) Данные по состоянию на 30.06.2016.

Составлено и рассчитано по: Министерство юстиции Японии (2016): Статистика по иностранцам, находящимся в Японии (яп.). Табл. 01-1, 01-2. URL: <https://www.e-stat.go.jp/dbview?sid=0003147247>; <https://www.e-stat.go.jp/dbview?sid=0003147228> (дата обращения: 28.01.2019).

Российские и китайские исследователи различают «старую» и «новую» китайскую диаспору в Японии. Рубежом между ними является 1978 г. – время начала политики реформ и открытости в КНР. Российские учёные при этом считают, что «новая» диаспора была сформирована практически с нуля, так как после двух японско-китайских войн, гражданской войны и «культурной революции» почти не осталось представителей «старой» диаспоры, и, следовательно, в Японии не было условий для приёма «новых» китайских мигрантов [Ковригин, 2010, с. 23]. Китайские исследователи считают, что «старая» диаспора сохранила своё влияние и способствовала адаптации «новых» мигрантов к условиям японского общества. Хотя в настоящее время представители «новой» диаспоры являются экономической и интеллектуальной основой китайского сообщества в Японии, «старая» диаспора является носителем традиций [Report on development of overseas Chinese Entrepreneurs 2017, p. 83], а её представители по-прежнему возглавляют большую часть официальных китайских сообществ, которых в Японии насчитывается около 40 единиц: 15 организаций общего профиля (3 центральных и 12 территориальных), 9 землячеств, 9 профессиональных сообществ, 2 студенческие организации, и 5 организаций, оказывающих содействие развитию японско-китайского сотрудничества (рассчитано по [Портал китайских эмигрантов «Чжунго Цяован»]).

Направление деятельности и дислокация официальных китайских сообществ является дополнительным источником информации при определении основных городов и провинций КНР, из которых китайцы мигрировали в Японию, а также при изучении вопросов размещения и сфер занятости китайских мигрантов в Японии.

Китайскую диаспору в Японии в основном формируют выходцы из китайских провинций Ляонин, Хэйлунцзян, Фуцзянь, Шаньдун, Цзилинь, Цзянсу, г. Шанхай, а также с Тайваня (Китай). Эти территории являются малой родиной для более 500 тыс. китайских мигрантов в Японии; 239,8 тыс. человек из них – выходцы из трёх северо-восточных провинций КНР: Ляонин, Хэйлунцзян и Цзилинь [Zhuang, Guotu., Huang, Xinhua., Wang, Yan., 2010, p. 175]. Этот список, опираясь на информацию о китайских землячествах в Японии, можно дополнить такими городами, как Пекин и Тяньцзинь, а также провинциями Гуандун, Чжэцзян, Хайнань, Хэнань и Хунань. Таким образом, китайскую диаспору в Японии формируют выходцы из развивающихся северо-восточных и центральных районов КНР, а также экономически развитых районов дельты р. Янцзы, кольца Бохайского залива и южных приморских провинций Китая, причём пров. Гуандун, являющаяся главным донором мировой китайской диаспоры (порядка 90 % её общей численности), не является основным донором для Японии, и это можно считать одной из особенностей китайской диаспоры в этой стране, как и факт её языковой и культурной неоднородности.

В Японии китайские мигранты компактно проживают в префектурах: Токио – 157,6 тыс. человек, Канагава – 57,2 тыс., Сайтама – 53,8 тыс., Осака – 51,8 тыс., Айти – 45,4 тыс., Тиба – 42,3 тыс., Хёго – 22,4 тыс., Фукуока – 19,0 тыс., Хиросима – 13,9 тыс., Гифу – 12,9 тыс., Ибараки – 12,8 тыс. Киото – 11,9 тыс., Сидзуока – 11,3 тыс. человек [Overseas Chinese Report 2015–2016, p. 175]. Также есть информация о наличии ассоциаций *хуацяо* в регионах Сикоку, Кансай, префектурах Хоккайдо, Окинава, Хиросима, Нагасаки, Эхимэ, Фукусима, г. Иокогама (преф. Канагава); существует и так называемая Ассоциация китайских мигрантов нового поколения Западной Японии. Таким образом, можно отметить широкую географию размещения китайской диаспоры в Японии, охватывающую все регионы и, по меньшей мере, 25 из 47 префектур, и широкую географию деятельности китайских сообществ в Японии.

Вид на жительство в Японии имеют 38,3 % китайских мигрантов из КНР, из них 4 % имеют право постоянного проживания. Согласно категориям виз среди китайцев из КНР больше всего студентов – 15,6 %, стажёров – 12,6 %, специалистов в области технологий, гуманитарных знаний и международного сервиса – 9,9 %, а также членов семей японских граждан и иностранцев, длительное время находящихся в Японии, – 9,8 % (табл. 2).

Таблица 2. Китайские мигранты по категориям разрешений на пребывание в Японии*

	Китайцы (КНР)			Китайцы (Тайвань)			Китайцы (КНР и Тайвань)		
	человек	доля, %	в % к общему числу иностранцев	человек	доля, %	в % к общему числу иностранцев	человек	доля, %	в % к общему числу иностранцев
Всего	677571	100,0	29,4	50908	100,0	2,2	728479	100,0	31,6
вид на жительство									
длительное проживание	232310	34,3	32,6	20486	40,2	2,9	252796	34,7	35,4
постоянное проживание	26732	4,0	16,2	1613	3,2	1,0	28345	3,9	17,2
статус согласно категории визы									
предприниматели (бизнес и управление)	10052	1,5	50,0	704	1,4	3,5	10756	1,5	53,5
специалисты в области технологий, гуманитарных знаний, международного сервиса	67369	9,9	43,7	6484	12,7	4,2	73853	10,1	48,0
другие квалифицированные специалисты	15825	2,3	41,0	82	0,2	0,2	15907	2,2	41,2
стажёры (повышение квалификации)	85120	12,6	40,4	20	0,04	0,01	85140	11,7	40,4
студенты (учёба)	105882	15,6	41,1	8874	17,4	3,4	114756	15,8	44,5
члены семьи (граждан Японии или иностранцев, проживающих в Японии длительное время)	66614	9,8	47,5	1779	3,5	1,3	68393	9,4	48,8
супруги граждан Японии	33223	5,0	23,8	4130	8,1	3,0	37353	5,1	26,7
супруги иностранцев, длительное время проживающих в Японии	12413	1,8	41,5	215	0,4	0,7	12628	1,7	42,2
прочее	22031	3,3	5,0	6521	12,8	1,5	28552	3,9	6,5

*) Данные по состоянию на 30.06.2016.

Составлено и рассчитано по: Guoji rencai lanpishu. Zhongguo guoji yimin baogao (2018) [Blue Book of Global Talent. Annual Report on Chinese International Migration (2018)]. Wang Huiyao, Miao Lü (ch. ed.). Beijing, 2018. P. 205.

Среди китайских мигрантов с Тайваня (Китай) 43,4 % имеют вид на жительство, в том числе 3,2 % обладают правом постоянного проживания в Японии. Согласно данным по категориям виз 17,4 % китайцев являются студентами, 12,7 % – специалистами в области технологий, гуманитарных знаний и международного сервиса, 8,1 % – супругами граждан Японии, 3,5 % – членами семей граждан Японии и иностранцев, длительное время проживающих в Японии (табл. 2).

По данным табл. 2 можно также получить представление о сферах занятости некоторой части мигрантов из КНР в Японии. Так, развитием технологий, гуманитарных знаний и международного сервиса занято 9,9 % китайских мигрантов, в сфере бизнеса и управления трудится 1,5 % китайцев, что составляет 43,7 % и 50,0 % от общего числа иностранцев, занятых в этих сферах, или 48,0 % и 53,5 % если учитывать тайваньских мигрантов.

Китайские эксперты отмечают также высокий интерес *хуацяо* в Японии к работе в сфере развлечений, туризма, СМИ, финансов, недвижимости, программирования и медицины [Zhuang, Guotu., Huang, Xinhua., Wang, Yan., 2010, p. 608]. Изучив деятельность профессиональных сообществ китайских мигрантов в Японии, можно сделать вывод о том, что *хуацяо* также заняты в сфере науки и техники (ассоциации китайских докторов наук, научно-технических специалистов Японии и отдельно о. Кюсю, китайская ассоциация наук о жизни), юриспруденции (ассоциация китайских юристов), инженерии (ассоциация китайских инженеров-автомехаников), образовании (ассоциация китайских профессоров), а также в литературе и искусстве. Кроме того, в Японии действует Единая федерация профсоюзов *хуацяо* и ряд китайских ассоциаций общего профиля, призванных отстаивать законные права и интересы китайских мигрантов в японском обществе, в том числе и, как правило, при поддержке посольства КНР. Нельзя забывать и про организации, содействующие развитию японско-китайского сотрудничества, такие как совместные культурные центры, общества дружбы и торговые палаты (кроме Японско-Китайской торговой палаты, существуют и торговые палаты по стимулированию сотрудничества отдельных провинций КНР с Японией и отдельных регионов Японии с КНР, например, Японско-Чжэцзянская торговая палата и Западная Японско-Китайская торговая палата). Всё это говорит о значительном влиянии китайской диаспоры в Японии и её экономической мощи, оценить которую мы попытаемся в данной статье.

Капитал и предприятия *хуацяо* в Японии

Автору известен метод оценки капитала зарубежных китайцев в Японии, предложенный группой китайских учёных в 2010 г. Согласно этому методу, общий объём капитала зарубежных китайцев в Японии формируется из двух основных источников, назовём их условно внутренними и внешними. *Внутренними источниками* являются активы крупных, средних и малых компаний *хуацяо*, зарегистрированных в Японско-Китайской торговой палате, независимо от того, провели они IPO (*Initial Public Offering* – первичное публичное размещение акций на фондовой бирже) или нет, а также капитал малых и микропредприятий, индивидуальных предпринимателей и другой мелкий капитал. *Внешними источниками* являются прямые инвестиции в Японию из КНР, Гонконга, Тайваня и Сингапура [Zhuang, Guotu., Huang, Xinhua., Wang, Yan., 2010, p. 608]. В данной работе при оценке капитала *хуацяо* мы не будем учитывать прямые инвестиции из КНР и Тайваня в Японию, так как

считаем это государственным и частным капиталом КНР и Тайваня в Японии, а не капиталом китайской диаспоры. Инвестиции из Гонконга учитываться могут, так как многие *хуацяо* используют Гонконг как офшорную зону для размещения капитала, в то же время через Гонконг инвестируют и предприниматели КНР, и иностранные предприниматели не китайского происхождения, и долю *хуацяо* в этом объёме определить сложно. Кроме того, отсутствует официальная статистика по инвестициям из Гонконга в Японию, так что и эти инвестиции также не войдут в оценку капитала *хуацяо*. Что касается Сингапура, то китайские учёные считают, что этнические китайцы контролируют значительную часть внешней торговли и экспорта капитала этой страны, следовательно, объём прямых инвестиций из Сингапура в Японию – это практически инвестиции сингапурских китайцев в Японию. Проведённые нами ранее исследования хозяйственной деятельности *хуацяо* в Юго-Восточной Азии позволяют согласиться с этим мнением.

Итак, приступим к оценке *внутренних источников* формирования капитала *хуацяо* в Японии.

В табл. 3 приведены данные по рыночной стоимости пяти *вышедших на фондовый рынок компаний хуацяо* по состоянию на 23 февраля 2019 г., которая в сумме составила 9,2 млрд долл.

Таблица 3. Стоимость компаний зарубежных китайцев, которые провели IPO

Название	Рыночная стоимость	
	млрд иен	млрд долл.
SoftBrain	15,6	0,1
EPS Holdings Inc.	83,3	0,8
Nissin Foods Holdings Co. Ltd.	805,4	7,3
Optorun Co. Ltd.	99,0	0,9
SJ Holdings Inc.	10,1	0,1
Итого	1013,4	9,2
Покупка китайской компанией Suntech Power Holdings Co. Ltd. Японской компании MSK в 2006 г.	сумма сделки, млрд долл.	0,3
Всего	9,5	

Рассчитано и составлено по: Чжуан Готу, Хуан Синьхуа, Ван Янь., 2010, С. 609.

Материалы сайта Bloomberg по первым пяти компаниям в таблице. Электронный ресурс. URL: <https://www.bloomberg.com/quote/4779:JP>; <https://www.bloomberg.com/quote/4282:JP>; <https://www.bloomberg.com/quote/2897:JP>; <https://www.bloomberg.com/quote/6235:JP>; <https://www.bloomberg.com/quote/2315:JP> (дата обращения: 23.02.2019).

Следует отметить, что IPO удалось провести лишь немногим компаниям *хуацяо*, в 2017 г. их насчитывалось 6 единиц [Report on development of overseas Chinese Entrepreneurs 2017, p. 82], то есть, представленные в таблице данные в целом отражают объективную ситуацию. Кроме того, известен факт покупки в 2006 г. крупной японской компании MSK, которая в своё время провела IPO. Покупателем стала компания Suntech Power Holdings Co. Ltd., принадлежащая китайским мигрантам, сумма сделки составила 300 млн долл. Поскольку данные по величине активов самой компании Suntech Power Holdings Co. Ltd. отсутствуют,

будем учитывать только сумму этой сделки. То есть, общую величину активов компаний *хуацяо* в Японии, вышедших на рынок через IPO, оценим в 9,5 млрд долл. (табл. 3).

Для оценки капитала компаний *хуацяо*, которые не провели IPO, воспользуемся данными китайских учёных за 2010 г. и там, где это возможно, обновим их.

В 2017 г. в Японско-Китайской торговой палате было зарегистрировано 500 предприятий, в основном это предприятия *хуацяо*, также имелись компании КНР, Японии и других стран [Report on development of overseas Chinese Entrepreneurs 2017, p. 82]. В 2013 г. число зарегистрированных в Японско-Китайской торговой палате предприятий составляло 300, в том числе 230 компаний *хуацяо* [Official site of Japanese-Chinese Chamber of Commerce], то есть порядка 77 % от общего числа компаний – это компании *хуацяо*. Если допустить, что соотношение зарубежных китайских и прочих компаний осталось неизменным, то в 2017 г. число компаний *хуацяо* можно считать равным 390, из них данные по объёму активов известны только для 39 компаний, в 2010 г. их сумма составила 74 млн долл. Для 351 компании данные по объёму активов неизвестны, однако большинство зарубежных китайских компаний в Японии – это средние и малые предприятия. В Японии к средним и малым предприятиям относят предприятия с капиталом до 50 млн иен, или 451,5 тыс. долл. [Zhuang, Guotu., Huang, Xinhua., Wang, Yan., 2010, p. 609]. Согласно методике китайских исследователей эту цифру следует принять за среднюю величину капитала для каждой из 351 компании *хуацяо*. Таким образом, объём их капитала составляет порядка 18 млрд иен, или 161 млн долл., а объём капитала 390 компаний составляет порядка 235 млн долл., причём это весьма скромная оценка, так как существует немало компаний *хуацяо*, чей капитал превышает 100 млн иен.

При оценке капитала малых и микропредприятий, индивидуальных предпринимателей и прочего мелкого капитала *хуацяо* китайские исследователи опираются на факт занятости малых, микропредприятий и индивидуальных предпринимателей-*хуацяо* преимущественно в ресторанном бизнесе, отмечая, что в Японии работает порядка 7000 китайских ресторанов. Также известно, что в Токио в районе Икэбукуро находится более 200 китайских гостиниц и порядка 500 других малых предприятий, но для расчётов берутся только рестораны. За среднюю величину капитала для каждого из 7000 ресторанов китайские исследователи принимают величину в 10 млн иен (90,3 тыс. долл.) – это минимальная сумма капитала малых предприятий, отмеченная специалистами Японско-Китайской торговой палаты [Zhuang, Guotu., Huang, Xinhua., Wang, Yan., 2010, p. 610]. Следовательно, объём данного вида капитала оценивается в 70 млрд иен, или 632 млн долл.

Объём капитала *хуацяо* в Японии, полученный из внешних источников, которыми мы, вслед за китайскими экспертами, решили считать накопленные прямые инвестиции Сингапура в Японии в 2017 г. составил 11,2 млрд долл. [Official Site of Department of Statistics of Singapore].

Таким образом, общий объём капитала *хуацяо* в Японии составляет примерно 22 млрд долл. (табл. 4). Это весьма скромные оценки, так как для расчётов были взяты средние или минимальные величины.

Таблица 4. Оценка капитала хуацяо в Японии, млрд долл.

<i>Японские хуацяо</i>	
Крупные компании (провели IPO)	9,5
Средние и малые компании (не провели IPO)	0,235
Малые, микропредприятия и индивидуальные предприниматели	0,632
<i>Сингапурские хуацяо</i>	
Накопленные ПИИ Сингапура в Японии	11,2
Общий объём капитала хуацяо	≈ 22,0
<i>для сопоставления</i>	
ВВП Японии, 2017	4872,1
Накопленные ПИИ в Японии, 2017	207,5
Накопленные прямые инвестиции КНР в Японию, 2017	3,2
Капитал хуацяо в мире	5000

Рассчитано и составлено по: см. табл. 3, Official site of Japanese-Chinese Chamber of Commerce. URL: <http://www.cccj.jp/?mid=1&lan=zh> (дата обращения: 24.02.2019); Чжунань Готу, Хуан Синьхуа, Ван Янь., 2010, с. 8, 609–610; Official Site of Department of Statistics of Singapore. URL: <https://www.tablebuilder.singstat.gov.sg/publicfacing/createDataTable.action?refId=11940> (дата обращения: 23.02.2019); UNCTADSTAT. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 23.02.2019); Portal Site of Official Statistics of Japan “e-Stat”. URL: http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/68nenkan/zenbun/en68/index_h5.html#91 (дата обращения: 23.02.2019); World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 23.02.2019).

Объём капитала хуацяо в Японии составляет 0,4 % от общего объёма капитала мировой китайской диаспоры, эта величина почти в 7 раз превышает накопленный к 2017 г. объём прямых инвестиций КНР в Японии и равна 10,6 % накопленного объёма ПИИ и 0,5 % ВВП Японии в 2017 г. (табл. 4). Данные доказывают, что Япония, возможно в силу ряда негативных исторических событий, является не самым популярным направлением для бизнеса среди китайских мигрантов, тем не менее, капитал хуацяо оказывает значительно большее влияние на экономику Японии, чем инвестиции КНР. Компании хуацяо являются опорой для компаний КНР в Японии и опорой развития китайско-японского экономического сотрудничества.

Сопоставление отраслевой структуры предпринимательской деятельности компаний хуацяо и КНР показывает, что в первичной сфере экономики заняты только компании КНР – 8 %. Во вторичной сфере представлены оба вида компаний – 16,7 % и 20 % соответственно. Причём компании КНР заняты исключительно в тяжёлой обрабатывающей, а компании хуацяо – в основном в лёгкой обрабатывающей промышленности, на тяжёлую промышленность приходится только 1,4 % их числа, как и на строительство гаваней и бухт. Абсолютное большинство компаний хуацяо и компаний КНР занято в третичной сфере – 83,3 % и 72 % соответственно, их специализация – IT индустрия, торговля, транспортные перевозки и складирование, финансовая сфера, а также сфера информации и коммуникации. Компании

хуацяо специализируются на медицине и косметологии, переводческой деятельности, развлечениях, искусстве, дизайне, анимации, ресторанном бизнесе, туризме, СМИ и юриспруденции. В свою очередь компании КНР заняты страховым бизнесом и образованием в Японии (табл. 5).

Основными клиентами китайских предпринимателей-хуацяо в Японии являются японские фирмы, также они тесно сотрудничают с компаниями КНР. Китайские учёные отмечают существенные различия в моделях управления и сферах деятельности у предпринимателей-хуацяо «старого» и «нового» поколения. В частности подчёркивается, что «новое» поколение занято преимущественно развитием высоких технологий. В прошлом эти предприниматели обучались в японских вузах, в том числе в аспирантуре, специализируясь на изучении передовых технологий. По окончании вуза или аспирантуры они поступали на работу в крупные японские высокотехнологичные компании, получали знания о работе компании, доступ к технологиям, повышали квалификацию и через несколько лет открывали в Японии собственный бизнес [Report on development of overseas Chinese Entrepreneurs 2017, p. 83]. Такая ситуация характерна для китайских студентов не только в Японии, но и во многих других развитых странах.

Таблица 5. Отраслевая структура предпринимательской деятельности компаний хуацяо и КНР, 2010–2017 гг., %*

Сфера экономики	Компании хуацяо	Компании КНР
Первичная сфера	—	8,0
добывающая промышленность, в т.ч.:	—	8,0
Нефтедобыча	—	4,0
Добыча руды	—	4,0
Вторичная сфера	16,7	20,0
обрабатывающая промышленность, т.ч.:	15,3	20,0
тяжёлая, в т.ч.:	1,4	16,0
металлургия	1,4	0,0
станкостроение	0,0	8,0
энергетика	0,0	8,0
лёгкая, в т.ч.:	13,9	—
пищевая	13,9	—
строительство гаваней и бухт	1,4	—
Третичная сфера	83,3	72,0
информационные технологии	13,9	4,0
медицина и косметология	6,9	—
переводческая деятельность	1,4	—
развлечения	1,4	—
искусство, дизайн, анимация	7,0	—
ресторанный бизнес	9,9	—
торговля, в т.ч.:	15,5	20,0
торговля сырой нефтью и нефтепродуктами	—	4,0

транспорт и складирование, в т.ч.:	6,9	8,0
<i>авиаперевозки</i>	–	4,0
<i>морские перевозки</i>	–	4,0
туризм	4,2	–
финансы	4,2	28,0
страхование	–	4,0
информация, коммуникация	6,9	4,0
СМИ	4,2	–
юриспруденция	1,4	–
образование	–	4,0

*) Данные по компаниям *хуацяо* рассчитаны для 66 крупных, средних и малых предприятий, зарегистрированных в Японско-Китайской торговой палате, из них 6 компаний учтены в 2 отраслях. Данные по компаниям КНР рассчитаны для 17 крупных государственных и частных корпораций КНР в Японии, из них 2 компании учтены в 2-х отраслях, 3 – в 3-х отраслях.

Рассчитано и составлено по: Чжуан Готу, Хуан Синьхуа, Ван Янь., 2010, с. 614–618; Дуйвай тоуцзы хэцзо гобие (тицуй). Жибэн, 2018: [Инвестиционное сотрудничество Китая за рубежом по странам (регионам). Япония 2018]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/dl/gbdqzn/upload/riben.pdf> (дата обращения: 23.02.2019).

Следует отметить, что часть компаний *хуацяо* ведёт бизнес не только в Японии, но и в других странах и регионах, это так называемые транснациональные корпорации (ТНК). Автору удалось изучить данные по 22 ТНК *хуацяо* со штаб-квартирами в Японии. Их создателями являются мигранты из КНР – 10 компаний, выходцы из Тайваня – 5 компаний, граждане Японии китайского происхождения – 3 компании, для 4 компаний из этого списка нет информации о малой родине *хуацяо*. 10 ТНК имеют филиалы в одной стране/регионе (8 – в КНР, 1 – в США, 1 – на Тайване), 8 ТНК – в двух, 3 – в трёх, 1 – в пяти странах. В ТОП-5 стран/территорий, представляющих интерес для японских предпринимателей-*хуацяо*, входят: КНР, США, Гонконг, Тайвань и Сингапур, здесь соответственно открыты филиалы у 16-ти, 9-ти, 5-ти, 5-ти и 2-х ТНК японских *хуацяо*. Также имеются филиалы компаний в Южной Корее, Бразилии и Германии (рассчитано по [Encyclopedia of Chinese Overseas. Volume of Economy, 1999; Tang, Rongping., Ke, Yinbin., Dong, Leishi., 2009, pp. 206–207]¹). Эти данные косвенно доказывают наличие бизнес-связей между *хуацяо* из разных стран, как правило, они в большей степени присутствуют среди выходцев из одной местности на территории КНР или Тайваня.

Китайские студенты в Японии

Подготовка квалифицированных специалистов за рубежом является частью политики реформ и открытости, проводимой в КНР с 1978 г. В первые два десятилетия реформ обучение за рубежом было почти единственным вариантом восполнения сильнейшего дефицита кадров во всех отраслях экономики, возникшего после «культурной революции» 1966–1976-х гг. В первые годы реформ преимущественно государство отправляло студентов за рубеж, затем, по мере развития реформ, выросло и число китайских студентов,

¹ Данные по компаниям актуализированы автором на 19–22 февраля 2019 г.

обучающихся за свой счёт. Сегодня Япония входит в ТОП-10 развитых стран, в которых предпочитают проходить обучение китайские студенты. Выбор в её пользу обусловлен территориальной близостью к Китаю, высокой степенью развития науки и техники, иероглифической письменностью этой страны.

Китайцы являются самой многочисленной группой среди иностранных студентов в Японии, однако в процентном соотношении их доля с каждым годом снижается, как снижается и доля Японии в страновых предпочтениях обучающихся за рубежом китайцев, при этом общее число студентов из Китая в Японии остается практически неизменным с 2012 по 2018 г. (табл. 6).

Таблица 6. Динамика численности китайских студентов в Японии 2012–2018 гг., человек*

	Иностранные студенты в Японии			Китайские студенты за рубежом	
	Всего	Китайцы	Доля китайцев, %	Всего	в Японии, %
2012	180919	113980	63,0	399600	28,5
2013	193073	107435	55,6	413900	26,0
2014	214525	105557	49,2	459800	23,0
2015	246679	108331	43,9	523700	20,7
2016	257739	105882	41,1	544500	19,5
2017	267042	107260	40,2	608400	17,6
2018	298980	114950	38,5	–	–

*) В колонке «Иностранные студенты в Японии» данные за 2016 г. указаны на 30.06.2016 г., данные за 2018 г. – на 01.05.2018 г.

Рассчитано и составлено по: Министерство юстиции Японии (2016): Статистика по иностранцам, находящимся в Японии (яп.). Табл. 01-1. URL: <https://www.e-stat.go.jp/dbview?sid=0003147247> (дата обращения: 26.02.2019); Чжунго тунцзи няньцзянь 2018 : [Китайский статистический ежегодник 2018]. Пекин, 2018. Табл. 21-10. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexch.htm> (дата обращения: 26.02.2019); Данные по сообществам зарубежных китайцев в Японии на портале китайских эмигрантов «Чжунго Цяован». URL: <http://www.chinaqw.com/hqhr/2017/12-28/173544.shtml>; <http://www.chinaqw.com/hqhr/2019/01-22/213739.shtml> (дата обращения: 26.02.2019).

Снижение доли Японии в страновых предпочтениях обучающихся за рубежом китайцев происходит на фоне роста числа китайских студентов в развитых странах Запада. Это связано с ростом числа и разновидностей государственных программ, грантов и стипендий Китая на обучение за рубежом, а также ростом благосостояния китайского общества в целом, ростом числа состоятельных семей, способных оплачивать обучение детей в лучших американских, канадских и западноевропейских университетах.

Снижение доли китайцев в общем числе иностранных студентов в Японии связано с растущей популярностью японских вузов среди студентов других азиатских стран, прежде всего Вьетнама, Непала и Южной Кореи. Кроме того, в последние годы Япония, традиционно отталкивающее мигрантов государство, стала бороться за международные таланты, стараясь создать максимально благоприятный, по сравнению с другими странами, режим для обучения и дальнейшего трудоустройства или развития бизнеса иностранных выпускников японских

университетов в Японии. Начало этой политики было положено в декабре 2015 г. на локальном уровне, когда в преф. Фукуока был введён упрощённый визовый режим для иностранных выпускников вузов текущего года, открывших бизнес на этой территории, разрешение на пребывание было продлено на один год. С осени 2018 г. данная практика официально получила распространение на территории всей Японии. Правительство Японии ставит цель увеличить число трудоустроившихся в Японии иностранных выпускников вузов с 30 % до 50 %, надеясь, что в перспективе процент трудоустроившихся иностранных выпускников составит 60 %, а открывших собственный бизнес – 10 % [Портал китайских эмигрантов «Чжунго Цяован»].

На первом месте среди иностранных выпускников, оставшихся работать в Японии, находятся китайцы, в 2017 г. их было 10 326 человек, или 46,1 % всех трудоустроившихся иностранных выпускников вузов [Портал китайских эмигрантов «Чжунго Цяован»]. Многие китайские студенты находили работу или открывали бизнес ещё во время учёбы, предварительно подав заявление на изменение категории визы с учебной на рабочую или бизнес-визу. В основном они стремятся работать в компаниях, специализирующихся на разработке новых и высоких технологий, – наиболее популярном профессиональном направлении среди китайских студентов в Японии. Собственный бизнес китайских выпускников, как правило, также нацелен на развитие новых и высоких технологий. Другими сферами деятельности китайских выпускников японских вузов являются менеджмент, медицина, искусство, журналистика, юриспруденция и бухгалтерское дело [Портал официальной статистики Японии e-Stat].

Следует отметить, что в настоящее время многие японские компании работают с Китаем, в том числе открывают дочерние компании в КНР. Зачастую прибыль головной компании от них выше, чем от предприятий, находящихся в Японии. Им выгодно приглашать на работу китайских выпускников японских вузов, знакомых с японской бизнес-культурой и подходящих для работы на китайском рынке. В среднем китайские выпускники японских вузов находят работу в Японии в течение одного месяца и получают приглашение на работу от нескольких компаний, что ещё раз доказывает высокую степень востребованности данных специалистов.

Однако большинство китайских выпускников не рассматривает Японию как постоянное место жительства и работы. Получив образование и проработав в японской компании несколько лет, китайские специалисты возвращаются в КНР, открывают там свой бизнес. В Китае на сегодняшний день уже созданы максимально благоприятные условия для развития карьеры и бизнеса вернувшихся выпускников зарубежных вузов, в том числе специальные бизнес-инкубаторы почти в каждой китайской провинции и крупном городе, принимающие проекты исключительно вернувшихся из-за рубежа специалистов. Доля стартапов китайских выпускников японских вузов в Китае оценивается нами примерно в 10 % от общего числа стартапов китайских выпускников зарубежных вузов.

Таким образом, цель большинства китайских студентов в Японии – получение качественного образования и опыта работы не менее 2–3 лет, желательно в крупной высокотехнологичной японской компании, и возвращение на родину для открытия бизнеса или работы в научной сфере. Китайские студенты или выпускники вузов, открывшие собственные компании в Японии, в дальнейшем расширяют бизнес, открывая филиалы или самостоятельные компании в КНР и в других странах.

Заключение

Китайскую диаспору традиционно считают связующим звеном, или мостом, между культурами принимающей страны и Китая. В случае с Японией это утверждение является особенно актуальным из-за исторических и современных проблем в китайско-японских отношениях. На сегодняшний день это самая крупная, богатая и влиятельная диаспора в Японии. На неё фактически завязано современное китайско-японское торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество. Компаний *хуацяо* в Японии значительно больше, чем компаний КНР, а их капитал многократно превышает объём прямых инвестиций КНР в Японии и составляет примерно десятую часть от объёма иностранного капитала в этой стране.

Важной частью китайского сообщества в Японии, её интеллектуальной элитой являются китайские студенты и выпускники японских вузов, решившие по окончании обучения остаться работать в японских высокотехнологичных компаниях или открыть собственный бизнес в сфере новых и высоких технологий. Данная категория специалистов и предпринимателей востребована не только в Японии, но и в других странах, особенно в КНР, которая в настоящее время предоставляет вернувшимся китайским специалистам отличные возможности для профессионального развития и создания собственного бизнеса.

Многие японские компании *хуацяо*, в том числе созданные китайскими выпускниками японских вузов, используя связи в деловых кругах мировой китайской диаспоры, открывают филиалы компаний или самостоятельный бизнес за пределами Японии в одной, двух и более странах, больше половины из них имеют филиалы в Китае.

Транснациональный бизнес японских компаний *хуацяо* является важным звеном в реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь». В нормативных документах по «поясу и пути» подчеркивается, что основными субъектами данной инициативы являются предприятия. Компании *хуацяо*, имеющие развитую сеть международных филиалов и тесные связи с КНР, могут содействовать продвижению компаний КНР на новых рынках и станут опорой «пояса и пути». Кроме того, тесное сотрудничество бизнеса *хуацяо* с японскими компаниями будет способствовать привлечению последних к проектам «пояса и пути», а возможно, и постепенному подключению Японии к данной инициативе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дай Эрбяо. Эр ши и шицзи дэ Жибэнь хуацяо хуажэнь // Хуацяо хуажэнь ланьпишу. Хуацяо Хуажэнь яньцзю баогао 2013. / Цю Цзинь чжубянь. Пэйцзин. Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2014 : [Дай Эрбяо. Зарубежные китайцы в Японии в XXI веке // Голубая книга по зарубежным китайцам. Доклад по изучению зарубежных китайцев 2013 / гл. ред. Цю Цзинь. Пекин: Общественно-научная литература, 2014]. С. 077–113.

Данные Всемирного Банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 23.02.2019).

Дуйвай тоуцзы хэцзо гобие (тицью). Жибэнь, 2018 : [Инвестиционное сотрудничество Китая за рубежом по странам (регионам). Япония 2018]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/dl/gbdqzn/upload/riben.pdf> (дата обращения 23.02.2019).

Казаков О.И. О некоторых аспектах гуманитарного сотрудничества Японии со странами Восточной Азии // Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 77–100. DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10004

Ковригин Н.Е. Китайская миграция в Японию: историческая ретроспектива и проблемы социальной адаптации мигрантов: автореф. дис... канд. ист. наук (спец 07.00.03 – Всеобщая история). СПб: 2010. 31 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004642876.pdf (дата обращения: 15.01.2019).

Официальный сайт Департамента статистики Сингапура. URL: <https://www.tablebuilder.singstat.gov.sg/publicfacing/createDataTable.action?refId=11940> (дата обращения: 23.02.2019).

Официальный сайт Японско-Китайской торговой палаты. URL: <http://www.cccj.jp/?mid=1&lan=zh> (дата обращения: 24.02.2019).

Портал китайских эмигрантов Чжунго Цяован. URL: <http://www.chinaqw.com/hqhr/qwxl/> (дата обращения: 17.02.2019); URL: <http://www.chinaqw.com/hqhr/2017/12-28/173544.shtml>; <http://www.chinaqw.com/hqhr/2019/01-22/213739.shtml> (дата обращения: 26.02.2019); URL: <http://www.chinaqw.com/hqhr/2018/05-02/188077.shtml>; <http://www.chinaqw.com/hqhr/2018/10-12/204746.shtml> (дата обращения: 27.02.2019).

Портал официальной статистики Японии e-Stat. URL: <https://www.e-stat.go.jp/dbview?sid=0003171241>; <https://www.e-stat.go.jp/dbview?sid=0003147247> (дата обращения: 16.02.2019).

Тан Жунпин, Кэ Иньбинь, Дун Лэйши. Хайвай хуажэнь куаго гунсы. Бэйцзин. Цзинци гуаньли чубаньшэ, 2009 : [Тан Жунпин, Кэ Иньбинь, Дун Лэйши. Новый период роста транснациональных корпораций зарубежных китайцев. Пекин: Издательство «Экономика и управление», 2009]. 224 с.

Хайвай цяоцин гуаньча. 2015–2016. Гуанчжоу. Цзинань дасюе чубаньшэ, 2017 : [Доклад по зарубежным китайцам 2015–2016]. Гуанчжоу: Издательство Цзинаньского университета, 2017. 351 с.

Хуацяо хуажэнь байкэ цяоаньшу. Цзинци цзюань / Лян Инмин чжубянь. Бэйцзин. Чжунго хуацяо чубаньшэ, 1999 : [Энциклопедия по зарубежным китайцам. Том по экономике / гл. ред. Лян Инмин. Пекин: Издательство «Китайские хуацяо», 1999]. С. 17, 84, 87, 102, 141, 174, 181, 195, 215, 220, 232, 271, 280, 281, 352, 360, 366, 382, 383, 395, 405, 436, 450, 474, 475, 491, 553, 556, 577, 578, 580, 584, 585.

Чжуан Готу, Хуан Синьхуа, Ван Янь. Хуацяо хуажэнь цзинци цзюань яньцзю 2009–2010. Гоуань цяобань, 2010 : [Чжуан Готу, Хуан Синьхуа, Ванянь. Экономические ресурсы зарубежных китайцев 2009–2010] / Канцелярия по делам эмигрантов Госсовета КНР. 2010. 662 с.

Чжунго тунци няньцзянь 2018 : [Китайский статистический ежегодник 2018]. Пекин, 2018. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexch.htm> (дата обращения: 26.02.2019).

Шицзэ хуашан фачжань баогао 2017 / Ван Хуэйяо, Тан Жунпин чжубянь. Бэйцзин. Чжунго хуацяо чубаньшэ, 2017: [Доклад по развитию зарубежных китайских предпринимателей 2017 / гл. ред. Ван Хуэйяо, Тан Жунпин. Пекин: Издательство «Китайские хуацяо», 2017]. 234 с.

UNCTADSTAT. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 23.02.2019).

REFERENCES

Dai, Erbiao. (2014). Er shi yi shiji de Riben huaqiao huaren, Huaqiao huaren lanpishu, Huaqiao huaren yanjiu baogao 2013 / Qiu Jin zhubian [Chinese and Chinese Japanese in the 21st Century, Blue Book of Overseas Chinese, Annual Report on Overseas Chinese Study 2013. Ch. Ed. Qin Jin], Beijing: Social science literature: 077–113. (In Chinese).

Duiwai touzi hezuo guobie (diqu) zhinan. Riben 2018 [China's outward investment cooperation in different countries (regions) 2018. Japan, 2018], URL: <http://www.mofcom.gov.cn/dl/gbdqzn/upload/riben.pdf> (accessed: 23.02.2019). (In Chinese).

Haiwai qiaoqing guanacha. 2015–2016 [Overseas Chinese Report 2015-2016], Guangzhou: Jinan University, 2017. (In Chinese)

Huaqiao huaren baike quanshu. Jingji juan [Encyclopedia of Chinese Overseas. Volume of Economy]. Liang Yingming (ch. ed.), Beijing: China's huaqiao, 1999: Pp. 17, 84, 87, 102, 141, 174, 181, 195, 215, 220, 232, 271, 280, 281, 352, 360, 366, 382, 383, 395, 405, 436, 450, 474, 475, 491, 553, 556, 577, 578, 580, 584, 585. (In Chinese).

Kazakov, O.I. (2018). O nekotorykh aspektakh gumanitarnogo sotrudnichestva Yaponii so stranami Vostochnoy Azii [About aspects of humanitarian cooperation of Japan with East Asian countries], *Yearbook Japan*, 47: 77–100. (In Russian). DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10004

Kovrigin, N.E. (2010). Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kand. istor. nauk po spetsial'nosti 07.00.03 – Vseobshchaya istoriya. «Kitayskaya migratsiya v Yaponiyu: istoricheskaya retrospektiva i problemy sotsial'noy adaptatsii migrantov» [Abstract of PhD thesis (in history), specialty 07.00.03 – General history. Chinese migration in Japan: historical retrospective and problems of social adaptation of migrants], St. Petersburg, URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004642876.pdf (accessed: 15.01.2019). (In Russian).

Official Site of Department of Statistics of Singapore, URL: <https://www.tablebuilder.singstat.gov.sg/publicfacing/createDataTable.action?refId=11940> (accessed: 23.02.2019).

Official site of Japanese-Chinese Chamber of Commerce, URL: <http://www.cccj.jp/?mid=1&lan=zh> (accessed: 24.02.2019). (In Chinese).

Portal Site of Official Statistics of Japan “e-Stat”, URL: <https://www.e-stat.go.jp/dbview?sid=0003171241>; <https://www.e-stat.go.jp/dbview?sid=0003147247> (accessed: 16 February 2019). (In Japanese).

Shijie huashang fazhan baogao 2017 [Report on development of overseas Chinese Entrepreneurs 2017], Wang Huiyao, Tang Rongping (ch. ed), Beijing: China's Huaqiao. (In Chinese).

Tang, Rongping., Ke, Yinbin., Dong, Leishi. (2009). Haiwai huaren kuaguo gongsi chengzhang xin jieduan [The New Stage of Growth of Overseas Chinese Transnationals], Beijing: Economy and Management. (In Chinese).

The portal of Overseas Chinese “ChinaQW”, URL: <http://www.chinaqw.com/hqhr/qwxl/> (accessed: 17.02.2019); URL: <http://www.chinaqw.com/hqhr/2017/12-28/173544.shtml>; <http://www.chinaqw.com/hqhr/2019/01-22/213739.shtml> (accessed: 26.02.2019); URL: <http://www.chinaqw.com/hqhr/2018/05-02/188077.shtml>; <http://www.chinaqw.com/hqhr/2018/10-12/204746.shtml> (accessed: 27.02.2019). (In Chinese).

UNCTADSTAT, URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (accessed: 23.02.2019).

World Bank Data, URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed: 23.02.2019).

Zhongguo tongji nianjian 2018 [China Statistical Yearbook 2018], Beijing, 2018, URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexch.htm> (accessed: 26.02.2019). (In Chinese).

Zhuang, Guotu., Huang, Xinhua., Wang, Yan. (2010). Huaqiao huaren jingji ziyuan yanjiu 2009-2010 [Economic resources of Overseas Chinese 2009–2010], Overseas Chinese Affairs Office of the State Council. (In Chinese).

Поступила в редакцию 25.02.2019

Received 25 February 2019

Для цитирования: Афонасьева А.В. Экономические и интеллектуальные ресурсы китайской диаспоры в Японии // Японские исследования. 2019. №1. С. 94–110. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10006

For citation: Afonaseva A.V. (2019). Ekonomicheskiye i intellektual'nyye resursy kitayskoy diasporы v Yaponii [Economic and intellectual resources of overseas Chinese in Japan], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 1: 94–110. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10006

Научная жизньAcademic Life

Японские исследования. 2019. №1. С. 111–134.

Japanese Studies in Russia, 2019, 1, pp. 111–134.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10007

**Г.Г. Ксимилов и его «Очерк истории
современной японской литературы 1868–1906»
(Из истории отечественного японоведения)**

Л.М. Ермакова

Аннотация. Статья посвящена биографии и пионерской работе по японской литературе периода Мэйдзи Г.Г. Ксимилова (1877–1910). О жизненном пути Г.Г. Ксимилова известно совсем мало, даже год его смерти был под вопросом. По материалам трёх дальневосточных архивов и государственного исторического архива Грузии нам удалось восстановить основные вехи его биографии и ряд примечательных подробностей его судьбы, по-своему необычной: понтийский грек, родом из грузинского села Ирага, учившийся в духовной семинарии в Тифлисе, он поступил в Восточный институт и окончил японское отделение с золотой медалью за дипломную работу по японской литературе. Затем он был принят на дипломатическую службу и вскоре трагически скончался, немного не дожив до своего 33-летия.

Его работа по современной японской литературе долгое время находилась вне круга внимания актуального японоведения, между тем сразу после её выхода в 1909 г. она вызвала немалый интерес, её выписал для своей личной библиотеки М. Горький. В сущности, десятки лет книга Ксимилова была единственным исследованием, специально посвящённым японской литературе этого периода (аналитическое и систематизированное изложение истории литературы Мэйдзи было подготовлено Н.И. Конрадом в 1934 г., однако оно было опубликовано лишь в 1973).

В статье представлены концептуальные обобщения Г.Г. Ксимилова, касающиеся японской литературной истории, его оригинальные взгляды на актуальную литературу, оценки современной ему японской беллетристики и поэзии. Проходивший практику в Токийской школе иностранных языков, Ксимилов в своих умозаключениях пользуется и личными впечатлениями о Японии, кроме того, в его книге содержится немало переводов из японских произведений, пересказываются любопытные литературные факты. Нельзя не оценить широту охвата, живой слог и горячую заинтересованность автора; как мы теперь понимаем, ему удалось уловить самое важное в событиях и тенденциях актуального литературного потока, описать самые значительные литературные фигуры и явления времени. Многие выводы автора и приводимые им детали, на наш взгляд, представляют интерес и для современных японоведов – как филологов, так и историков.

Ключевые слова: Г.Г. Ксимилов, история японоведения, Восточный институт во Владивостоке, обзор литературы Мэйдзи.

Автор: Ермакова Людмила Михайловна, доктор филологических наук, заслуженный профессор Муниципального университета иностранных языков г. Кобэ, преподаватель университета Рицумэйкан. E-mail: lermakova@gmail.com

G.G. Ksimidov and his “Outline of the contemporary Japanese literature (1868–1906)” (From the history of Japanese studies in Russia)

L.M. Ermakova

Abstract. This article is dedicated to the memory of Georgiy Georgiyevitch Ksimidov (1877–1910), his biography and his pioneering study of Meiji period Japanese literature.

Until now, the history of his life, including even the date of his death, was almost unknown. Exploring the materials of three archives in the Russian Far East and the State Historical Archive of Georgia, we were able to trace the key moments of Ksimidov’s biography and to revive some remarkable episodes of his life. Pontic Greek by origin, born in a Georgian village of Iraga, he became a student of a seminary in Tiflis. After that, he entered the Japanese department of the Eastern Institute in Vladivostok which he graduated from with a gold medal awarded for his thesis on Japanese literature. After graduation, he entered diplomatic service and soon met his early death, not surviving his 33rd birthday.

G. Ksimidov’s work on the Japanese literature of his time was almost unknown among specialists until much later. However, a hundred years ago the situation was different, as immediately after it was published in 1909, the work sparked considerable interest. For instance, Maxim Gorky ordered it for his personal library. It must be said that for quite a long time Ksimidov’s book was in fact the only study specifically focusing on the Japanese literature of that period (afterwards, an analytical and systematic account of the history of Meiji literature was prepared by N.I. Conrad in 1934, but it was not published until 1973).

The article presents G. Ksimidov’s ideas concerning Japanese literary history, his original views on Meiji literature, his evaluations of Japanese fiction and poetry of the time. Ksimidov spent several months at the Tokyo School of Foreign Languages and he uses his personal observations of Japan in his essay. His book also contains many translations from Japanese short stories and a collection of curious literary facts.

A modern day reader of Ksimidov’s work cannot but appreciate the breadth of coverage, a lively manner of narrating, and the author’s ardent interest in his chosen theme. As we can easily see now, he managed to catch the most important trends and events of the literary flow of his time and to draw the readers’ attention to the most significant literary figures and phenomena. Many ideas and conclusions presented by the author, as well as the remarkable details he retells, may be of great interest to modern Japanese studies scholars, both philologists and historians.

Keywords: G.G. Ksimidov, history of Japanese studies, Oriental Institute in Vladivostok, outline of Meiji literature.

Author: Ermakova Liudmila M., PhD, D. (Literature), Professor Emeritus, Kobe City University of Foreign Studies; Lecturer, Ritsumeikan University. E-mail: lermakova@gmail.com

Становление Г.Г. Ксимидова-японоведа

Ранняя история отечественного японоведения насчитывает немало выдающихся учёных – прежде всего среди тех, кто стал основоположником академического изучения японской культуры, литературы и языка и задал общие направления научного поиска, главные принципы будущих исследований и многое другое, вплоть до системы транскрипции японских слов, принятой до нынешнего времени. Их биографии и труды уже довольно давно стали объектом изучения, и работа эта продолжается до настоящего времени.

В то же время в последние десятилетия историки всё чаще обращаются к фигурам, не столь крупным и заметным, но тоже сыгравшим важную роль в развитии японоведения в России, – в том числе, к тем деятелям науки, кто по разным обстоятельствам оказался незаслуженно забытым. Среди таких деятелей, чьё имя нам хотелось бы воскресить, находится и Георгий Георгиевич Ксимилов (21 марта 1877 г. – 11 марта 1910 г.).



Георгий Георгиевич Ксимилов, 1909 г.

О Г.Г. Ксимилове, наравне с В.М. Мендриным, как о выпускниках японской кафедры Восточного института во Владивостоке, «которые выросли в серьёзных учёных», писала Г.Д. Иванова [Иванова, 1998, 38–39], автору этой статьи тоже доводилось упоминать книгу Ксимилова «Обзор истории современной японской литературы 1896–1906», вышедшую в Хабаровске в 1909 г. [Ермакова, 2005, с. 125–126]. Как представляется, эта работа заслуживает более подробного разбора, да и сама драматическая биография этого человека,

ушедшего из жизни более ста лет назад в возрасте 33 лет, представляется нам необычной и весьма примечательной. Между тем до сих пор о нём известно крайне мало¹.

Г.Г. Ксимилов родился 21 марта 1877 г. в селе Ирага Тифлисской губернии. Это село, в числе нескольких соседствующих, с середины XV века заселяли понтийские греки. К ним принадлежал и Г.Г. Ксимилов.

Переселение в Грузию греков Трапезунда – территории, захваченной Османской империей, – началось около 1813 г. и было связано с новой ассимиляторской политикой Порты и усилением в ней роли ислама, что коренным образом затрагивало жизнь понтийских греков. Историки пишут: «Законы шариата стали диктовать нормы морали и внутренней политики. Христиане подвергались жесточайшей эксплуатации. До 1839 г. в Турции для иноверцев существовало 80 различных видов налогов и 97 различного рода повинностей. Процветавшее взяточничество и вымогательство, взимание незаконных поборов с особой тяжестью ложились на иноверцев. Существовал униженный налог кровью, когда для пополнения рядов янычар турецкими властями отбирались наиболее здоровые греческие дети мужского пола с последующим обращением в ислам» [Рудянов, 1998, с. 10–11].

Первая волна греческой эмиграции в Россию была связана с русско-турецкой войной 1768–1774 гг. – при заключении мира впервые была оговорена возможность переселения турецких христиан в Россию. В 1810 г. в Тифлисе был создан «Комитет по переселению христиан из Турции на Кавказ», хлынули потоки переселенцев-беженцев. С одним из таких потоков из селения Санта Трапезундского округа² в Грузию перебрался православный священник Георгий Иоаннович Ксимилов, отец будущего японоведа Георгия Георгиевича Ксимилова.

Согласно «Клировой Ведомости по церквам Борчалинского уезда» Грузино-Имеретинской синодальной конторы за 1892 г., Г.И. Ксимилов был «посвящён в священники в 1857 г. Трапезундским Митрополитом Констанцием», «в 1868 г. прибыл из Турции вместе с прихожанами», с 1874 г. числился священником в причте церкви Св. Пророка Илии Ирагинского прихода Тифлисской губернии, и, как было написано о нём в Ведомости, «читать, писать и петь знает очень хорошо, Катехизис и Св. Историю хорошо» [ЦГИАГ, л. 5–6]³.

К 1892 г., судя по данным этого источника, он был уже вдовцом – жена его умерла в 1888 г., и на его руках осталось семеро детей. Мы не располагаем данными о биографии старших детей священника, но самому младшему из его детей – Георгию – он сумел дать начальное образование в Тифлисском духовном училище.

Уже через два года после составления «Клировой Ведомости», в 1894 г., священник Георгий Иоаннович Ксимилов скончался. Его младший сын Георгий Георгиевич Ксимилов, оставшись сиротой, окончил училище, возможно, с помощью старших братьев и сестёр Ксимиловых и смог поступить в Тифлискую духовную семинарию, полный курс которой

¹ Автор статьи благодарит А.А. Хисамутдинова за ценные советы и сведения.

² Санта, находившаяся в труднодоступной горной местности, вдали от турецких сёл, с XVI века была для понтийских греков убежищем от турецких гонений.

³ Этот материал из ЦГИА Грузии передан мне Георгием Георгиевичем Ксимиловым (г. Салоники, Греция), нынешним представителем рода Ксимиловых и полным тёзкой японоведа Г.Г. Ксимилова. Он же предоставил в моё распоряжение единственную сохранившуюся в семье фотографию Г.Г. Ксимилова. Искренне благодарю его за помощь и поддержку на всех этапах написания статьи.

прошёл с 1896 по 1903 гг.⁴ Вполне вероятно, что духовный сан не был при этом главной целью – об этом красноречиво свидетельствуют последующие шаги Г.Г. Ксимидова. Причина, скорее всего, заключалась в том, что в те времена именно духовная семинария предоставляла возможность получения бесплатного среднего образования. Как известно, большую часть семинаристов составляли казённокоштные, т.е. содержащиеся на полном казённом обеспечении. Всё это делало семинарию привлекательной для детей малообеспеченных сословий: духовенства, крестьян, казаков, мещан и др., при этом выпускник семинарии имел право поступления в практически любое светское учебное заведение России – образовательный уровень семинаристов был приравнен к гимназическому курсу [Сушко, 1996, с. 107]. Преподавание в Тифлисской семинарии велось на русском языке: в XIX веке поместная Грузинская церковь утратила автокефалию и существовала как часть Российской церкви в виде Грузинского экзархата, что в ряде случаев приводило к злоупотреблениям – например, к преследованию в стенах семинарии грузинского языка, который был запрещён даже в частных беседах между воспитанниками, дискриминации по национальному признаку в пользу русских и т.п.

Учение в семинарии, при всех способностях Г.Г. Ксимидова, было, видимо, нелёгким. В начале XX века в Петербурге были изданы любопытные, со страстью и болью написанные воспоминания о Тифлисской семинарии 1900–1903 гг., в них анонимный автор рассказывает о двух сменявших друг друга ректорах, чинивших произвол и беззаконие: «Не воспитание, не любовь, а развращение, ненависть и громадное горе внесли они с собою в стены грузинской семинарии, а чрез это и во всю Грузию, прикрываясь эгидою политики; они жили только для себя и страшно губили Грузию и русское дело в Закавказье, обращая друзей и верноподданных России во врагов и вводя в обман высшие власти на счёт своей деятельности» [Из воспоминаний, 1907, с. 4]⁵. «О. С.⁶ стал заводить в семинарии шпионов из учеников и служащих семинарии... принятые с натяжкой, эти ученики еле держались, ибо своих дурных привычек, из-за которых они были изгнаны из других семинарий, не оставляли и учились так себе. <...> К ним присоединялись и другие, соблазненные привилегиями шпионов, ибо последним сходило с рук решительно всё: и нарушение семинарской дисциплины, и пьянство, и разврат...» [Из воспоминаний, 1907, с. 18].

Г.Г. Ксимидову, видимо, немало досталось от ректора о. Никандра⁷, человека молодого, но с диктаторскими замашками и, к тому же, по свидетельствам коллег-преподавателей, не очень хорошо образованного. В частности, как написано в воспоминаниях, о. Никандр «не церемонился беззастенчиво переправлять» поставленные другими преподавателями оценки по собственному усмотрению – своим любимчикам повышал, а остальным понижал. И «был так нагло смел, что не скрывал следов, оставшихся в ведомостях, от переправки рукою о. Никандра». Далее читаем: «Ксимидову Георгию VI кл. в 1903 г. (т.е. в выпускном классе. –

⁴ Примерно в то же время в этой семинарии учился, согласно историческим источникам, и воспитанник И.В. Джугашвили, в 1899 г. отчисленный из 5 класса за неявку на экзамены по неизвестной причине.

⁵ Скорее всего, анонимный автор книги – преподаватель семинарии И.М. Меньшиков, который фигурирует в книге как главный защитник справедливости.

⁶ Речь идёт об иеромонахе Стефане (1861–1914, в миру Н.П. Архангельский), будущем епископе Могилевском, архиепископе Курском и Обоянском. Был ректором Тифлисской духовной семинарии в 1901–1902 гг.

⁷ О. Никандр (1872–1933, в миру Н.Г. Финогенов) – епископ Русской Православной церкви, митрополит Ташкентский. Был ректором Тифлисской духовной семинарии в 1902–1906 гг.

Л.Е.), чтобы извести во второй разряд, тайно убавил по сочинению 5/9, так что из 3 и 5/9 вышло 3; 5/9 больше половины, а по закону и половины нельзя отбрасывать, а должно принимать её за целую единицу» [Из воспоминаний, 1907, с. 58]. Вскоре после этого документы Ксимидова и ещё одного воспитанника были и вовсе потеряны в канцелярии, и хотя через две недели они благополучно нашлись, защитник Ксимидова, преподаватель И.М. Меньшиков, секретарь Правления семинарии, успел пострадать – донесение о нём как расхитителе документов немедленно отправилось в высокие церковные инстанции.

Несмотря на заступничество И.М. Меньшикова и на то, что, согласно аттестату, Г.Г. Ксимидов «оказал успехи» «хорошие» и «очень хорошие» по всем предметам, он всё-таки попал во второй разряд.

Надо сказать, что бесплатным семинарское образование могло быть лишь в том случае, если выпускник поступал затем на службу по духовному ведомству или шёл учителем в народную школу. Г.Г. Ксимидов избрал иной путь, поэтому в его аттестате указывается сумма в 890 руб., которые он остался должен казне и обязан был выплатить. Безденежье преследовало его потом всю недолгую жизнь. После окончания Тифлисской духовной семинарии Ксимидов уезжает из Тифлиса и в том же 1903 г. поступает в новообразованный Восточный институт во Владивостоке.

Этот поворотный пункт в биографии Г.Г. Ксимидова, очевидно, нуждается в объяснении. Почему молодой человек родом из греческого поселения в грузинском селе Ирага, выросший среди земледельцев и каменотёсов, сын священника и выпускник Тифлисской духовной семинарии, вдруг решает избрать поприще востоковеда и едет для этого за тысячи километров через всю Россию?

Может быть, в его судьбе были какие-то впечатления или встречи, которые сыграли роль в его выборе, – к сожалению, сведений об этом не сохранилось. Тем не менее, исходя из общей ситуации, можно сделать некоторые предположения. Главное состоит в том, что Г.Г. Ксимидов, видимо, хотел во что бы то ни стало получить высшее образование, стать в какой-то области специалистом – учиться он, видимо, умел и любил. В то же время возможности выбора были для него ограничены – и не только финансовыми соображениями. Несмотря на то, что семинарии формально были приравнены к гимназиям, во многих университетах семинаристов принимали неохотно, в ряде учебных заведений поступление для них было связано с более сложной и строгой, чем для гимназистов, системой вступительных экзаменов [Жарова, 2016, с. 38]. В некоторых больших университетах требовалось сдать экзамены по предметам, которыми Ксимидов в семинарии не занимался – например, французский язык.

В Восточный же институт, по Положению ведомства Министерства народного просвещения от 1899 г. (текст которого печатался в ежегодных календарях), принимались «без испытаний <...> молодые люди, окончившие курс средних учебных заведений всех типов и ведомств». Ещё один, вероятно, немаловажный для Ксимидова фактор – институт располагал общежитием. Наконец, что, может быть, сыграло решающую роль, институт был новым учебным заведением – не только недавно сформированным, но и новым во многих других отношениях. Россия готовилась разрабатывать свои дальневосточные земли и ресурсы, страна повернулась к Востоку. Кроме того, задачей института было, согласно тому же Положению, «подготовление учащихся в нём лиц к службе в административных и торго-

промышленных учреждениях восточноазиатской России и прилегающих к ней государств», т.е. выпускникам в определённой степени гарантировалась служба в госучреждениях дальневосточного края. И вдобавок к этому – «в каникулярное время студенты командировались в соседние государства для усовершенствования в изучаемых языках» [Всеобщий календарь, 1909, с. 522].

Этот Институт был первым высшим учебным заведением на Дальнем Востоке, основанный в 1899 г., всего за четыре года до окончания Ксимидовым курса семинарии. Развивался он быстро и энергично, и через четыре года после основания, в 1903 г., библиотека Института уже насчитывала 45 тысяч томов, и было подготовлено 12 выпусков «Известий Восточного Института», о чём писал первый директор Института А.М. Позднеев в письме министру народного просвещения Г.Э. Зенгеру [Еланцева, 2012, с. 139].

Продолжительность обучения в Институте «определялась в четыре года, и со второго курса студенты распределялись по четырём отделениям: китайско-японское, китайско-корейское, китайско-маньчжурское, китайско-монгольское» [Серов, 1994, с. 16], т.е. китайский язык был обязательным на всех четырёх отделениях. За время учебы Ксимидов прослушал курсы политической организации Китая и Японии, изучал государственное, гражданское и международное право, коммерческую географию Дальнего Востока, богословие, товароведение и счетоводство, занимался японским, китайским и английским языками (возможно также, что и монгольским), и, наконец, написал дипломную работу, которая была удостоена золотой медали [ГАПК, л. 32]⁸.

Летом, после первого курса, Ксимидов командировался на практику в Ургу (нынешний Улан-Батор), где стажировался четыре месяца – с 10 апреля по 16 августа 1904 г. К осени, на втором курсе, он выбирает своей специальностью Японию и японский язык, о чём 23 сентября пишет заявление ректору Института Д. Позднееву. Отметим сразу, что по японскому языку у него были максимально высокие оценки все годы обучения в Институте.

К тому времени японская кафедра была укомплектована высококвалифицированными кадрами преподавателей, в том числе носителями языка. Примечательно, что занятия с носителями проходили по вечерам, сверх установленной учебной программы. Как пишет Г.Д. Иванова, в 1900-е годы в штате состояли три японца – Мацуда Эй, Каваками Хидэо и Маэда Киёцугу [Иванова, 1998, с. 37]. Последний, выпускник немецкого отделения Токийского института иностранных языков, стал автором пособий, учебника японского языка, словаря и др. Он был так рекомендован Е.Г. Спальвиным, исполнявшим обязанности лектора по кафедре японского языка и словесности: «Маэда обладает основательными познаниями по всем отделам японской литературы, занимался изучением местных наречий и обычаев. Преподавал немецкий и японский языки в самой крупной гимназии Токио. Проявил литературные способности, занимался переводами с английского и немецкого языков» [Серов, 1994, с. 20]⁹. Эти учёные, начиная с Е.Г. Спальвина, и стали учителями Ксимидова.

Но помимо науки студенту постоянно приходилось думать о хлебе насущном. Вернувшись из Урги в Восточный институт и определившись с будущей специализацией,

⁸ За дружескую помощь по контактам с тремя дальневосточными архивами – ГИАДВ, ГАПК и ГААО – сердечно благодарю Е.К. Симонову-Гудзенко.

⁹ Маэда Киёцугу в 1907 г. поехал в Японию для лечения жены, а также для приобретения шрифтов для типографии Восточного института, и был заколот в парке как предатель Родины. О Маэда подробнее см. [Хияма, 1994, с. 48–51].

он на следующий же день после возвращения подаёт прошение об отсрочке платежа за право слушания лекций на ближайшие шесть месяцев. Простение удовлетворено, но проходит полгода, а 30 рублей взноса за следующее полугодие по-прежнему взять неоткуда, и он подыскивает себе место для подработки на железной дороге. Но проходят оплаченные полгода, и 15 ноября 1905 г. он пишет «его Превосходительству Господину Директору Восточного Института» ещё одно отчаянное прошение, которое начинает словами: «Не располагая никакими средствами, я был принужден ещё в прошлом году искать себе материального обеспечения в стороне – в своих собственных трудах, что отнимало у меня много времени и мешало твёрдому прохождению Институтской науки. Ныне же, с выбором специального языка, я прихожу к убеждению, что работа в стороне для меня уже совершенно невысказима, и потому прошу принять меня в число стипендиатов...» [ГАПК, л. 10]. Следующее прошение Ксимилов вынужден подать 13 сентября 1907 г., будучи студентом IV курса: «Лишившись своего родителя, и вместе с его смертью и всякой материальной поддержки для продолжения образования, я, ещё будучи на II курсе, был принужден держать экзамен на полную стипендию, которой и удостоился при директоре Д. Позднееве. <...> прошу Вас вновь удостоить меня её, приняв во внимание формулярный список моего отца или же вновь назначить мне конкурсный экзамен на полную стипендию» [ГАПК, л. 14–14 об.].

Летом 1907 г. Ксимилов проходит студенческую практику в Токио, где усиленным образом занимается японской литературной историей. В документах отечественных архивов не обнаружено никаких сведений о его практике, кроме прошения, написанного из Российского посольства в Токио 1 июля 1907 г., где усердно трудившийся и вечно нуждавшийся Ксимилов опять пишет, что командировочных денег ему на жизнь не хватает, поэтому просит выслать ему пособие в сто рублей, – «в крайнем случае, из положенной мне летней стипендии».

Более никаких подробностей о командировке в его институтском архивном деле не содержится, но из японских источников мы знаем, что он состоял при Токийской школе иностранных языков (позднее преобразованной в Токийский государственный университет иностранных языков). Как пишет японский историк-балканист Сига Нобухиро, из Восточного института каждый год туда приезжали на стажировку студенты, в их числе был и Георгий Ксимилов [Сига, 2017, с. 14–15]. Там он учился под руководством профессора Ясуги Садатоси (1876–1966). Ясуги сам в 1902–1903 гг. стажировался в Петербурге, где, в частности, слушал лекции Бодуэна де Куртене, а вернувшись в Японию, получил место и.о. профессора в Токийской школе иностранных языков. Языковед и переводчик с русского, Ясуги стал патриархом профессиональной японской русистики, учителем многих известных японских русистов XX века, автором ряда работ, учебников и широко применяемого русско-японского словаря [Сато, 2008, с. 69–72].

Ксимилов и Ясуги были практически ровесниками, и в период стажировки Ксимилова между ними, видимо, сложились добрые отношения. Вероятно, после отъезда из Токио и возвращения Ксимилова во Владивосток между ними завязалась переписка. Когда в Токийской школе иностранных языков в 1909 г. образовалась вакансия преподавателя русского языка, Ясуги написал об этом Ксимилову с просьбой подыскать подходящую кандидатуру, и тот рекомендовал на это место своего знакомого, Душана Тодоровича, жившего тогда в Хабаровске. Душан Тодорович (1875–1963) – серб по происхождению,

учился в Санкт-Петербургском университете, тогда и переменял подданство на российское, получил физико-математическое образование и учёную степень. Преподавал физику и математику в школах и гимназиях, затем перебрался в Хабаровск и стал служить в канцелярии Амурского генерал-губернатора, где, надо думать, и познакомился с Г. Ксимидовым. В Японии он, благодаря рекомендации последнего, сначала преподавал русский язык в Школе иностранных языков, потом в Токийском Императорском университете написал несколько фундаментальных пособий по русскому языку, пользовался влиянием среди студентов. Возможно, именно этот авторитетный педагог был родоначальником традиции ежегодно ставить силами студентов пьесы русских драматургов [Нихондзин то росияго, 2000, с. 75, 85]; традиция эта жива на русских отделениях японских университетов и поныне. (Забавно, что во время обсуждения кандидатуры Д.Н. Тодоровича в Школе иностранных языков Ясуги зачитывал вслух рекомендацию, написанную Ксимидовым, где, помимо академических и педагогических заслуг Тодоровича, в самом конце упоминается и то обстоятельство, что этот кандидат на профессорское место не имеет склонности к спиритному – видимо, предшественник Тодоровича имел эту привычку) [Сиба, 2017, с. 16].

Из документов явствует, что Г.Г. Ксимидову, помимо материальных затруднений, приходилось преодолевать и физические недомогания – в его архивном Деле содержится письмо от директора Восточного института, направленное заведующему Морским Владивостокским госпиталем, от 4 февраля 1908 г. с просьбой принять студента Ксимидова для излечения, поскольку городская больница переполнена. Однако через два дня приходит ответ за подписью «Главного доктора, Действительного статского советника и Делопроизводителя, Надворного советника», что за недостатком кредитов студент Ксимидов в больницу принят быть не может.

Вскоре после окончания Восточного института в 1908 г. Г.Г. Ксимидов поступил на государственную службу. В семье Ксимидовых, ныне живущих в г. Салоники (Греция), остались воспоминания о давно утраченном письме от Георгия Георгиевича, где он пишет, что, вероятно, скоро сможет материально помогать оставшимся в грузинской Ираге родственникам.

В документах Российского Государственного архива Дальнего Востока содержится его краткий послужной список: «Не имеющий чина Георгий Георгиевич Ксимидов. По окончании курса в Восточном Институте по японско-китайскому отделению – по 2-му разряду поступил 11 февраля 1909 года – на службу по ведомству Министерства Внутренних Дел: назначен исправляющим должность переводчика китайского языка при Канцелярии Приамурского Генерала-Губернатора; 19-го октября 1909-го года перешел на должность драгомана японского языка при управлении Пограничного Комиссара Амурской области» [РГИА ДВ, л. 112].

Из этого архивного документа следует, что через полгода службы переводчиком при генерал-губернаторской Канцелярии в Хабаровске Г. Ксимидов был переведён в пограничное комиссарство в г. Благовещенске на реке Амур. Должность драгомана означала совмещение функций переводчика и дипломата, т.е. знаменовала определенный карьерный успех и, может быть, прибавку к жалованью, а также предполагала преимущественное применение в работе не китайского, а японского языка.

Осенью 1909 г. отмечался 10-летний юбилей Восточного института. Как рассказывается в мемуарах одного из выпускников института, китаиста И.Г. Баранова, «проф[ессор]

Е.Г. Спальвин произнёс актовую, очень содержательную и интересную речь «Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа». <...> После речи, чтения приветствий и поздравлений состоялась выдача золотых медалей некоторым окончившим Институт за их письменные работы. Эти награды получили присутствовавшие на акте будущий проф[ессор] маньчжурского языка А.В. Гребенщиков и окончивший по японскому отделению Ксимилов. Последний прибыл на торжественный акт при шпаге, в красивой форме какого-то правительственного чиновника» [Баранов, 2015, с. 67].

Фотография Г.Г. Ксимилова в описанной форме, сделанная в том же году в Хабаровске в фотоателье А.Т. Далингера и посланная на родину – единственное, что осталось в память о нём у его родственников в Салониках. Через полгода после начала службы в Благовещенске Г.Г. Ксимилов скоротечно скончался, десять дней не дожив до своего 33-летия.

В документах архивного фонда Благовещенской духовной консистории в актовой записи о смерти значится: «Ксимилов Георгий Георгиев – переводчик японского языка при Управлении пограничного комиссара Амурской области. Причина смерти: от малярии. Умер 11 марта 1910 г., в возрасте 33 лет. Погребён 13 марта 1910 г. на общем городском кладбище по удостоверению от общины Красного Креста от 15.03.1910. Погребение совершено священником Ильей Мосоловым и диаконом Яковом Петровым» [ГААО, л. 373 об.-374]¹⁰.

Архивное дело Г.Г. Ксимилова, содержащее документы времён его студенчества, завершается извещением: «Конференция Восточного института сим извещает, что 14 марта в 10 час. утра в церкви Восточного Института будет отслужена заупокойная обедня и панихида по скончавшемся питомце Института выпуска 1908 г., драгомане пограничного комиссарства в г. Благовещенске Георгии Георгиевиче Ксимилове» [ГАПК, л. 36].

Литература Мэйдзи в описаниях Г.Г. Ксимилова

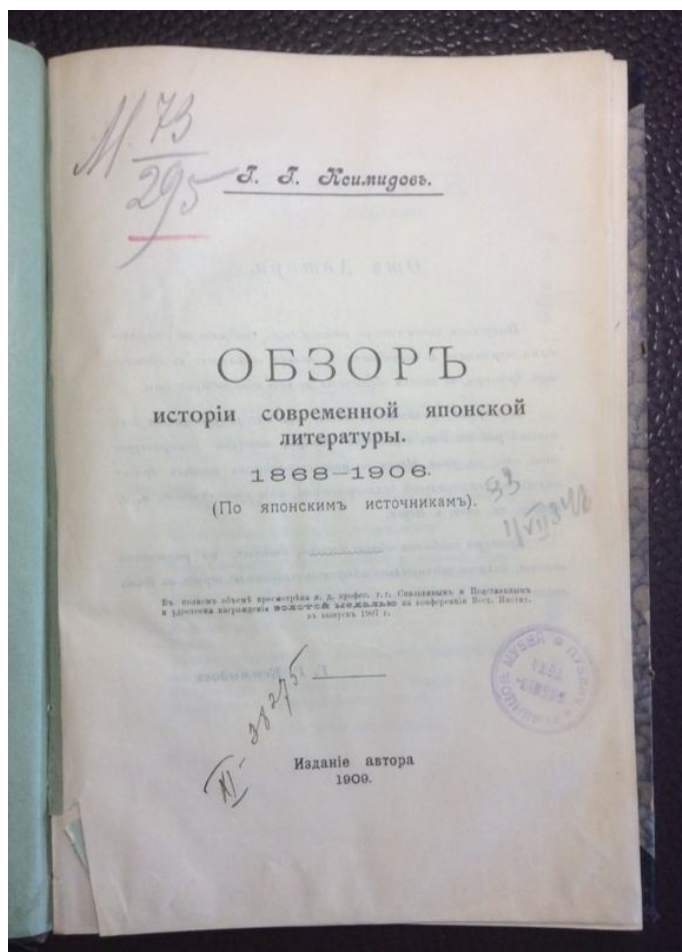
Обратимся теперь к труду Г.Г. Ксимилова «Обзор истории современной японской литературы 1868–1906», опубликованному в Хабаровске в 1909 г.

Этот пионерский труд, как уже говорилось, основан на выпускной письменной работе Ксимилова, за которую он получил золотую медаль. На титульном листе книги сказано, что она «в полном объёме просмотрена и.д. профес. (т.е. исполняющими должность профессора. – Л.Е.) гг. Спальвиным и Подставиным¹¹ и удостоена награждения золотой медалью на конференции Вост[очного] Инстит[ута] в выпуск 1907 г.»¹².

¹⁰ Отпевавший Г.Г. Ксимилова протоиерей Илья Мосолов (Мосолов Илья Иванович, 1867–?) (член совета Иоанно-Богословского братства, а также православного братства Пресвятой Богородицы, епархиального миссионерского комитета, попечительского совета общины сестёр милосердия всероссийского общества Красного Креста, настоятель Никольской церкви и т.д.) был арестован 11 сентября 1926 г., 6 апреля 1927 г. осужден к 3 годам высылки в Зырянский край, и дальнейшая его судьба неизвестна [Синодик. Протоиерей Илья Мосолов].

¹¹ Подставин – Г.В. Подставин, профессор корейского языка и литературы Восточного института. О Подставине см. [Хисамутдинов, 2015, с. 106–110], о Спальвине см. [Первый, 2007, с. 1–176].

¹² Здесь наблюдается временное нарушение – официально Г.Г. Ксимилов считается выпускником 1908 г. Объяснение, возможно, состоит в том, что аттестаты об окончании Института были выданы выпускникам 8 мая 1908 г., а выпускное письменное сочинение принималось и оценивалось на полгода раньше.



Титул книги Г.Г. Ксимидова «Обзор истории современной японской литературы 1868–1906», 1909 г.

По-видимому, сама дипломная работа была гораздо подробнее и объёмнее печатного варианта. Как сам Г. Ксимилов пишет в Предисловии к изданию, «выпускную студенческую работу свою, снабжённую специальными терминами и подробностями, автор сократил в настоящую брошюру в видах обеспечения за ней общедоступности. Материал, предлагаемый здесь, является результатом двухлетней работы над переводом истории японской литературы кандидата словесности японского университета Иваки наряду с разбором многих оригиналов из национальной беллетристики, под руководством и.д. (исполняющего должность. – Л.Е.) профес[сора] яп[онского] университета г. Ясуги. Брошюра снабжена общою частью, которая по расчётам автора должна значительно облегчить читателю труд в деле знакомства с материалом о писателях».

Скорее всего, тема для дипломного сочинения выбрана самим Ксимиловым. Это наше предположение ни на чём не основано, кроме живой заинтересованности, которая ощущается на каждой странице книги, а также очевидной трудностью задачи – кажется, что её можно взять на себя только добровольно. Сама по себе постановка проблемы представляется поистине сложной – ведь это работа по освоению и осмыслению текущего, ежедневно творящегося на глазах читателя литературного процесса. Автор берётся за написание литературной истории современного ему исторического отрезка времени – собственно, как мы теперь знаем, в период Мэйдзи уложилась и вся жизнь Ксимилова.

Кстати говоря, «кандидат словесности Иваки» тоже был молодым человеком – даже на год моложе Г.Г. Ксимидова, и это его первая книга «Мэйдзи бунгаку си» («История литературы периода Мэйдзи», 1906), вышедшая всего через четыре года после окончания им японского отделения филологического факультета Токийского Императорского университета. Несмотря на молодость автора, этот труд отличает фундаментальность, систематичность и насыщенность литературными фактами. Эта почти 400-страничная книга, не только фактологическая, но и концептуальная, японская литературная история рассматривается в ней как движение жанров – от традиционных к современным, через этап философско-эстетического освоения западной литературы в результате интенсивной переводческой деятельности. Кроме того, книга была первым исследованием в стране по литературе этого сложнейшего периода и стала во многом образцом для последующих теоретических работ в области литературной эстетики Мэйдзи. Современный историк литературы Кунимото Кавадзоэ пишет о значительном влиянии на Иваки теоретического труда Цубоути Сёё «Сё:сэцу синдзуй» («Сокровенная суть романа», 1885), а также эссе Футабатэй Симэй «Сё:сэцу со:рон» («Общая теория романа», 1886). Последний, в свою очередь, во многом опирался на работы В.Г. Белинского [Кавадзоэ, 1973, с. 16].

Надо думать, что Г.Г. Ксимидов самым внимательным образом отреферировал и частями перевёл исследование Иваки Дзюнтаро для своего дипломного сочинения – реферирование и перевод выполнялись тогда студентами Восточного института на всех отделениях как часть общей деятельности по формированию базы источников отечественного востоковедения. Но само это студенческое сочинение не сохранилось, а изданная Ксимидовым книга, после её сопоставления с трудом Иваки Дзюнтаро, предстаёт как глубоко авторское исследование, не являющееся ни переводом, ни рефератом, ни даже пересказом данной японской работы.

Собственно, Ксимидов цитирует Иваки лишь дважды – в связи с Гоголем. Он, вероятно, отталкивался от этого фундаментального труда, черпал в нём многие литературные факты. Но, судя по всему, он много работал и непосредственно с литературными произведениями исследуемого периода, а также пользовался иными, чем Иваки, источниками и исследованиями. Книга явно выражает индивидуальный, ксимидовский, взгляд на вещи, и это взгляд человека, в котором владение японским материалом и увлечённость им сочетается с позицией оригинального исследователя. Он не просто воспроизводит оценки японских критиков, а по-своему организует литературный материал в соответствии со своим пониманием и опытом, опытом российского учёного, для которого опорой была собственная словесность и собственная история, прошлая и современная, – как основа и повод для сопоставления и интерпретации.

Сказав про «опыт российского учёного», необходимо, вероятно, уточнить, что родным языком Г. Ксимидова, был скорее всего понтийский диалект греческого языка. Однако из его книги явствует ещё одна, не менее мощная культурная идентичность, с детских лет определяемая его принадлежностью к русскому языку и культуре. Именно с позиции носителя русского литературного и исторического сознания он интерпретирует и японский литературный процесс, и социально-исторические обстоятельства. Например, глава о влиятельном японском просветителе Фукудзава Юкити, который, по выражению

Ксимидова, «обессмертил своё имя» созданием нового литературного японского языка, называется: «Фукудзава – японский Ломоносов».

В книге Ксимидова мы находим концептуальные обобщения, касающиеся японской литературной истории, начиная с раннего её периода, его оригинальные взгляды на актуальную литературу; читателю предлагается обзор современной автору японской беллетристики и поэзии. Уделяется место и новым теориям романической прозы – трудам Цубоути Сёё «Сё:сэцу синдзуй» («Сокровенная суть романа») и творчеству Футабатэй Симэй. Кроме того, в приложении автор даёт переводы художественных произведений и их фрагментов.

Книга Ксимидова, по-видимому, сразу вызвала интерес среди русской читающей публики – её можно найти, например, в списке книг, приобретенных М. Горьким для его личной библиотеки, она была выписана им как новинка сразу после выхода. В полном издании писем писателя содержится письмо от 18 (31) декабря 1909 г., в котором Горький пишет С.П. Боголюбову¹³ с Капри: «Дорогой Семён Павлович! Будьте добреньки – пошлите купить книжки по прилагаемым объявлениям. И не найдется ли книга: Ксимидов – Очерк истории японской литерат[уры] – издана в Благовещенске, но продаётся и в Питере. Всех благ. <...> А. Пешков» [Горький, 2001, с. 225]¹⁴.

Кстати сказать, несмотря на значительное развитие отечественного востоковедения за прошедшее столетие и появление многочисленных и разнообразных исследований по литературной истории Японии, 120-страничная работа Г.Г. Ксимидова и поныне остаётся живым и важным источником по литературе эпохи Мэйдзи – этого сложнейшего переходного периода в истории японской культуры. Это были свидетельства современника, написанные по горячим следам.

В то же время работа построена по жанрам и направлениям: в ней отражены последовательно, по главам «шуточные писатели», романтизм, начало политической и социальной беллетристики, натурализм, отдельные литературные направления. И, надо сказать, исторические обстоятельства сложились так, что до 70-х годов XX века этот «Обзор» был практически единственным существующим исследованием, специально посвящённым литературе Мэйдзи. Аналитическое и систематизированное изложение истории литературы Мэйдзи было затем подготовлено Н.И. Конрадом в 1934 г., однако оно долгое время оставалось недоступным для широкого читателя, поскольку существовало

¹³ Боголюбов С.П. (ум. 1927 г.) – заведующий конторой культурно-просветительского паевого изд-ва «Знание» в Петербурге, действовавшего в 1898–1913 гг.

¹⁴ Следует исправить две неточности в связи с этим письмом Горького – одна допущена самим Горьким, другая – составителями Полного собрания его писем. Во-первых, вместо Хабаровска, места издания книги Г. Ксимидова, Горький ошибочно называет Благовещенск. Вторая неточность – в примечаниях к этому письму составители тома пишут: «КСИМИДОВ Г.Г., профессор Хабаровского университета, историк литературы; автор книги “Обзор истории современной японской литературы: (По японским источникам)”». Как мы знаем, Г.Г. Ксимидов не был профессором Хабаровского университета – в течение двух лет между окончанием Восточного института и преждевременной кончиной он состоял на дипломатической службе.

Покупка М. Горьким этой книги была неслучайной – за время литературной деятельности у него вообще собралась довольно большая коллекция книг по японской литературе, а также предметов японского искусства; кстати говоря, он был ещё и членом редакционной комиссии экспертов Восточного отдела издательства «Всемирная литература», созданного по его инициативе и просуществовавшего с 1919 по 1923 г. Но, как мы видим на примере книги Ксимидова, и до этого он при всякой возможности выписывал себе книги, связанные с Японией.

только в рукописи как материал лекций для студентов и было опубликовано лишь в 1973 г. В составе посмертного издания архива ученого «Очерки японской литературы».

Книга Ксимидова, как нам представляется, довольно сильно отличается и от его дипломного сочинения, и от исследования Иваки Дзюнтаро. Это видно уже хотя бы по тому, что в книге Иваки японская литературная история доведена до 1903–1904 гг., о чём он сам пишет в предисловии [Иваки, 1906, с. 5]. Что же касается Ксимидова, то, хотя он говорит, что его «Обзор» охватывает период в 38 лет – с 1 г. Мэйдзи (1868 г.) до 1906 г., но автором учтены, переведены во фрагментах и процитированы новейшие произведения японской словесности, увидевшие свет в 1909 г., в год выхода книги. Из этого становится очевидным, что Ксимилов и после завершения дипломной работы и окончания Института продолжал работать над своей темой и следить за литературными новинками и событиями вплоть до сдачи рукописи в типографию.

А литературный процесс в современной Ксимилову Японии и в самом деле шёл чрезвычайно бурно и активно. Иваки в своей книге пишет, что «история обновленческих реформ – это история разрушения», имея в виду разрушение прежних идей, старых обычаев и т.п. [Иваки, 1906, с. 3]. Ксимилов в «Общей части» работы, в главе под названием «Дух времени», характеризует это время следующим образом: «Период этот чрезвычайно разнообразен, чужд постоянства и вообще тех характерных признаков, кои присущи литературным течениям народов Европы. Несомненно, что причина этого непостоянства, этой своеобразности японской литературы скрывается в самой жизни, которая складывалась у нации в описываемый период как-то странно, быстро и, именно, своеобразно» [Ксимилов, 1909, с. 3].

Эта «Общая часть» написана Ксимиловым так, чтобы дать представление широкому читателю о тех сложных процессах адаптации западной культуры и освоения нового уклада жизни, которые начались в стране вместе с отменой японской закрытости миру и переходу власти от сёгуна к императору.

Побывавший в Японии в самом начале XX века, сразу после Русско-японской войны, Ксимилов, видимо, отчётливо почувствовал не только новые, динамичные тенденции, но и инерцию старого, и сопротивление традиционного социального устройства и культуры.

Ксимилов говорит о соседстве этих течений как об остром культурном конфликте самых первых двух десятилетий Мэйдзи: «Литература этого времени выразилась в разных переводах, по преимуществу из сочинений времён французской революции и нигилистического движения России, под такими заглавиями, как “Песнь торжествующей свободы”, “Кровавая волна Запада” и т.п. Собственно, с этого момента и начинается заблуждение японских литераторов, которые задумали создать западный культурный мир с его возвышенными понятиями, с его упорядоченной семейной жизнью на слишком уже глубоко залёгших основах родной психологии, этики и морали. Но так или иначе страна ежегодно выдвигала на литературное поприще десятки писателей и переводчиков, которые наводняли книжный рынок своими, чуждыми и малопонятными читателю, работами. Критика молчала, и единственным оценщиком литературы являлся вкус читателя. Но вкус этот в свою очередь сообразовался с модой, с той или другой временной настроенностью нации, а потому литераторам приходилось разбрасываться и приспособляться, чтобы таким путём найти сбыта своему свободному труду» [Ксимилов, 1909, с. 5].

Ксимилов описывает социокультурную и политическую обстановку первых десятилетий Мэйдзи, включая восстание Сайго Такамори против новых порядков. Переходя затем к 1890-м годам, которые он называет самыми важными и плодотворными годами периода, в частности, Ксимилов рассказывает и об охранительной реакции на столь стремительное социокультурное обновление, об образовании философско-политического кружка «Сэйкё:ся» (1888), инициаторы которого призывали к отказу от чрезмерного увлечения всем западным и к сохранению национальной культуры, которая, по мнению Ксимилова, «будучи обновлённой лучшими сторонами культуры запада, может удовлетворить запросам переживаемого времени и, в то же самое время, – отвечать требованиям разумно-прогрессивной жизни страны» [Ксимилов, 1909, с.22]. С точки зрения Ксимилова, деятельность тогдашнего правительства, благодаря принятию в 1889 г. новой Конституции Мэйдзи и осуществлению национализации школ, «примирила обе партии и, вернув нацию к самобытности, но самобытности, уже обновлённой западом, – направила литературные силы на служение не политике, а художеству – литературе, как чистого искусства. Уже в 23 г. Мэйдзи (1890 г. – Л.Е.) выходит в печати 1-й том сборника полного собрания наследственной литературы (всего 24 тома), а за этим следуют одно за другим – сборник поэзии (12 томов) и остальные тома полного собрания».

Для Ксимилова, который видел события первого десятилетия XX века, всё это было знаками преодоления острого кризиса между «архаистами и новаторами», «почвенниками и западниками», победа линии умеренных. Через тридцать лет уже были очевидны опасные последствия этого движения. Н.И. Конрад в своих материалах по литературе Мэйдзи напишет про «Сэйкё:ся» – «Общество политического просвещения» – и стоявшего во главе его Миякэ Сэцурэй: «Общественно-политические взгляды Миякэ отличались определённым консерватизмом. Это впервые выявилось в 1884–1885 годах в связи с позицией, занятой им по отношению к движению за романизацию японского письма. Он выступил против этого движения во имя необходимости сохранять своё «национальное достояние». <...> Эти свои «охранительные» взгляды Миякэ перенёс и на страницы вновь основанного журнала «Ниппондзин», провозгласив в нём лозунг «Кокусуй ходзон» – «Охрана национальной красоты». Этим самым Миякэ и его единомышленники стали во главе националистической реакции конца 80-х и начала 90-х годов прошлого столетия» [Конрад, 1973, с. 84]. Несмотря на более резкую по тону критику, конечный вывод у Н.И. Конрада примерно такой же, как у Ксимилова: «Новая литература для того, чтобы выйти на широкую дорогу, нуждалась в обогащении своих выразительных средств, новые писатели нуждались в “учёбе у классиков”». <...> Усвоив это наследие, новая литература получила прочную базу для своего дальнейшего развития» [Конрад, 1973, с. 328].

Надо сказать, что романизация, вообще реформа письма, в те времена была одним из предметов ожесточённой дискуссии. Нынешнему японоведу интересно будет прочитать приводимую Ксимиловым революционную выдержку из эссе Фукудзава «Учение о стиле»: «теперь же мы должны подготовиться к уничтожению китайских иероглифов; эта подготовка должна выразиться пока в сокращении числа этих знаков до 3000. Такое количество иероглифов для нас будет вполне достаточным, ибо лично я в трёх томах своей работы пользовался только лишь 1000 знаками», а на изучение иероглифов тратится «большая доля энергии и сил японской молодёжи» [Ксимилов, 1909, с. 18].

Из книги явствует также, что Ксимилов использовал не только прочитанные им в большом объёме печатные материалы, но и свои собственные, непосредственные японские впечатления и наблюдения, в которых отразились обе описанные им тенденции – и жажда всего нового, и охранительность. Так, он пишет: «Перестраиванию Японии, так сказать, её культивированию на европейский лад, много содействовала пресса, которая ни в одном из европейских государств не расширялась с такой быстротой, как мы это видим в Японии. За каких-нибудь 40 лет столица Японии уже насчитывает сотни разных изданий, в которых сотрудниками являются люди передовые, люди европейски образованные. И всё это печатное слово читается всей нацией: читают старые и малые, читают мужчины, читают и женщины; читает министр, читают и возницы. Главные пункты остановок трамвая с утра до вечера запружены разносчиками газет, и для всех этих изданий находятся поклонники-читатели. Да, нужно быть только внимательным наблюдателем, чтобы поразиться особой привязанностью японцев к газетному делу. Малообразованная молодёжь читает часто нараспев, чтобы таким механическим способом запомнить слова и даже целые фразы и мысли, а издатели, чтобы облегчить чтение своих газет, обыкновенно, параллельно с основным текстом китайского письма обозначают чтение японским алфавитом» [Ксимилов, 1909, с. 9].

С другой стороны, оказавшись в Японии через полтора года после окончания Русско-японской войны, Ксимилов остро почувствовал атмосферу японского патриотизма, выразившуюся в формуле «*Яматодамасий*», «дух Ямато»: «Не всё в Японии обстоит так благополучно, как нам кажется. Т.е. узкие идеалы милитаризма, в тисках которых заключена почти вся государственная жизнь нации, пока говорят нам только об опасности, которой подвергают этот жизнеспособный и деятельный народ его монопольные властелины – генералы. Мы были свидетелями идеально-жизненной дисциплины японского народа; мы были удивлены той неувовимо-животворящей связью, которая так мощно сковала 45 милл[ионов] людей в одно неразрывное, несокрушимое и враждебное нам целое. Но наряду с этим мы читали, как нация, будучи не в силах затаить в себе ту исторически сложившуюся ненависть и ту неизбежную жажду к борьбе, ознаменовала Портсмутский договор целым рядом беспорядков, которые являлись большой угрозой дальнейшему благополучию страны. Но то произошло уже после небывалых кровавых событий, когда прошли уже очевидные симптомы болезненности у народа и он стал смотреть на вещи трезвее» [Ксимилов, 1909, с. 99].

В «Обзоре» Ксимилов рассказывает о некоей книжной новинке на военные темы. Он переводит её название как мемуары Русско-японской войны, озаглавленные «Телом и сталью» («*нику-дан*»). «Не за художественные достоинства и не за свою историческую правдивость эта печальная летопись кровавых событий заслужила внимание нации, а за то, что в ней – в этой летописи каждый факт, каждая кровавая сцена рассмотрена автором в связи с “*Яматодамасий*”. От этого духа исходит всё, и к нему же, в конце концов, и направляется всё. Когда 12 атак японцев на русские укрепления оказывались безуспешными, когда, по словам автора, “русские пули сыпались, как проливной дождь”, и ошалевшие солдаты бессознательно останавливались, тогда выступали вперёд офицеры со словами: “где же, чёрт возьми, так называемое *Яматодамасий*!”, и сыны Ямато бросались после этих слов вперед и “швыряли своими телами, вместо стали”. <...> “Где же та сила, которая вела людей на

очевидную смерть, где то орудие, которое заставляло живых людей сознательно обращаться в пушечное мясо?» – спрашивает русский офицер и отвечает: – “это не созидаящая сила, неудержимо влекущая к сознательной цели, нет, это рок, влекущий людей вперёд, даже помимо сознания и жажды жизни отдельных лиц, это именно Яматодамасий...”» [Ксимилов, 1909, с. 7–8].

Видимо, Ксимилов прочёл эту книгу, уже будучи во Владивостоке, она вышла в 1906 г. Он отметил её отдельно недаром, здесь сто́ит отдать должное его выбору – книга скоро стала мировым бестселлером, её тут же перевели на множество языков, на русский она была переведена с английского и издана в 1909 г., явно уже после выхода ксимиловского «Обзора»: Ксимилов перевел её название как «Телом и сталью», а в опубликованном переводе – «Живые ядра: очерк боевой жизни японской армии под Порт-Артуром»¹⁵. За первые три года после выхода эта книга выдержала в Японии 49 изданий. Её автор был с почётом принят японским императором и немецким кайзером, Т. Рузвельт восхищался стойкостью и убежденностью главного героя этих автобиографических записей, где «Яматодамасий» описывается как «духовное электричество». Пройдёт несколько десятилетий, и станет понятно, что это был род религии, идейно питавшей японский милитаризм и приведший к самым трагическим последствиям для страны.

Говоря о последующих произведениях японской прозы того времени, Ксимилов часто приводит переводы фрагментов произведений, которые считает нужным представить русскому читателю. В небольшом, в сущности, «Обзоре» Ксимилова вообще много цитат и переводов из разных произведений, – чувствуется, что литературный перевод был его увлечением.

Как сам он формулирует свои цели и результаты, «придерживаясь критики историков японской литературы, мы представили на суд читателя целый ряд лучших беллетристических работ, появившихся в период современного правления. Мы не сомневаемся, конечно, что читателю-европейцу, воспитавшему в себе литературный вкус на художественных творениях выдающихся беллетристов Европы, мэйдзийская литература покажется мало удачной... Но читатель сделает громадную ошибку, если в своих взглядах на новую японскую литературу будет руководствоваться этим своим чувством, как исходной точкой. Ведь приводимый нами литературный период обнимает собою 37 лет. За этот короткий период создалась новая жизнь, новая блестящая история, и произошла эволюция общественной мысли, – и всё это, можно сказать, полностью сфотографировано в литературных образах...» [Ксимилов, 1909, с. 71].

Ксимилов указывает, что в 1906 г. в Японии вышло два произведения, которые стали надеждой нации на литературное возрождение, и не ошибается в выборе – он называет «романы “Хакай” и “Вагахай-ва-нэко-дэ-ару”», пересказывает их содержание и даёт краткую характеристику [Ксимилов, 1909, с. 72]. Речь, конечно, идёт о признанных теперь современной классикой романах Симадзаки Тосон («Нарушенный завет», пер. Н.И. Фельдман, М.-Л., 1931) и Нацумэ Сосэки («Ваш покорный слуга кот», пер. Л. Коршикова и А. Стругацкого, М., 1960). Эти два издания, как и военный роман Сакураи 1906 г., в исследовании Иваки не названы, – как говорилось выше, оно заканчивается 1904 г.,

¹⁵ Имя автора в русском переводе ошибочно транскрибировано как Тадеучи Сакурай, правильно: Сакураи Тадаёси.

т.е. Ксимилов и тут работает с оригиналами или же другими источниками, кроме работы Иваки.

Важное место в работе Ксимилова занимает японская поэзия. О ней он пишет, что «в период китайско-японской и русско-японской войн, когда японские поэты вдохновлялись или “духом Японии” (*Яматодамасий*), или же только тем, что имело отношение к этому духу. Поэзия в эти промежутки мельчала, грубела, приходила в упадок. Единственным поэтом страны, не поддавшимся подкупу времени, является Тоосон, у которого поэзия в лучшей своей части обоснована на природе...» (с. 77). Упоминает Ксимилов и о тех поэтах, у кого в душе пробуждается участие «к горькой доле простого народа».

В «Обзоре» Ксимилова рассказ о поэзии также содержит подглавки «хокку», «ута или вака», «синтайси» («стихи свободной формы»). Автор рассказывает также о новых тенденциях и объединениях в поэзии танка, о поэтических опытах первых реформаторов танка Отиаи Наобуми, Сасаки Нобуцуна и др. Как это было с романами, Ксимилов не ошибается и в выборе поэтов, которым отводит отдельные главы, – это Симадзаки Тосон и Дои Бансуй, и, кстати говоря, впоследствии отдельное внимание именно этим поэтам уделяется и в аналитических набросках к лекциям Н.И. Конрада.

В связи с хокку Ксимилов замечает: «В 10 году мейдзи (1877 г. – Л.Е.) – в самый разгар увлечения японцами западом, занятие по составлению «хокку» считалось уже делом несерьёзным, или, как говорит японский историк, – «детской забавой». Только лишь в 25 году (1892 г. – Л.Е.) начинаются новые серьёзные работы над этой национальной поэзией. Отцом такого серьёзного её направления является Масаока Сики». Рассказав о реформе хайку и поэтической теории, предложенной поэтом Масаока Сики, Ксимилов справедливо пишет, что «теория эта сыграла в судьбе означенной поэзии почти такую же роль, какую сыграла раньше упомянутая теория Сиосецу (*сё:сэцу*. – Л.Е.) Синдзуй» в истории развития беллетристики» [Ксимилов, 1909, с. 80].

Любопытна рассказанная Ксимиловым история дебатов о японской поэзии, которые тогда, видимо, были у всех на слуху, а сейчас практически неизвестны. Речь идёт о диспуте 1895 г. между Карлом Флоренцем, выдающимся немецким филологом-японоведом, автором фундаментальной «Истории японской литературы» (Лейпциг, 1906) и Уэда Кадзутоси (Маннэн), известным специалистом в области японского языкознания. В журнале Токийского университета 1906 г., пишет Ксимилов, этот диспут стал предметом нового оживлённого обсуждения. Дело в том, что Флоренц, «великий знаток японского языка и японской литературы», как его называет Ксимилов, переводил японскую поэзию, в частности стихотворение Аракида Моритакэ (1473–1549) «*Ракка эда-ни модору то мирэба котё: кана*» («Опавший цветок / на ветку вернулся. / Глянул – да это бабочка!»). Флоренц дал стихотворению заголовок «Оптическая иллюзия» и далее перевёл на немецкий так: «Wie? Schwebt die Blüte, die eben fiel, / Schon wieder zum Zweig am Baum zurück? / Das wäre fürwahr ein seltsam Ding! / Ich näherte mich und schärfte den Blick... / Da fand ich – es war nur ein Schmetterling». («Как это? Полетел цветок, только что упавший, / обратно на ветку дерева? / Вот уж удивительное дело! / Я подошёл и взгляделся. / И тут понял, что это бабочка»). Сам Флоренц объяснял свой европеизированный перевод тем, что японские стихи фатально коротки, а это будет препятствием для их вхождения в сокровищницу мировой поэзии [Inaga, 2013, pp. 44–45].

Ксимилов пишет об ответе японского филолога: «Вот по поводу этих свободных переводов и появилась критика Уэда, который с некоторой насмешкой пишет: “Для того, чтобы понимать «хокку», нужно предварительно знать, кто был поэт стиха и какого характера он был человек! Ведь японские стихи-«хокку» составляются не для того, чтобы заставлять людей смеяться, а в них всегда заключается и цвет, и плод. – Будучи написан со вкусом по содержанию, стих должен быть непременно передан 17-ю слогами. Вот почему, – заключает профессор Уэда – перевод японского «хокку» европейцу недоступен”» [Ксимилов, 1909, с. 79–80].

Наверно, одной из последних сиюминутных литературных новостей, вставленных Ксимиловым в раздел поэзии перед самой сдачей книги в печать, было новогоднее ритуальное состязание по составлению пятистиший *вака* при Песенной палате императорского двора 1909 г. Согласно ксимиловскому обзору, «в нынешнем 1909 году была предложена тема: “Сосна в снегу” и было представлено в “О ута докоро” [Песенную палату. – Л.Е.] 25 408 стихов. Причем 16 было от принцев крови и от императора, императрицы и наследника, 104 от дворян, 947 от титулованных лиц, а все остальные от всех губерний, и между прочим с о. Сахалина 6, из Америки 16, из Китая 62, из Кореи 142, из Канады 2 и из Сибири 1». Ксимилов приводит танка, сочинённую императором Мэйдзи («Год за годом снег валит на старую сосну, но она делается более верной (крепнет), т.е. японский народ, подобно гнувшейся под тяжестью снега сосне, ежегодно терпит невзгоды, но эти лишения ничуть не колеблют его верности трону и отечеству»), а также стихотворение простого крестьянина («Хлопья снега – эти предвестники хорошего урожая, и для сосны не тяжелы»). Но премию, сообщает Ксимилов, получила домохозяйка, написавшая: «Подобно долголетнему белому снегу, сложившемуся в роще молодых сосен, – и тысячелетия твоей династии...».

Отдельное место в книге уделяется переводческой деятельности литераторов Мэйдзи и прежде всего переводам русской литературы. Ксимилов отмечает, что в настоящее время «Япония имеет в переводах почти все сочинения Л.Н. Толстого, мелкие рассказы Достоевского, почти все произведения Тургенева, часть произведений Лермонтова, Гоголя, Чехова и Горького»; в комментариях он указывает, что переводы эти сделаны с английского (хотя часть произведений переводилась с оригинала). Как он пишет, «значение русских писателей в деле эволюции общественной мысли страны, по словам самих же японцев, становится первенствующим. Особенную роль в этом отношении предстоит сыграть нашим писателям Гоголю и Л.Н. Толстому». Ксимилов приводит любопытные связанные с Толстым факты, и жаль, что не даёт при этом конкретной отсылки к источнику. «Моя исповедь» Л. Толстого, как он пишет, «переведена кандидатом киевской духовной академии выпуска 1893 года г. Кониси¹⁶. О г. Кониси передают его товарищи следующий курьёзный случай: окончив академию, г. Кониси отправился к Льву Николаевичу с миссионерской целью, или по другой вариации – “привести Толстого в христианство”. Л.Н. принял Кониси ласково, выслушал его рассуждения по поводу “заблуждений Толстого в евангелических истинах” и на прощание подарил ему русское евангелие с собственноручными заметками карандашом (евангелие это

¹⁶ В тексте – Каниси, вероятно, это опечатка, каких в книге немало, один только список замеченных опечаток в конце книги составляет 24 слова. По-видимому, имеется в виду Кониси Масутаро:, во крещении Даниил Петрович Кониси (1862–1940), выпускник Киевской духовной семинарии 1892 г. Стал толстовцем, а также автором первого перевода трактата «Дао дэ цзин» на русский язык – книга под редакцией Льва Толстого была издана в 1894 г. Он был единственным японцем на похоронах писателя в 1910 г.

и по сие время хранится у г. Кониси, как драгоценность). Не прошло и двух месяцев по возвращении в Токио г. Кониси, как преосвященный Николай, столкнувшись с ним по религиозным вопросам, обнаружил в нём ярого приверженца толстовских взглядов на религию»... [Ксимилов, 1909, с. 96–97].

Завершая наш анализ «Обзора» Г.Г. Ксимилова, вышедшего более ста лет назад, скажем, что нельзя не оценить широту охвата, живой слог и горячую заинтересованность автора, в сущности, ещё совсем молодого человека, выпустившего свою книгу всего через шесть лет после того, как он впервые приступил к изучению японского языка и культуры.

Предмет его был в самом деле нелёгок – автор в своем «Обзоре» характеризует литературную обстановку следующим образом: «Лучшие писатели страны уже умерли, а живущие бросили перо. <...> Что касается молодых писателей, то они пока путаются в философских доктринах западных писателей и теряются в бездне недоступных им вопросов...» [Ксимилов, 1909, с. 71].

В целом, несмотря на масштаб поставленной задачи и отсутствие временной дистанции с описываемым материалом, автору «Обзора», как показало время, удалось уловить самое важное в событиях и тенденциях актуального литературного потока, обратить внимание читателя на самые значительные литературные фигуры и явления. И для современного японоведа, как филолога, так и историка, многие выводы автора и приводимые им детали оказываются любопытными и существенными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баранов И.Г. Четыре года в Восточном институте. 1907–1911 гг. Из личных воспоминаний // Воспоминания о Восточном институте, 1907–1911 гг. / сост. А.А. Хисамутдинов, Г.П. Турмов. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015. С. 30–182.

Всеобщий календарь 1909 г. СПб.: издание П.П. Сойкина. 694 с.

Горький М. Полн. собр. соч. Письма в 24 тт. М.: Наука, 2001. Т. 7. 623 с.

Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф.29-И. Оп. 3. Д. 655. Л. 373 оборот-374. Архивный фонд Благовещенской духовной консистории, метрическая книга Покрово-Николаевской церкви города Благовещенска за 1910 г., актовая запись №16.

Государственный Архив Приморского Края (ГАПК). Ф.Р.-115. Оп.1. Д.554. Л.32.

Еланцева О.П. «Совершенно новое учреждение и неизведанное дело»: к становлению Восточного института во Владивостоке. Гуманитарный вектор. 2012. №2 (30). С. 132–142.

Ермакова Л.М. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. М.: Языки славянской культуры, 2005. 269 с.

Жарова Е.Ю. О вступительных экзаменах в университеты Российской империи конца XIX – начала XX вв. Вестник Пермского университета. 2016. №3. С.32–41.

Иваки Дзюнтаро. Мэйдзи бунгаку си. (История литературы периода Мэйдзи). Токио: Икуэйся, 1906. 377 с.

Иванова Г.Д. Японоведение во Владивостоке (начало XX в.). – Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX веках. Санкт-Петербург: Фонд по изучению истории православной церкви, 1998. С. 25–49.

Кавадзоэ Кунимото. Иваки Дзюнтаро:-но «Мэйдзи бунгаку си» то Футабатэй Симэй-но «Сё:сэцу со:рон»: [«История литературы периода Мэйдзи» Иваки Дзюнтаро и «Общая теория романа» Футабатэй Симэй]. // Бунгэй ронсо. Изд. ун-та Риссё:.Токио, 1973. С. 15–17.

Кокаева А.В. Появление греков на территории Северного Кавказа. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2010. С.46–64.

Конрад Н. И. Очерки японской литературы. Статьи и исследования. М.: «Худож. лит.», 1973. 462 с.

Ксимилов Г.Г. Обзор истории современной японской литературы: 1868–1906: (По япон. источникам). – Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1909. 121 с.

Нихондзин то росиаго. Росиаго кё:ику-но рэкиси: [Японцы и русский язык. История преподавания русского языка]. Токио: Нихон росиа бунгакукай, Наука, 2000. 453 с.

Первый профессиональный японовед России: опыт латвийско-российско-японского исследования жизни и деятельности Е. Г. Спальвина / ДВГУ, Восточный институт [сост., отв. ред. А. С. Дыбовский]. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. 186 с.

Российский Государственный Исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 2033. Л. 112.

Рудянов Г.С. Греческая диаспора на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века: дис. Пятигорск, 1998. 244 с.

Сакурай Тадеучи. Живые ядра: очерк боевой жизни японской армии под Порт-Артуром. Изд. В. Березовский, комиссионер военно-учебных заведений. СПб., 1909. 248 с.

Сато Ёсиюки. Ясуги Садатоси то росиагоаку. Мэйдзи-Тайсё:-но гэнгоаку. Соно 8: [Ясуги Садатоси и исследования по русскому языку. Языкознание периода Мэйдзи-Тайсё]. Часть 8 // Сё:ва дзёси дайгаку киндай бунка кэнкюсё. Гакуэн, 2008. №816. С. 64–72.

Серов В.М. Становление Восточного Института (1899–1909 гг.) // Изв. Вост. ин-та. Владивосток. 1994. С.14–36.

Сибя Нобухиро. Росиаго кёси Дусян Тодоровити то дайитидзи сэкай тайсэн хэнкё: тиики сюссинся-но насёнару айдентити: [Преподаватель русского языка Душан Тодорович и национальная идентичность выходцев из приграничных районов в Первую мировую войну] // Дзёсай дайгаку тю:о: кэнкю:сё . Тю:о: кэнкю:. 2017. №3. С. 1–25.

Синодик. Новомученики и исповедники Благовещенской епархии XX века. URL: <http://sinodik.e-vedomosti.ru/search?q=%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2> (дата обращения: 17.01.2019).

Сушко А.В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 107–114.

Хисамутдинов А.А. Основатель школы корееведения Г.В. Подставин // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1. С. 106–110.

Хисамутдинов А.А. Российские толмачи и востоковеды на Дальнем Востоке. Материалы к биобиблиографическому словарю. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2007. 276 с.

Хияма Синъити. Первый лектор-японец Восточного института / пер. с яп. З.Ф. Моргун // Известия Восточного института. Владивосток. 1994. №1. С. 48–51.

Центральный Государственный Исторический Архив Грузии. Ф. №138. Арх. № 43659.

Inaga Shigemi. Fracturing the Translation or Translating the Fractures? Questions in the Western Reception of Non-Linear Narratives in Japanese Arts and Poetics. *Comparative Critical Studies* 10 (supplement): October 2013: 39–56.

REFERENCES

Baranov, I.G. (2015). Chetyre goda v Vostochnom institute. 1907–1911 gg. Iz lichnykh vospominaniy [Four years at the Oriental Institute, 1907-1911. From personal reminiscences], in A.A. Khisamutdinov, G.P. Turmov (ed.), *Vospominaniya o Vostochnom institute, 1907-1911 gg.* [Reminiscences of Oriental Institute, 1907-1911], Vladivostok: Far Eastern Federal University: 30–182. (In Russian).

Dybovsky, A.S. (ed.). (2007). Pervyy professional'nyy yaponoved Rossii: opyt latviysko-rossiysko-yaponskogo issledovaniya zhizni i deyatel'nosti E. G. Spal'vina [The first professional scholar of Japan in Russia: an attempt of Latvian-Russian-Japanese study of E.G. Spalvin's life and work], Vladivostok: Izdatel'stvo DVGU. (In Russian).

Elantseva, O.P. (2012) «Sovershenno novoye uchrezhdeniye i neizvedannoye delo»: k stanovleniyu Vostochnogo instituta vo Vladivostoke [“A completely new institution and unexplored enterprise”: on the formation of the Oriental Institute in Vladivostok], *Gumanitarnyy vector*, 2 (30): 132–42. (In Russian).

Ermakova, L.M. (2005). Vesti o Yapan-ostrove v starodavney Rossii i drugoye [The tidings on Iapan island in old Russia, and other matters], Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian).

Gorky, M. (2001). Poln. sobr. soch. Pis'ma v 24 tt. [Full collection of works. Letters in 24 volumes], Vol. 7, Moscow: Nauka. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Amurskoy oblasti (GAAO), F.29-I. op. 3, d. 655, l. 373 oborot-374. Arkhivnyy fond Blagoveshchenskoy dukhovnoy konsistorii, metricheskaya kniga Pokrovo-Nikolayevskoy tserkvi goroda Blagoveshchenska za 1910 g., aktovaya zapis' №16 [The State Archive of Amur Oblast. F.29-I. inv. 3, file 655, 373 reverse side-374. Archive depositaries of Blagoveshchensk consistory, register of birth of the Pokrov-Nikolayevskaya church, record 16]. (In Russian).

Gosudarstvennyy Arkhiv Primorskogo Kraya (GAPK), F.R.-115, op. 1, d. 554 [The State Archive of Primorsky Krai, inv. 1, file 554]. (In Russian).

Hiyama, S. (1994). Pervyy lektor-yaponets Vostochnogo instituta (per. s yap. Z.F. Morgun). [The first Japanese lecturer at the Eastern Institute (translated from Japanese by Z.F. Morgun)], *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 1: 48–51. (In Russian).

Inaga, S. (2013). Fracturing the Translation or Translating the Fractures? Questions in the Western Reception of Non-Linear Narratives in Japanese Arts and Poetics, *Comparative Critical Studies*, 10 (supplement): 39–56.

Ivanova, G.D. (1998). Yaponovedeniye vo Vladivostoke (nachalo XX v.) [Japan Studies in Vladivostok (early 20th century)], in *Iz istorii religioznykh, kul'turnykh i politicheskikh vzaimootnosheniy Rossii i Yaponii v XIX-XX vekakh* [From the history of religious, cultural, and political relations between Russia and Japan in 19th – 20th centuries], Saint Petersburg: Fond po izucheniyu istorii pravoslavnoy tserkvi, [Foundation for the historical studies of the Orthodox church]: 25–49. (In Russian).

Iwaki, J. (1906). *Meiji bungakushi* [The History of Meiji literature], Tokyo: Ikuyōusha. (In Japanese).

Kawazoe, K. (1973). Iwaki Juntarō-no «Meiji bungakushi» to Futabatei Shimei-no «Shōsetsu sōron» [“The History of Meiji literature” by Iwaki Juntarō and “The General Theory of a Novel” by Futabatei Shimei], *Bungei ronso*: 15–17. (In Japanese).

Khisamutdinov, A.A. (2015). Osnovatel' shkoly koreyevedeniya G.V. Podstavin [G.V. Podstavin, the founder of the school of Korean studies], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1: 106–10. (In Russian).

Khisamutdinov, A. A. «Rossiyskiye tolmachii i vostokovedy na Dal'nem Vostoke. Materialy k biobibliograficheskomu slovaryu» [Russian interpreters and orientalists in the Far East. Materials for the bio-bibliographic dictionary], Vladivostok: DVGU Publishing House. (In Russian).

Kokayeva, A.V. (2010). Poyavleniye grekov na territorii Severnogo Kavkaza [The appearance of Greeks in the territory of North Caucasus], *Vestnik RUDN*, 1: 46–64. (In Russian).

Konrad, N. I. (1973) *Ocherki yaponskoy literatury. Stat'i i issledovaniya*. [Essays on Japanese literature. Articles and studies], Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Ksimidov, G.G. (1909). *Obzor istorii sovremennoy yaponskoy literatury: 1868–1906*. (Po yaponskim istochnikam). [The outline of the contemporary Japanese literature: 1868–1906. Based on Japanese sources], Khabarovsk: Tipografiya Kantselyarii Priamurskogo general-gubernatora; 121. (In Russian).

Nihonjin to roshiago. Roshiago kyōiku no rekishi. (2000). [The Japanese and the Russian language. The history of teaching Russian], Tokyo: Nihon roshia bungakukai, Nauka. (In Japanese).

Rossiyskiy Gosudarstvennyy Istoricheskiy arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV) [Russian State Historian Archive of the Far East], Inv. 702, Rec. 1, File 2033. (In Russian).

Rudyanov, G.S. (1998). *Grecheskaya diaspora na Severnom Kavkaze vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: Dissertatsiya* [The Greek Diaspora in the North Caucasus in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries (doctoral thesis)], Pyatigorsk. (In Russian).

Satō, Y. (2008). Yasugi Sadatoshi to roshiagogaku. Meiji-Taishō-no gengogaku. Sono 8 [Yasugi Sadatoshi and the studies in Russian language. Linguistics in Meiji-Taishō periods. Part 8], *Gakuen*, 816: 64–72. (In Japanese).

Serov, V.M. (1994). Stanovleniye Vostochnogo Instituta. (1899–1909 gg.) [The formation of the Oriental Institute (1899–1909)], *Izvestiya Vostochnogo instituta*: 14–36. (In Russian).

Shiba, N. (2017). Roshiago kyōshi Dusyan Todorowichi to daiichiji sekai taizen henkyō chiiki shushshinsha no nashyonaru aidentiti [The teacher of Russian language Dušan Todorovitch and the national identity of the people from frontier regions during the First World War], *Chūō kenkyū*, 3: 1–25. (In Japanese).

Sinodik. Novomucheniki i ispovedniki Blagoveshchenskoy eparkhii XX veka [Bead-rolls. New martyrs and confessors of Blagoveshensk eparchy in the 20th century], URL: <http://sinodik.e-vedomosti.ru/search?q=Mosolov> (accessed: 17.01.2019). (In Russian).

Sushko, A.V. (1996). Dukhovnyye seminarii v Rossii (do 1917 g.) [Seminaries in Russia (before 1917)], *Voprosy istorii*, 11–12: 107–14. (In Russian).

Tadeuchi, S. (1909). Zhivyye yadra: ocherk boyevoy zhizni yaponskoy armii pod Port-Arturom [The cannon-balls alive: the feature story of military life near Port Arthur], St. Petersburg: V. Berezovskiy. (In Russian).

Tsentral'nyy Gosudarstvennyy Istoricheskiy Arkhiv Gruzii, F. №138, arkh, № 43659 [The Central State Archive of Georgia, Inv. No. 138, file 43659]. (In Russian).

Vseobshchiy kalendar'. (1909). [A general calendar for everybody], St. Petersburg: P.P.Soykin Publ. (In Russian).

Zharova, E.Yu. (2016). O vstupitel'nykh ekzamenakh v universitety Rossiyskoy imperii kontsa XIX – nachala XX vv. [On entrance examinations in the universities of Russian Empire in the late 19th – early 20th cent.], *Vestnik Permskogo universiteta*: 332–41. (In Russian).

Поступила в редакцию 24.01.2019

Received 24 January 2019

Для цитирования: Ермакова Л.М. Г.Г. Ксими́дов и его «Очерк истории современной японской литературы 1868–1906» (Из истории отечественного японоведения) // Японские исследования. 2019. №1. С. 111–134. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10007

For citation: Ermakova L.M. (2019). Ksimidov i ego «Ocherk istorii sovremennoy yaponskoy literatury 1868–1906» (Iz istorii otechestvennogo yaponovedeniya) [G.G. Ksimidov and his “Outline of the contemporary Japanese literature (1868–1906)” (From the history of Japanese studies in Russia)], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 1: 111–134. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10007

Японские исследования. 2019. №1. С. 135–142.

Japanese Studies in Russia, 2019, 1, pp. 135–142.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10008

О XI ежегодной конференции Ассоциации японоведов «Япония и Россия в эпоху великих трансформаций»

А.А. Киреева

Аннотация. 20–21 декабря 2018 г. в МГИМО Университете прошла XI ежегодная конференция Ассоциации японоведов «Япония и Россия в эпоху великих трансформаций». В ходе конференции состоялось обсуждение вопросов исторического развития двух стран, культуры и общества, социально-экономического положения, внешней и внутренней политики Японии, а также российско-японских отношений. Ведущие эксперты обменялись мнениями по поводу того, каковы основные вехи развития двух стран и какие события оказались поворотными моментами истории. Помимо пленарного заседания, работа была организована в рамках трёх секций: «Политика», «Экономика и общество», «История, литература и культура». В конференции участвовали российские и японские дипломаты, исследователи, эксперты и преподаватели из российских и японских вузов. Представители посольства Японии отметили важную роль научных обменов в контексте перекрёстных годов Японии в России и России в Японии (2018–2019).

Ключевые слова: Россия, Япония, конференция, Ассоциация японоведов, история Японии, политика Японии, экономика Японии, общество Японии, внешняя политика Японии, российско-японские отношения.

Автор: Киреева Анна Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0002-0376-9734; E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Eleventh annual conference of the Russian Association of Japanologists “Japan and Russia in the Era of Great Transformations”

A.A. Kireeva

Abstract. The eleventh annual conference of Russia’s Association of Japanologists “Japan and Russia in the Era of Great Transformations” was held on December 20–21, 2018 at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). The topics discussed during the conference included historical development of both countries, Japanese culture and society, social and economic development, politics and foreign policy as well as Russia-Japan relations. Leading experts discussed the key trends of development and critical junctures in the history of both Russia and Japan. In addition to the plenary session, three panels were held: “Politics”, “Economics and society”, “History, literature, and culture”. Russian and Japanese researchers, professors, experts, and diplomats participated in the conference. Representatives of the

Japanese Embassy in Russia emphasized the importance of academic exchanges in the context of the Year of Russia in Japan and the Year of Japan in Russia held in 2018–2019.

Keywords: Russia, Japan, conference, Association of Japanologists, Japanese history, Japanese politics, Japanese economics, Japanese society, Japanese foreign policy, Russia-Japan relations.

Author: Kireeva Anna A., Ph.D., Associate Professor, Department of Asian and African Studies, Research Fellow, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). ORCID: 0000-0002-0376-9734; E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

20–21 декабря 2018 г. в МГИМО Университете прошла XI ежегодная конференция Ассоциации японоведов «Япония и Россия в эпоху великих трансформаций». На ней ведущие эксперты двух стран обсудили, какие события следует рассматривать как ключевые поворотные моменты трансформаций в истории России и Японии, каким образом они повлияли на развитие обеих стран. Помимо этого, предметом дискуссии стали история, современное состояние, проблемы и перспективы отношений России и Японии, актуальные вопросы внутренней и внешней политики, экономики, общественного развития, истории и культуры Японии. В конференции приняли участие российские и японские дипломаты, эксперты, исследователи, преподаватели из большого количества вузов и научно-исследовательских институтов: Токийский университет, Университет Киото, Университет Хосэй, Национальный институт оборонных исследований, МГИМО Университет, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, СПбГУ, Российский институт стратегических исследований, МПГУ, Институт экономических исследований ДВО РАН, НИУ ВШЭ, Дипломатическая академия, РУДН и др.

С приветственным словом выступил заведующий кафедрой востоковедения, профессор МГИМО Университета, председатель Ассоциации японоведов Д.В. Стрельцов. Он отметил важную роль оценки ключевых качественных трансформаций в истории двух стран, в особенности в свете 150-летия со времени реставрации Мэйдзи в Японии. Заведующий кафедрой дипломатии, профессор МГИМО, Чрезвычайный и Полномочный Посол, занимавший должность Посла России в Японии в 1996–2003 гг. А.Н. Панов выразил следующую точку зрения: российско-японские отношения находятся в настоящее время на историческом перепутье, связанном с уникальной возможностью заключения мирного договора, и задача экспертного сообщества – поддержать их развитие. Заместитель главы миссии Посольства Японии в России Аики Тосихиро в своём выступлении отметил усилия, которые направляются в ходе перекрёстных годов – года Японии в России и России в Японии в 2018–2019 гг. – на развитие гуманитарных, научных, молодёжных, спортивных и других программ обмена, включающих более 500 проектов. Он выразил надежду на то, что интенсифицировавшиеся обмены между двумя странами будут способствовать развитию российско-японских отношений и улучшению образа стран в общественном сознании друг друга.

На конференции прошла презентация изданий Ассоциации японоведов, выпущенных в 2018 г.: «Ежегодник Япония», коллективная монография «Японский феномен глазами российских японоведов» (продолжение изданного более двадцати лет назад труда под одноимённым названием и рассматривающее ключевые характерные черты современной

Японии в политической, экономической, социальной и культурной сферах), ежеквартальный электронный журнал профессионального сообщества японоведов России «Японские исследования» (индексируется в РИНЦ и Web of Science Emerging Sources Citation Index), ежегодный сборник статей «Актуальные проблемы современной Японии», издаваемый Институтом Дальнего Востока РАН.

Пленарное заседание было посвящено обсуждению ключевых трансформаций и их роли в истории России и Японии. Известный японский исследователь России, почётный профессор Токийского университета Вада Харуки в своём докладе рассмотрел, каким образом происходило историческое развитие Японии и России и какое влияние страны оказали друг на друга. Согласно его точке зрения, Пётр I в России и император Мэйдзи в Японии добились модернизации общественной системы и вооружённых сил обеих стран и благодаря этому занимают особое место в их истории. Профессор Института классического Востока и античности ВШЭ А.Н. Мещеряков в своём выступлении рассмотрел роль Реставрации Мэйдзи в истории Японии и сравнил эти исторические процессы с происходившим в России после Октябрьской революции 1917 г. Он охарактеризовал Реставрацию Мэйдзи в Японии как курс, направленный, с одной стороны, на реформы, а с другой – на преемственность системы и единство нации, без которых Японии не удалось бы осуществить комплексную модернизацию в соответствии с доктриной «богатое государство, сильная армия». Он отметил важную роль концепции единства нации как собрания родственников и единомышленников, которые работают сообща на решение одних задач. Подобный подход в корне отличался от российской революции и классовой фрагментации общества. Профессор Университета Киото Кимура Такаси в докладе проанализировал так называемую триаду Уварова и доктрину *кокутай* в контексте модернизации России и Японии соответственно.

Профессор Университета Хосэй Симотомаи Нобуо рассмотрел вопросы революции, реформ и роли раскольников в истории России. Научный сотрудник отдела по исследованию военной истории Национального института оборонных исследований Ханада Томоюки в своём докладе проанализировал отношения России и Японии в период Второй мировой войны. В выступлении заведующего кафедрой востоковедения, профессора МГИМО Д.В. Стрельцова содержался анализ так называемой системы 1955 года как уникального исторического феномена японской модели политических трансформаций. В своём докладе он продемонстрировал, каким образом произошло сращивание Либерально-демократической партии (ЛДП) и государственной власти, основанное на общенациональной цели достичь потенциала экономически развитых стран. На длительное время, с 1955 по 1993 г., в Японии сложилась так называемая система доминантной партии, при которой ЛДП, обладавшая мощной структурой политического планирования и олицетворявшая консервативные ценности, оставалась у власти в течение всего этого срока, а другие партии не могли составить ей адекватную конкуренцию. При этом внутри ЛДП существовали фракции, которые обеспечивали внутрипартийную конкуренцию. В Японии до сих пор не сложилось новой партийно-политической системы, в рамках которой основная политическая борьба осуществлялась бы между несколькими сильными партиями. ЛДП и сейчас позиционирует себя как надклассовая партия, представляющая интересы всего общества, а оппозиционные партии не способны представить привлекательную альтернативу.

Работа конференции далее прошла по секциям: «Политика» (модератор В.О. Кистанов), «Экономика и общество» (модератор И.П. Лебедева), «История, литература и культура» (модератор А.Н. Мещеряков).

Во время заседания секции «История, литература и культура Японии» специалисты выступили по следующим темам: «Поэтическая эпиграфика Японии как путь формирования “Окультуренного” социума» – Долин А.А. (НИУ ВШЭ), «Новогодняя почтовая открытка в период Мэйдзи и в современной Японии: история, трансформация, современность» – Бессонова Е.Ю. (ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова), «Изменение массового сознания в японском обществе в новое время» – Герасимова М.П. (Институт востоковедения РАН), «Составление синтетического словаря эстетических терминов в эпоху Мэйдзи (1868–1912 гг.)» – Дьяконова Е.М. (РГГУ, Институт мировой литературы им. Горького), «Образ России в японской литературе XX века» – Гуленок П.А. (СПбГУ), «Метаморфозы японского кино: Цукамото Синъя» – Катасонова Е.Л. (Институт востоковедения РАН), «Путь Чаю в эпоху Мэйдзи – Путь перемен и трансформаций» – Кудряшова А.В. (ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова), «Евразийство в Японии в начале XXI века: евразийский дискурс в романе Куроки Рё “Взлетная полоса на Шёлковом Пути”» – Малашевская М.Н. (СПбГУ), «История России и Японии XIX–XX вв. в историософской парадигме Леонида Васильева» – Полхов С.А. (Институт востоковедения РАН).

В докладе А.А. Долина был проведён анализ политической эпиграфики, которую автор определяет как сознательное и целенаправленное формирование уникальной эстетической среды обитания посредством установки тысяч мемориальных каменных стел. Часть из них посвящены деятелям культуры, а часть представляют собой памятники со стихами знаменитых поэтов. Они играют роль исторических хронотопов, увековечивающих историю конкретного места и вписывающих их в культурную географию страны. Доклад Е.Ю. Бессоновой был посвящён анализу истории и трансформации роли новогодней почтовой открытки в поддержании межличностных отношений в Японии. Данный вид посланий остаётся значимым явлением и в современном японском обществе.

М.П. Герасимова в своём выступлении рассмотрела основные параметры изменения массового сознания в обществе Японии в новое время. Вследствие наличия собственных мировоззренческих установок японцам потребовалось значительное время для усвоения западноевропейских воззрений и концепций. При этом ключевой особенностью трансформации массового сознания в Японии является то, что инкорпорирование западных установок и понятий не привело к пересмотру или отрицанию своих собственных. В докладе Е.М. Дьяконовой содержался анализ шести концепций красоты, оформившихся в классический период развития японской традиции, и трансформации этого понятия в эпоху Мэйдзи. Появление универсальной категории красоты *би* привело к возникновению новых культурных феноменов в данный период.

П.А. Гуленок в своём докладе рассмотрела отражение образа России в японской литературе в XX веке. Она обратила внимание на такие феномены, как русская эмиграция в Японии, первые контакты двух стран, войны и лагеря военнопленных в Сибири. В выступлении Е.Л. Катасоновой содержался анализ фильмов японского режиссера Цукамото Синъя, которые находятся на стыке научной фантастики и ужасов и представляют собой радикальный пример киберпанка и арт-хаусного кино. С помощью сложных, подчас негативных и пугающих образов в своём фильме «Тэцуо: железный человек» режиссёр

поднимает важную проблему соблюдения баланса между человеком и технологиями и необходимости сохранения в людях человеческого начала.

В своём выступлении А.В. Кудряшова рассмотрела, каким образом происходила трансформация «Пути чая» в период Мэйдзи. Хотя в первой половине эпохи произошло заметное снижение интереса и популярности чайной церемонии, во второй половине этого периода, наоборот, происходит возрождение интереса к чайной культуре, которая воспринимается как воплощение истинного японского духа. Выступление М.Н. Малашевской было посвящено анализу течения Евразийства в начале XXI века в Японии. Докладчик проанализировала евразийский дискурс, его понятия и центральные идеи в романе Куроки Рё «Взлётная полоса на Шёлковом Пути» (2005). В докладе С.А. Полхова был проведён анализ истории России и Японии в историософской парадигме известного российского историка, синоведа и востоковеда Леонида Сергеевича Васильева, автора популярной «Истории Востока». Во второй половине XIX века он отмечает схожие черты в развитии двух стран: сосуществование и противоборство традиционной восточной и античной западной моделей. Однако в XX–XXI веках в Японии воплотилась западная структура, а в России – традиционная восточная централизованная модель государства и экономики.

Секция «Политика» была посвящена обсуждению различных аспектов внешней политики Японии и её участия в международных отношениях в Восточной Азии и на Индо-Тихоокеанском пространстве. На секции были представлены следующие доклады: «Индийское направление внешней политики С. Абэ» – Добринская О.А. (Дипломатическая академия МИД России, Институт востоковедения РАН), «Отношения Китая и Японии: наступила новая историческая эпоха?» – Киреева А.А. (МГИМО Университет), «Индо-Тихоокеанская стратегия Японии и Китая» – Кистанов В.О. (Институт Дальнего Востока РАН), «Российско-японский диалог по проблемам безопасности» – Парамонов О.Г. (МГИМО Университет, НИУ ВШЭ), «Эволюция взглядов японской молодёжи на проблему принадлежности Курильских островов (на основе опыта участия в программах обмена 2012–2018 гг.)» – Ларионова А.Н. (РСМД, НИУ ВШЭ), «Особенности развития политического диалога между РК и Японией в 2018 г.» – Лобов Р.Н. (РИСИ), «Роль Японии в процессе трансформации новой структуры безопасности в СВА» – Милеев Д.А. (Институт востоковедения РАН).

Согласно оценке О.А. Добринской отношения с Индией играют важную роль во внешнеполитической стратегии кабинета С. Абэ. В настоящее время наблюдается развитие отношений между Японией и Индией как в политической сфере, так и в экономике, в особенности в строительстве инфраструктуры и высоких технологиях, а также по линии министерств обороны. Политическое сближение основано на стремлении стран найти противовес растущему влиянию Китая, экономическое – на заинтересованности Индии в модернизации своей экономики, а Японии – в получении новых рынков сбыта. В выступлении А.А. Киреевой была проанализирована текущая стадия отношений Китая и Японии, характеризующаяся нормализацией политического диалога между руководством обеих стран в 2017–2018 гг. Помимо желания стабилизировать двусторонние связи, улучшение отношений связано с реакцией на нестабильность, порождаемую политикой администрации Д. Трампа в США и нарастанием стратегической конфронтации между Соединёнными Штатами и КНР. Потепление китайско-японских отношений следует рассматривать скорее как нормализацию диалога, чем серьёзное сближение, т.к. коренные противоречия между странами пока далеки от разрешения.

Доклад В.О. Кистанова был посвящён анализу политики Японии по отношению к Индо-Тихоокеанскому региону, который рассматривается как геополитический феномен, образовавшийся вследствие экономических и политических изменений, вызванных усилением Китая. Хотя официально Япония подчёркивает ненаправленность стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» против третьих стран, де-факто она нацелена на усиление противовеса китайскому геополитическому и экономическому влиянию. Однако её успешной реализации мешают отношения экономической взаимозависимости, которые сформировались у стран региона с Китаем. В докладе О.Г. Парамонова был проанализирован активизировавшийся диалог между Россией и Японией по вопросам международной безопасности. Помимо заинтересованности в решении территориального спора с Россией, Япония рассматривает сближение с Россией как способ реагирования на серьёзные вызовы и угрозы безопасности, с которыми она сталкивается. Тем не менее, ряд факторов ограничивает сближение двух стран: например, с российской стороны указывается на неравноправное положение Японии в рамках альянса безопасности с США.

В своём выступлении А.Н. Ларионова проанализировала, как молодёжь России и Японии воспринимает территориальный спор. Она обратила внимание на государственную политику в Японии по повышению осведомлённости населения о так называемых северных территориях, включающую распространение информации о споре вокруг «четырёх» южнокурильских островов, на которые претендует Япония, с помощью СМИ и специализированных сайтов, комплекса образовательных мер и др. Для обществ двух стран характерен относительно невысокий уровень осведомлённости по поводу территориального спора, при этом осведомлённость в Японии выше, чем в России. Р.Н. Лобов в своём докладе рассмотрел политические отношения между Республикой Корея и Японией в 2018 г. Он отметил, что руководство РК, несмотря на заинтересованность в отношениях с Японией, по внутриполитическим причинам не может отказаться от политизации вопросов исторического прошлого, в особенности связанных с проблемой «женщин для утешения». Помимо этого, позиции по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова продемонстрировали определённые различия в связи с тем, что Южная Корея проводит более мягкую политику в отношении КНДР.

Доклад Д.А. Милеева был посвящён анализу роли Японии в процессе трансформации новой структуры безопасности в Северо-Восточной Азии. Будучи ответственным глобальным игроком, Япония заинтересована в создании порядка, в котором безопасность будет базироваться на уверенности в отсутствии угрозы, открытости и расширении региональной интеграции. В этих целях для Японии важно поддержание стабильных отношений с Россией, урегулирование ситуации на Корейском полуострове, нахождение баланса в отношениях с КНР и сохранение союза с США. Выступая в дискуссии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения К.О. Саркисов отметил, что усиление комплексной мощи Китая по отношению к Японии ставит последнюю перед серьёзным вопросом: каким образом выстраивать с ним отношения и найти успешную формулу сосуществования.

На секции «Экономика и общество» были представлены следующие доклады: «О социальном расслоении в Японии» – Лебедева И.П. (Институт востоковедения РАН), «Университетская наука как ресурс инновационного развития японской экономики» – Тимонина И.Л. (ИСАА МГУ им М.В. Ломоносова, РАНХ и ГС, МГИМО Университет),

«Трансформации XXI века: Япония на пути к обществу нового типа» – Тихоцкая И.С. (МГУ им. М.В. Ломоносова), «Опыт финансирования реформ на примере начального этапа индустриализации Японии в 70-е–80-е годы XIX века» – Емельянова О.Н. (НИУ ВШЭ), «Институциональные режимы привлечения прямых инвестиций в Японии» – Суслов Д.В. (Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск), «Внешние факторы замедления восстановления экономики Японии в 2014–2017 гг.» – Белов М.В. (ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова), «Как российским компаниям достичь эффективности японских?» – Валиуллин Р.З. (консультант по индустриальным проектам), «Сравнительный анализ влияния Олимпийских игр на экономику страны-организатора (на примере Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. и игр в Токио в 2020 г.)» – Комаров М.Е. (ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова).

И.П. Лебедева обратила внимание на то, что в современном японском обществе наблюдаются процессы расслоения как по уровню доходов, так и по социальному статусу, а население в целом демонстрирует разнообразие стилей жизни и жизненных предпочтений. Хотя центром японского общества остаётся «средний класс», в различных возрастных категориях населения появляются необычные для Японии группы людей, образ жизни которых не соответствует общепринятым нормам и представлениям. Это приводит к появлению определённых вызовов для современного общества страны. И.Л. Тимонина в своём докладе проанализировала роль университетской науки для решения социально-экономических задач, в частности, построения Общества 5.0 и превращения Японии в наиболее инновационное и конкурентоспособное государство на мировом уровне. Важной задачей в связи с этим является развитие инновационного (венчурного) предпринимательства и создания «экосистемы стартапов», в рамках которой бизнес, университеты, научно-исследовательские институты, финансовые организации и государственные структуры взаимодействуют в циклическом процессе развития инновационного бизнеса.

Выступление И.С. Тихоцкой было посвящено политике Японии, направленной на создание устойчивого общества. Несмотря на успехи страны в области управления бытовыми отходами, перед Японией стоит задача изменения менталитета и консолидации усилий всего общества для успешного продвижения к обществу нового типа. В докладе О.Н. Емельяновой рассматривалось то, каким образом правительство Мэйдзи смогло привлечь финансирование для своей программы реформ и начального этапа индустриализации страны в 1870-е – 1880-е годы. В своём докладе Д.В. Суслов проанализировал, какие институциональные механизмы существуют в Японии для привлечения прямых иностранных инвестиций. Свою роль для реализации этой цели призваны сыграть Центр поддержки бизнеса, инвестирующего в Японию, и Бюро глобального альянса по продвижению, которое занимается привлечением инвестиций в малые и средние предприятия. Законодательная база устанавливает уведомительный и разрешительный порядки для допуска иностранных инвесторов на рынок Японии в зависимости от отрасли, формы и доли участия.

В докладе М.В. Белова рассматривалась роль внешних факторов в замедлении восстановления японской экономики в 2014–2017 гг., прежде всего, снижения темпов роста китайской экономики, «Брекзита» и прихода к власти в США администрации Д. Трампа. Р.З. Валиуллин в своём выступлении указал на факторы «экономического чуда» в Японии и возможность применения японского опыта для модернизации России и повышения эффективности российских компаний. М.Е. Комаров обратил внимание на необходимость

анализа опыта проведения Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. на экономику страны-организатора для того, чтобы при проведении игр в Токио в 2020 г. экономика Японии получила положительный эффект.

21 декабря 2018 г. состоялось закрытое совместное заседание группы российских и японских историков по вопросам подготовки коллективной монографии One and a Half Centuries of Great Transformations in Russia and Japan. С российской стороны в заседании приняли участие Д.В. Стрельцов, А.Н. Панов, А.Н. Мещеряков, С.В. Чугров, К.О. Саркисов, С.В. Гришачев, В.В. Нелидов, а с японской – Симотомаи Н., Вада Х., Кимура Т., Ханада Т., Кобаяси А.

Следующая, XII конференция Ассоциации японоведов по современной Японии состоится в декабре 2019 г.

Поступила в редакцию 09.03.2019

Received 9 March 2019

Для цитирования: Киреева А.А. О XI ежегодной конференции Ассоциации японоведов «Япония и Россия в эпоху великих трансформаций» // Японские исследования. 2019. №1. С. 135–142. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10008

For citation: Kireeva A.A. (2019). O XI ezhegodnoy konferentsii Assotsiatsii yaponovedov «Yaponiya i Rossiya v epokhu velikikh transformatsiy» [Eleventh annual conference of the Russian Association of Japanologists “Japan and Russia in the Era of Great Transformations”], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 1: 135–142. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10008

Научное издание

Японские исследования
№ 1, 2019

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Выпускающий редактор:	Е.В. Белилина
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков

Дата публикации:	29.03.2019
------------------	------------

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32, ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 08 02

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 1, 2019

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Publishing editor:	E.V. Belilina
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov

Date of issue:	29 March 2019
----------------	---------------

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 02 13 (Foreign Relations Dept. of IFES RAS)

www.japanjournal.ru



日
本
研
究